

Эберс Г.

НЕВЕСТА НИЛА

ЕГИПЕТСКИЕ
НОЧИ

Египетские ночи

Георг Эберс
Невеста Нила

«Алгоритм»

1887

УДК 821.112.2
ББК 84(4Гер)

Эберс Г. М.

Невеста Нила / Г. М. Эберс — «Алгоритм», 1887 — (Египетские ночи)

ISBN 978-5-486-03265-3

Георг-Мориц Эберс (1837-1898) – известный немецкий ученый-египтолог, талантливый романист. В его произведениях (Эберс оставил читателям 17 исторических романов: 5 – о европейском средневековье, остальные – о Древнем Египте) сочетаются научно обоснованное воспроизведение изображаемой эпохи и увлекательная фабула. В восьмой том Собрания сочинений вошел один из самых известных исторических романов Г. Эберса «Невеста Нила». Две девушки – один юноша. Кто из них любим? Кто достоин любви? Возможно ли получить любовь предательством? И какова расплата за предательство и муки совести? До самого конца Георг Эберс держит читателей в напряжении, до самого конца неизвестно, кто же из девушек останется жить и будет счастлив, а кто погибнет в водах Нила, став его невестой. Этот роман о любви и предательстве, о мечтах и свершениях, о порядочности и подлости.

УДК 821.112.2
ББК 84(4Гер)

ISBN 978-5-486-03265-3

© Эберс Г. М., 1887
© Алгоритм, 1887

Содержание

I	6
II	11
III	16
IV	20
V	27
VI	32
VII	41
VIII	47
IX	55
X	65
XI	72
XII	82
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Георг Мориц Эберс

Невеста Нила

© ООО ТД «Издательство Мир книги», оформление, 2010

© ООО «РИЦ Литература», 2010

* * *

I

Прошло уже более двух лет с тех пор, как Египет покорился юному, но баснословно быстро окрепшему могуществу арабов. Он довольно легко достался отлично дисциплинированной горсти мусульманских воинов, и, таким образом, прекрасная провинция, составлявшая еще недавно красу Византийской империи и твердый оплот христианства, сделалась достоянием Омара¹. Наряду с крестом всюду возвышался полумесяц.

Стояло нестерпимо знойное лето, вызвавшее засуху: благодатный Нил до сих пор обмывал надежды египтян, напрасно готовившихся, по обычаю, торжественно отпраздновать «ночь орошения», которая приходилась на 17 июня. Назначенный срок давно миновал, а вода в реке не только не прибывала, а, напротив, заметно убывала. В это тревожное время, переживаемое несчастной страной, 10 июля 643 года в Мемфис пришел с севера купеческий караван. В разоренном городе пирамид, простирающемся в виде громадного тростникового листа только в длину, в узком пространстве между Нилом и цепью Ливийских гор, даже эта небольшая партия чужестранцев возбудила любопытство населения, тогда как прежде мемфиты едва удоставляли взглядом необозримые вереницы нагруженных дорогами товарами повозок и красивых, запряженных волами экипажей, блестящие отряды всадников императорского войска или бесконечные процессии, оживлявшие главную улицу города, которая простиралась более чем на милю.

Хозяин каравана сидел на отлично выезженном верблюде. Это был худощавый мусульманин в одежде из мягкого шелка. Широкая чалма покрывала его голову, отбрасывала легкую тень на тонко очерченное немолодое лицо. Египетский проводник, ехавший рядом на бойком ослике, с удовольствием посматривал на купца. Наружность путешественника не отличалась особой красотой: у него были впалые щеки, жидкая бородка и большой орлиный нос, но зато в глазах отражались ум и сердечная доброта. Болезнь и горе провели морщины по его приятному лицу; однако, несмотря на это, в облике хозяина каравана были заметны решительность и твердая воля. Следовавшие за ним арабы, с ног до головы обвешанные оружием, с бородастыми суровыми лицами, очевидно, находились у него в беспрекословном подчинении, внимательно ловя малейший знак своего повелителя. Старшина герменевтов, или проводников для иностранцев, ворчливый смуглый мемфит, каждый раз, когда ему случалось нечаянно приблизиться к угрюмым всадникам на дромадерах², беспокойно пожимал плечами, как будто опасаясь удара бича или тычка, между тем как владелец каравана, купец Гашим, не внушал египтянину ни малейшего недоверия, и он разговаривал с ним, проявляя при этом словоохотливость, свойственную его званию.

— Как хорошо знаешь ты Мемфис, — сказал проводник, когда приезжий удивился печальной перемене и упадку города.

— Тридцать лет назад я нередко бывал здесь по делам, — отвечал купец. — Как много домов теперь пусты и заброшены, тогда как прежде в них можно было найти себе приют только с большим трудом и за дорогую плату! Везде развалины! Кто мог привести в такой жалкий вид вон ту великолепную церковь? Арабы, как мне известно от самого полководца Амру³, не разорили и не тронули ни одного христианского храма.

¹ Омар I (ок. 581 или 591–644) — второй халиф (с 634 г.) в Арабском халифате.

² Дромадер — одногорбый, быстро бегающий верблюд.

³ Амру (Амр ибн-аль-Асый; ?—664) — талантливый арабский полководец; самовольно вторгся в Египет и завоевал его в 640–642 гг., сделавшись наместником страны.

– Но ведь то была главная церковь мелхитов⁴, императорских слуг! – воскликнул египтянин таким тоном, как будто этот факт оправдывал происшедшее варварство.

– Но что же дурного в их вероучении? – спросил купец, не убежденный такими доводами.

– Что дурного? – снова воскликнул проводник, и его глаза засветились гневом. – Но ведь мелхиты оспаривают единую Божественную природу Спасителя мира! Мало того, пока твои соотечественники не положили конец беззаконию, греки, опираясь на императорскую власть, поступили с исконными владениями Египта как со своими невольниками. Они силой гнали нас в свои церкви; каждый египтянин слыл у них за бунтовщика; им пренебрегали, точно прокаженным. Над нами издевались за нашу веру...

– И потому, – перебил его купец, – как только мы победили греков, вы стали разорять их дома и обращаться с ними много хуже нас, которых вы называете «неверными».

– Неужели нам следовало щадить своих притеснителей? – надменно возразил египтянин, гневно оглядываясь на разрушенное здание. – Они пожинают то, что посеяли, и теперь в Египте, благодарение Богу, все, кто не принадлежит к мусульманству, исповедуют нашу веру. Мы обязаны уничтожить их жалкие храмы, так как на Халкидонском соборе, да будет он проклят, эти еретики лишили Христа Его Божественного достоинства.

– Но все-таки мелхиты ваши единоверцы и христиане, – настаивал купец.

– Христиане, – повторил проводник, презрительно пожимая плечами. – Пускай они считают сами себя кем угодно, но в этой стране все мы, от мала до велика, убеждены в том, что греческие выходцы не имеют права называться нашими единоверцами и причислять себя к Христову стаду. Да будут все они прокляты со своими еретическими затеями! Они унижают религию дьявольскими выдумками. Посмотри на священное изображение мелхитов вон там, у каменного столба: видишь голову коровы на человеческом туловище? Чем это лучше языческого идола? Мы, якобиты⁵, монофизиты или как бы нас ни называли, признаем нераздельно Божественную природу Господа Спасителя, и если наша вера должна быть уничтожена, то я охотно сделаюсь мусульманином, признаю вашего великого единого Бога. Пусть меня разрежут на куски вместе с женой и детьми, но я ни за что не присоединюсь к мелхитской ереси. Как знать, пожалуй, египтянам не будет хуже под игом арабов. Вы приобрели большую власть и можете удержать ее. Если нам пришлось подчиняться чужестранцам, то каждый из нас охотнее заплатит маленькую подать мудрым мединским калифам, чем большую – константинопольскому императору. Мукаукас⁶ Георгий – человек хороший; если он так скоро сдался вам, значит, находил это разумным. Я знаю от своего брата, что наместник провинции считает арабов честными, богобоязненными людьми, добрыми нашими соседями и, пожалуй, даже единоплеменниками, а византийских еретиков, притеснявших египтян, ненавидит, как собак; между тем Георгий – примерный христианин.

Арабский купец, улыбаясь про себя, внимательно слушал мемфита; герменевт несколько раз прерывал рассказ, распоряжаясь ходом каравана. Наконец египтянин направил верблюдов в переулок, который выходил на другую людную улицу и был застроен красивыми домами, утопавшими в зелени садов.

Здесь мостовая была не так избита, что дало возможность приезжему купцу продолжить разговор с проводником.

⁴ *Мелхиты* – так с V в. назывались христиане Египта и Сирии. Мелхиты приняли канон IV вселенского собора (451 г.), проходившего в византийском городе Халкидоне; они имели своего патриарха в Дамаске, именовавшегося антиохийским.

⁵ *Якобиты*, или монофизиты (одноестественники), – сторонники учения архимандрита одного константинопольского монастыря Евтихия. Согласно этому христианскому учению в Иисусе Христе признавались не два естества – Божеское и человеческое, а только одно Божеское. Монофизитство было строго осуждено на специально для этого созванном Халкидонском соборе, но, несмотря на осуждение, широко распространилось в Египте, Сирии, Армении и других восточных провинциях Византии. В наше время оно является господствующим в армянской, эфиопской, коптской и якобитской сирийской церквях.

⁶ *Мукаукас* – нечто вроде наместника провинции.

– Я хорошо знал отца наместника Георгия, – сказал араб, – это был богатый и здраво-мыслящий человек. Теперь и про его сына говорят только хорошее. Но разве за ним осталось звание наместника или, как ты сказал, мукаукаса?

– Конечно, господин! – отвечал герменевт. – Их род самый древний в Египте, и если старый Менас был богатым, то его сын еще богаче благодаря наследству и отличному имению, взятому за женой. Он и теперь строго наблюдает за своими подчиненными, но все-таки дела решаются уже не так быстро, как прежде. Хотя наместник немногим старше меня, а мне под пятьдесят лет, но его здоровье очень плохо, и он вот уже несколько месяцев не выходит из дому; даже наместник вашего халифа является к нему сам для переговоров. Все жалеют почтенного Георгия, а кто виноват в его болезни? Мелхитские собаки! Спроси по всему побережью Нила о виновниках несчастья, и каждый ответит тебе то же самое. Где прошел мелхит, где побывал грек, там больше не вырастет трава!

– Но послушай, как мог мукаукас, высший императорский чиновник... – начал араб.

– А ты думаешь, греки щадили Георгия? – с жаром прервал его герменевт. – Они, конечно, не смели явно задеть наместника, но зато сделали еще хуже. Во время восстания мелхитов против египтян – это происходило в Александрии, и покойный греческий патриарх Кир действовал заодно с нашими врагами – двое сыновей Георгия в полном цвете сил были умерщвлены самым бесчеловечным образом; вот что подкосило старика.

– Бедный Георгий! – произнес со вздохом араб. – А других детей у него не осталось?

– Остался еще один сын и вдова старшего сына. Она, конечно, тотчас ушла в монастырь после смерти мужа, но ее дочь Мария, десятилетняя девочка, осталась у деда и бабушки.

– Вот это хорошо, по крайней мере в доме наместника не так скучно!

– Конечно, господин, но у Георгия и без того не скучно, в особенности теперь. Единственный оставшийся в живых сын мукаукаса, Орион, вернулся третьего дня из Константинополя после долгого отсутствия. Надо было видеть, как ликовал наш город! Тысячная толпа встретила юношу, точно царя; ему воздвигли триумфальную арку, весь народ высыпал на улицы, и мое семейство тоже не отстало от других. Каждому хотелось поскорее увидеть сына и наследника великого мукаукаса, а женщины, конечно, сторали от любопытства!

– Ты говоришь таким тоном, как будто не одобряешь этих почестей, – заметил Гашим.

– Как тебе сказать? – пожал плечами герменевт. – Орион, во всяком случае, единственный сын самого известного человека в стране.

– Но разве он не обещает сделаться таким же, как его отец?

– Конечно, обещает! – воскликнул проводник. – Мой брат священник, старшина здешнего высшего училища, был наставником Ориона и говорит, что ему никогда не случалось видеть юноши столь необыкновенного ума. Учение давалось мальчику легко, однако он был прилежен, как сын бедняка. По словам Марка, Орион будет славой и гордостью своих престарелых родителей, своих сограждан и всего Мемфиса, но я не одобряю в нем одной черты характера и заранее говорю, что женщины вскружат ему голову и доведут юношу до гибели. У него прекрасная наружность – он еще более статен, чем Георгий в молодые годы, – и молодой человек пользуется этим. Стоит Ориону увидеть хорошенькое женское личико, а они постоянно попадают ему на дороге...

– И повеса тотчас готов увлечься красоткой, – перебил со смехом мусульманин. – Ну, это беда еще невелика!

– Нет, господин! Даже мой брат, живущий теперь в Александрии и по-прежнему слепо любящий своего бывшего воспитанника, говорит, что женщины не доведут до добра Ориона. Если он не исправится, то будет все дальше и дальше уклоняться от заповедей Божьих и повредит своей душе. Между тем соблазны окружают его на каждом шагу. Благородный дар красоты и привлекательности погубит сына Георгия; я не желаю ему зла, однако мне кажется...

– Ты видишь все в мрачном цвете и судишь слишком строго, – возразил старик. – Молодежь...

– Даже молодежь, – возразил проводник, – по крайней мере христианская, должна обуздывать свои страсти. Я сам готов отдать душу за красавца Ориона; этого малого нельзя не любить; когда встретишь его и он тебе поклонится, так весь просветлеешь от радости. То же самое чувствуют к нему тысячи мемфитов, а про женщин и говорить нечего. Но, несмотря на доброту юноши, из-за него пролито немало слез. Однако наш молодец легок на помине! Вот он, посмотри!.. Остановись!.. Эй, люди, остановитесь! Ты не будешь сожалеть о минутной задержке, господин – на Ориона стоит полюбоваться.

– Красивая четверка лошадей там, у высоких садовых ворот, принадлежит ему?

– Да, у него отличные паннонские рысаки, привезенные недавно в Египет, быстрые как стрела, и притом... Ах какая досада, теперь они исчезли за оградой! Впрочем, ты должен видеть их со своего высокого дромадера. Молоденькая девушка рядом с Орионом – дочь вдовы Сусанны, которой принадлежат этот сад и красивый дворец за деревьями.

– Великолепное имение! – воскликнул араб.

– Еще бы, – отвечал мемфит, – сад доходит до самого Нила, и как он прекрасно обработан!

– Не жил ли здесь прежде торговец зерновым хлебом Филамон?

– Конечно! Он был мужем Сусанны и, говорят, женился на ней уже немолодым. У них всего одна дочь, самая богатая наследница в нашем околотке; несмотря на свои шестнадцать лет, она очень мала ростом, как видишь. Но это понятно: ее отец слишком поздно вступил в брак. Однако девушка миловидна и весела и при этом изумительно проворна.

– Действительно, она скорее похожа на ребенка, чем на женщину, но мне нравится ее грациозная, подвижная фигурка. Сын наместника... как его зовут?

– Орион.

– Черт возьми! – усмехнулся старик. – Ты сказал про него истинную правду. Таких юношей, как этот Орион, очень не много на свете. Какой рост! Как идут ему темные локоны! Таких детей обыкновенно балуют в детстве родные матери, а потом их примеру следуют и остальные женщины. Кроме того, у него умное, открытое лицо, отличающее недюжинную натуру. Жаль только, что он не оставил в Константинополе свое пурпурное одеяние с золотым шитьем. Такая одежда не подходит к несчастному, разоренному городу.

Мемфит погнал вперед своего ослика, но Гашим остановил его, привлеченный сценой, происходившей за оградой сада.

Он видел, как красавец Орион передал с рук на руки молодой девушке белую собачку с курчавой шелковистой шерстью, очевидно принадлежавшую ему. Дочь Сусанны поцеловала хорошенького песика и потом обвила шею Ориона длинным стеблем травы, как будто снимая мерку. Тут молодые люди весело засмеялись, взглянули друг другу в глаза и начали прощаться. При этом девушка потянулась за цветами, росшими на каком-то редкой породы кустарнике. Торопливо сорвав с ветки два великолепных пурпурных колокольчика, резвушка подала их юноше, вспыхнув легким румянцем, и оттолкнула руку, которой он хотел поддержать ее за талию, когда она старалась дотянуться до вершины куста. Орион поднес к губам сорванные ею цветы, и ее свежее личико засияло счастьем.

Гашим искренне любовался этой сценой, как будто она воскресила в нем дорогие воспоминания прошлого. Его добрые глаза засветились веселостью, когда Орион с лукавой улыбкой шепнул что-то на ухо молодой девушке, а она с притворным гневом быстро ударила его по щеке былинкой травы и потом бросилась бежать, как дикая козочка, через лужайки и цветочные клумбы, не обращая внимания на зов юноши: «Катерина, дорогая, постой, куда ты?» Но плутовка стремглав умчалась к дому.

Продолжая путь со своим караваном, купец не мог забыть виденной им грациозной идиллии. Вскоре его перегнал на своей четверке Орион, и тогда араб пристально посмотрел на интересного юношу. Породистые паннонские лошади, колесница, украшенная серебряными фигурками, и старый возница представляли зрелище редкой красоты. Но когда Орион, медленно объехав верблюдов, погнал во весь опор своих горячих коней и вскоре исчез из виду в облаке пыли, лицо Гашима вдруг омрачилось; он подозвал к себе одного из молодых погонщиков и приказал ему поднять с пыльной дороги пурпурные цветы. Гашим видел, как юноша с недовольной миной швырнул их на дорогу.

– Твой брат говорит правду, – заметил араб, обращаясь к проводнику, – женщины опасны красавцу Ориону, и сам он сделает им немало зла. Мне жаль бедную малютку, которую я видел сейчас в саду.

– Дочь Сусанны? – спросил мемфит. – Но сын Георгия, вероятно, станет ее мужем. Матери молодых людей непременно сосватают их. Оба они богаты, а золото всегда тяготеет к золоту... Слава богу, солнце стоит уж над пирамидами! Помести своих людей в той обширной гостинице, ее хозяин человек честный, а во дворе достаточно тени.

– Что касается верблюдов и слуг, – отвечал купец, – то они могут здесь отдохнуть. Я же с проводником каравана и некоторыми из моих спутников немного подкреплюсь ужином, а потом ты проводишь нас к наместнику, мне нужно с ним поговорить. Теперь уже довольно поздно...

– Это не важно! – воскликнул египтянин. – Мукаукас охотнее принимает просителей по вечерам в такую жаркую погоду. Если ты имеешь к нему дело, то мне очень легко провести тебя к Георгию. Домоправитель Себек немедленно доложит о тебе, если ты не пожалеешь нескольких золотых. Этот человек также мне родственник. Пока вы отдохнете здесь, я съезжу к наместнику и привезу вам точный ответ.

II

Гостиница, где расположился Гашим со своим караваном, стояла близ дороги, на холме, окруженном пальмами. До разрушения языческих древностей в Нильской долине здесь помещался храм Имхотепа⁷, египетского эскулапа, благодетельного божества врачебной науки.

В городе мертвых Имхотеп также имел своих почитателей. Здание было наполовину разрушено, наполовину занесено песками пустыни, до тех пор, пока один предприимчивый трактирщик не купил за дешево живописный храм с примыкавшей к нему рощей. С тех пор гостиница переходила из рук в руки; к каменному зданию приделали деревянную пристройку для приема путешественников, а в пальмовой роще, доходившей до набережной реки, были выстроены стойла и загоны для скота. Все это, вместе взятое, напоминало скотный рынок, и действительно сюда являлись мясники и торговцы лошадьми.

Пальмовая роща, одна из немногих оставшихся вблизи города, привлекала к себе жителей Мемфиса для прогулок. У самой реки трактирщик поставил скамейки и столы, а в маленькой бухте, примыкавшей к его владениям, всегда были готовы лодки для катания. Старые дома, некогда отделявшие это место от большой дороги, давно разрушились и были снесены. Теперь рядом с гостиницей производились обширные работы. Сотни людей под надзором арабских надсмотрщиков разбирали громадные развалины времен Птолемеев; они лежали приблизительно в двухстах шагах от пальмовой рощи. Большие, прекрасно обтесанные плиты известняка и мрамора, а также высокие колонны, поддерживавшие крышу храма Зевса Мемфисского, несмотря на полуденный зной, грузили на подводы, запряженные быками, и свозили к реке, откуда их переправляли на плотах к восточному берегу Нила.

Здесь полководец и наместник калифа Амру строил себе новый дворец. С этой целью сюда свозили материалы из разрушенных идольских капищ, где находились не только прекрасно отделанные твердые камни, но также греческие колонны всех ордоров, которые снова шли в дело. Арабы не пренебрегали ничем и без разбора пользовались при постройке своих мечетей плитами и колоннами христианских церквей и языческих капищ.

В храме Имхотепа стены и потолок в прежнее время были сплошь покрыты священными изображениями и иероглифическими надписями, но дым от трактирного очага осел на них толстым слоем копоти; сверх того, последователи новой религии старательно уничтожали эти памятники старины. В некоторых местах их покрыли даже слоем извести, на которой начертали христианские символы или изречения далеко не религиозного содержания на греческом и простонародном⁸ египетском языке.

Поставив верблюдов и разместив товары, приезжий араб со своими спутниками пошел обедать в большой галерее бывшего храма. Все они строго воздерживались от вина, кроме предводителя каравана, который не был мусульманином, а принадлежал к персидской секте масдакитов⁹.

Гашим сидел за отдельным столиком. Подкрепившись, он подозвал перса и приказал ему положить тюк с коврами на носилки между двумя выючными верблюдами.

⁷ *Имхотеп* – в египетской мифологии сын бога-демиурга (творца всего сущего) Пта. Имхотеп являлся верховным сановником фараона Джосера (ок. 2780–2760 до н. э.) и строителем его пирамиды. Имхотепа считали мудрецом и чародеем, приписывали ему различные магические и медицинские сочинения, а в VIII в. до н. э. жрецы объявили его полубогом и покровителем медицины; городом его культа стал Мемфис.

⁸ Имеется в виду демотическое письмо.

⁹ *Масдакиты* – приверженцы религиозно-философского учения, распространившегося в Иране и некоторых соседних с ним странах, начиная с III в. н. э. Свое название получили позже по имени руководителя народного движения 490–520 гг. Масдака. Последователи масдакизма считали, что в основе мирового процесса лежит борьба между добрым и злым началом; они призывали к борьбе за уничтожение социального неравенства, отождествлявшегося ими со злом.

– Все давно готово, – отвечал предводитель каравана, красивый мужчина, высокий, статный, как дуб, с белокурыми волосами, курчавыми и густыми, точно львиная грива. Длинные усы еще больше красили его.

– Тем лучше, – заметил Гашим. – Выйдем со мной на свежий воздух.

С этими словами купец пошел впереди масдакита в пальмовую рощу. Солнце скрылось уже за пирамидами, городом мертвых и за цепью Ливийских гор. Вечерняя заря играла на обнаженных утесах Вавилонского хребта по ту сторону реки. Можно было подумать, что все сорта роз, разведенных самым искусным садовником в Арсиное или в Навкратисе, начиная с золотисто-желтых до ярко-красных и темно-фиолетовых, отдали свои краски, чтобы украсить ими склоны, выступы и ущелья гор.

Старик Гашим был восхищен таким волшебным зрелищем. Тревожно дыша, он положил свою изнеженную руку на могучее плечо перса и сказал:

– Ваш учитель Масдак говорит, будто бы по воле Всевышнего все земные блага должны быть равномерно распределены между людьми, чтобы на земле не было ни бедных, ни богатых; всякая собственность, по его учению, должна быть общей. Но посмотри вокруг себя и скажи, что может быть лучше подобной картины? А между тем чья она собственность? Эта несравненная красота равно принадлежит и тебе, и мне, и нашему могущественному калифу, и бедняку Салеху, которому мы позволяем из милости бежать за нашими верблюдами под жгучим солнцем, по горячему песку, без обуви и одежды. И сколько истинно прекрасного разбросано так по белу свету, Рустем! И все оно – общее достояние. С вещественным богатством, конечно, нельзя так поступить... Мы все стоим на одной арене; однако, если бы самым быстрым бегунам привязывали к ногам тяжелый свинец, чтобы помешать им опередить других, тогда... Но оставим этот разговор: будем лучше любоваться огнями заката. Взгляни: там, где только что выступ мелового утеса походил на ярко-красный колокольчик, теперь блещет рубин; что напоминало собой фиалку – обратилось в темный аметист. Золотая кайма облаков похожа на оправу из драгоценных камней, и все это равно принадлежит тебе, мне, всем нам до тех пор, пока мы в состоянии наслаждаться этим несравненным зрелищем.

Масдакит засмеялся звучным мелодичным смехом и воскликнул:

– Да, господин, но для этого нужно иметь твои глаза. Разумеется, я также различаю пестрые краски по склонам гор и на небе и сознаю, что такие красивые картины редкость у нас на родине. Но что пользы в игре красок вечерней зари? Ты видишь рубины и аметисты там, на высоте, а я предпочитаю камни в твоих тюках и готов отдать за них всю красоту заката без малейшего сожаления, хоть навсегда.

При этом Рустем снова расхохотался и продолжал:

– Но, разумеется, отец мой, ты не согласился бы на такой обмен: мы, бедные масдакиты, не можем равняться с вами, зажиточными арабами.

– Ну а если бы я подарил тебе дорогой тюк?

– Тогда я продал бы его и спрятал деньги, а потом купил себе на родине землю да сосватал красивую жену и стал бы разводить верблюдов и коней.

– Но на следующий день к тебе пришли бы один за другим бедные соседи требовать на свою долю от твоего имущества то клочок земли, то верблюда или жеребенка; тогда ты лишился бы всего, а твоя красивая жена пошла бы с тобой по миру, делиться с другими остальным добром, по вашим заветам. Поэтому пусть лучше все останется, как было, Рустем. Молись Богу, чтобы Он сохранил прежде всего твое незлобивое сердце, неразумный упрямец.

Великан склонился к плечу своего господина и с чувством поцеловал его. В это время к ним подошел герменевт с вытянутым лицом: ему не удалось исполнить поручение Гашима. Мукаукас Георгий совершенно неожиданно поехал кататься в лодке со своим семейством. По словам домоправителя, возвращение Ориона совершенно преобразило его.

Таким образом, Гашиму надо было подождать до утра. Проводник советовал ему поместиться в самом городе, в гостинице Зострата, где можно пользоваться всеми удобствами. Но купец предпочел не покидать свой караван.

Отсрочка свидания с Георгием не очень огорчила его, тем более что он хотел посоветоваться здесь с врачом по поводу одной застарелой болезни. Проводник указал ему на Филиппа, самого ученого и знаменитого врача в округе.

– Здесь действительно несравненно лучше, чем в городе, – прибавил египтянин. – Из беседки наверху можно наблюдать комету, которая уже несколько дней как показалась на небе, предвещая различные бедствия. Весь город по этому поводу в тревоге, и теперь никто из мемфитов не приходит больше гулять в пальмовую рощу возле гостиницы Несита, тогда как в другое время здесь почти каждый вечер собиралось большое общество; беспокойство мешает жителям думать об удовольствиях.

С этими словами египтянин опять сел на осла, чтобы ехать за доктором, а Гашим отправился, опираясь на руку перса, к скамейкам под тенью пальм. Опустившись на разостланный ковер, он поднял глаза к звездному небу, пока его спутник мечтал о родине и возможности обзавестись красивой женой, которая представлялась ему в виде статной белокурой женщины. Но внезапно все воздушные замки развеялись в прах.

К берегу приближалась одинокая лодка, и перс указал на нее своему господину. Нил растянулся перед ними, как широкая полоса черной парчи, затканной серебром. Прибывающий месяц освещал его поверхность, подернутую легкой зыбью. В недвижном воздухе носились летучие мыши, прилетающие сюда из города мертвых. Над темной рекой только изредка мелькали белые косые паруса, но теперь со стороны города приближалась большая лодка, украшенная разноцветными фонарями.

– Наверное, это едет Георгий, – сказал купец.

Судно плыло к пальмовой роще. Одновременно со стороны дороги позади гостиницы раздался конский топот. Гашим обернулся и увидел сопровождающих экипаж людей с факелами.

– Вероятно, – сказал старик, – больной наместник выйдет из лодки в здешней бухте, чтобы вернуться домой на лошадях, опасаясь ночной сырости на реке. Как странно, что мне приходится сегодня вторично видеть его сына.

Гондола наместника подплывала. Это было большое красивое судно из кедрового дерева с ярко позолоченными украшениями и статуей святого Иоанна, семейного покровителя, поставленной на носу. Ореол вокруг головы этой фигуры был увешан фонариками; большие фонари освещали переднюю часть палубы и корму. Здесь под балдахином лежал мукаукас Георгий, а рядом сидела его жена Нефорис. Против них помещался сын и молоденькая девушка высокого роста, а у ее ног свернулась девочка лет десяти, положив хорошенькую голову к ней на колени. Гречанка средних лет сидела на ковре возле высокого мужчины – врача Филиппа.

На палубе раздавались мелодичные звуки лютни, на которой играл недавно вернувшийся домой Орион. Гондола с пассажирами являла собой живописную картину мирного семейного счастья знатных людей.

«Но кто такая молодая девушка рядом с Орионом?» – спрашивал себя Гашим.

Сын Георгия был буквально поглощен ее присутствием и, водя рукой по струнам, заглядывал ей в лицо, как будто играл для нее одной. Его спутница казалась смущенной и счастливой.

Когда судно причалило к берегу и приезжий араб мог разглядеть черты незнакомки, он был поражен ее благородной, изысканной красотой чисто греческого типа.

Богато одетые рабы, подоспевшие вместе с экипажем, вскочили в гондолу, спеша перенести наместника на берег. Он сел в кресло вроде носилок. Высокий негр готовился поднять

их сзади, а другой невольник взялся за передние ручки, но Орион отстранил его и сам понес отца на пристань.

Молодой человек исполнил это без видимого усилия. Опустив кресло на землю, он улыбнулся старику и весело крикнул женщинам, чтобы они вышли из лодки и подождали его.

Нефорис, жена наместника, стояла возле мужа, укутывая больного теплым платком.

– Несчастный, – заметил купец Рустему, взглянув на Георгия, – как он должен страдать! Но и самую тяжелую болезнь можно переносить терпеливо, если имеешь такого примерного сына.

Когда молодая девушка, ведя за собой ребенка, вышла из лодки, Гашим не мог налюбоваться ее красотой, и теперь ему стало понятно, почему поутру Орион пренебрег цветами Катерины. Миниатюрной дочери Сусанны было далеко до этой царственного вида красавицы: стройная фигура, плавные движения, мелодичный голос придавали ей необыкновенное очарование. Она указывала девочке на комету и на некоторые созвездия, называя их по именам.

Гашим сидел в тени и мог наблюдать за ней, оставаясь незамеченным. На одной из скамеек был поставлен фонарь, принесенный с лодки, так что купцу было видно, что здесь происходило. Старик был рад неожиданному развлечению, сильно интересуясь всем, касавшимся Ориона. Этот необыкновенный юноша подстрекал его любопытство, а вид девушки, сидевшей на скамье, приводил впечатлительного араба в восхищение. Маленькая девочка была, вероятно, внучкой наместника, Марией. Наконец экипаж тронулся. Копыта лошадей застучали по дороге, и спустя некоторое время Орион вернулся к своим спутникам.

Он, несомненно, отдавал молодой гречанке явное предпочтение перед Катериной. Его глаза, как зачарованные, не отрывались от лица величественной красавицы, и, глядя на нее, Орион нередко прерывал на полуслове свою речь. Их беседа велась, по-видимому, то в шутиливом, то в серьезном тоне, потому что не только молодая девушка, но и воспитательница Марии увлеклись ею. Когда девушка смеялась, ее смех звучал так гармонично, в ее манерах было столько достоинства, что эта непринужденная веселость вызывала невольное удивление, как аромат великолепного цветка, которому и без него достаточно одной красоты, чтобы приковывать к себе взоры.

Гречанка слушала юношу так внимательно, что Гашим тотчас понял, как сильно интересуется она и рассказами и рассказчиком.

– Если эта девушка станет женой Ориона, из них выйдет великолепная пара, – заметил он персу.

Наконец к посетителям вышла хозяйка гостиницы Таус, проворная египтянка средних лет. Она несла блюдо печенья собственного изготовления, молоко, виноград и фрукты. Ее глаза сияли радостью при виде сына знатного мукаукаса. Всеобщий кумир, гордость Мемфиса, посетил их так скоро по возвращении домой! До своего отъезда в Константинополь он часто катался по Нилу с веселыми друзьями, большей частью греческими офицерами, которые теперь почти все убиты или высланы из страны. Молодежь любила угощаться в трактире Таус пирожками и никогда не проезжала мимо пристани под сенью пальм. Таус словоохотливо рассказывала о том, что и она тоже вместе с мужем ходила встречать Ориона к триумфальной арке у ворот Менеса. С ними была их дочь, Эмау, с маленьким ребенком. Она вышла замуж и назвала своего родившегося недавно сынишку Орионом. Молодой человек спросил, сохранила ли Эмау свою прежнюю красоту и поразительное сходство с матерью. Таус лукаво погрозила ему и заметила, подмигивая, что самому Ориону пора жениться и обзавестись семьей. Юноша поспешил прервать ее, сказав, что он пока свободен, хотя подумывает иногда о браке. Гречанка покраснела, но сын наместника скоро нашелся и, желая переменить разговор, весело заметил, что дочь трактирщицы была самой красивой девушкой в Мемфисе и славилась между молодежью не меньше сладких пирожков, приготовляемых ее матерью. Он просил передать поклон молодой женщине. Растроганная и польщенная хозяйка удалилась, а Орион опять взялся за лютню

и, пока другие лакомились плодами, начал петь вполголоса, по желанию молодой девушки, любовную песнь, сопровождая ее искусной игрой на инструменте. Красавица не спускала глаз с его прекрасного лица, а он, казалось, играл для нее одной.

Когда наступило время отъезда и женщины сели в гондолу, Орион зашел в гостиницу, расплатился за угощение. Через несколько минут юноша вернулся обратно, и Гашим заметил, как он поднял платок, забытый девушкой на столе, поднес его к губам и направился к лодке.

Баловень судьбы поступил сегодня утром совершенно иначе с подаренными ему цветами. Его сердце, очевидно, принадлежало девушке, приехавшей с ним. Она не могла быть его сестрой, но в таком случае, каковы были их отношения? Араб дал себе слово осведомиться об этом, и ему не пришлось долго ждать ответа. Египетский проводник, вернувшись обратно, сообщил купцу подробные сведения о семействе Георгия.

Красавица была Паулой, дочерью Фомы, отважного греческого полководца, упорно защищавшего город Дамаск против превосходящих сил халифа. Она была племянницей мукаукаса Георгия. Отец ее пропал без вести. Все старания найти его живым или мертвым не принесли успеха, и осиротевшую девушку приютили в доме наместника.

Герменевт презрительно называл ее мелхиткой, осуждая к тому же за чрезмерную гордость. По его словам, никто из окружающих не любил Паулу, кроме маленькой Марии, которая была сильно привязана к ней.

– Всем известно, – прибавил он, – что даже добрая Нефорис, жена ее дяди, терпеть не может надменную племянницу и держит ее у себя только в угоду мужу. Ей действительно не место в почтенном яacobитском доме, – заключил египтянин.

Каждое слово проводника дышало неприязнью предубежденного человека. Однако прекрасная, величавая девушка, дочь храброго воина, необыкновенно понравилась Гашиму, несмотря на неблагоприятные отзывы о ней. Врач Филипп, приведенный герменевтом, наоборот, превозносил ее до небес. Ежедневно посещая дом наместника, он хорошо знал Паулу и считал ее одним из тех существ, которые Провидение создает в часы особенной благодати на отраду людям. Однако бедная девушка, несмотря на свои редкие совершенства, была обречена на суровую долю. Жизнь в доме родственников давно обратилась для нее в тяжелое бремя.

Осмотрев пациента, Филипп обещал облегчить его болезнь. Они так приглянулись друг другу, что разговаривали до поздней ночи и расстались добрыми друзьями.

III

Лодка макаукаса, направляемая сильными гребцами, медленно скользила против течения реки, на ней слышался сдержанный шепот и раздавалось пение. Маленькая Мария заснула на коленях Паулы. Воспитательница сидела молча; она то рассматривала комету, пугавшую ее суеверное воображение, то с тайной завистью переводила глаза на Ориона и молодую девушку. Настала превосходная тихая ночь, навевавшая сладкие грезы: луна, вызывающая морские приливы, обладает свойством волновать также и человеческие сердца.

Орион пел по просьбе Паулы то одно, то другое, как будто ему были известны наизусть все песни греческих поэтов, и чем дольше он пел, тем выразительней звучал его голос и тем сильнее действовал он на сердце девушки. Паула невольно поддавалась сладкому очарованию. Когда певец опускал лютню, то начинал расспрашивать двоюродную сестру: нравится ли ей Египет в лунные ночи, какую песню больше всего любит она и догадывается ли о том, как ему было приятно встретить ее в родительском доме?

Молодая гречанка явно не могла устоять против его речей, произносимых страстным шепотом, и отвечала ему в свою очередь понизив голос. Когда же их лодку осенили деревья дремлющего сада, юноша поднес ее руку к своим губам, и она не отняла ее.

Пауле пришлось пережить немало горя. Врач Филипп говорил совершенную правду: гордая дочь воина ежедневно сносила жестокие обиды. Хотя она не была бедна, но зато совершенно беззащитна, и жизнь в доме богатых родственников, куда девушку приняли из жалости, давно стала для нее тернистой. Однако со вчерашнего дня все переменилось. Орион приехал из Константинополя; весь дом и даже целый город торжественно праздновали его возвращение; Паула также разделила всеобщую радость. Она приветствовала юношу при свидании с величавым видом знатной женщины в полном расцвете красоты; и одиночество, и горькая зависимость были забыты ею в ту минуту. Ласковое обращение Ориона согрело ее сердце; она мгновенно ожила, как цветок, вынесенный на свежий воздух из темноты и душной комнаты.

Живой ум и веселость молодого человека заставили ее встрепенуться. В душе девушки вдруг воскресла вера в свои силы, наполнив ее горячей благодарностью. Она так давно не испытывала столь отрадного чувства! Блаженный сегодняшний вечер довершил происшедшую в ней перемену. Паула вспомнила, что она молода и имеет право быть счастливой, наслаждаться жизнью, пожалуй, даже любить, сама внушая земную любовь. Поцелуй Ориона горел на ее правой руке, когда она вошла в прохладную комнату, где Нефорис сидела за прялкой возле постели больного мужа. Георгий имел обыкновение поздно ложиться спать, и они вместе поджидали молодежь. Растроганная Паула нежно поцеловала руку дяди, поцеловала даже тетку, когда подошла к ней с маленькой Марией пожелать доброй ночи. Однако Нефорис очень сухо приняла ее ласку, причем посмотрела на девушку и на своего сына испытующим взглядом. Очевидно, она догадалась об их чувствах, но находила неуместным заговорить об этом в настоящую минуту.

Жена Георгия отпустила племянницу, после чего слуги перенесли больного в спальню, где она дала ему белых пилюль: наместник давно уже не мог спать без успокоительного лекарства. Жена долго поправляла ему подушки, пока он не устроился вполне удобно, и, только убедившись, что в соседней комнате сидит дежурный слуга, она оставила мужа.

Высокая ростом, плотная, несколько тяжеловатая, Нефорис была в молодости видной девушкой с благородной осанкой. В ее глазах светился трезвый ум, но строгое лицо не отличалось красотой. Между тем годы не оставили на ней заметных следов, и теперь жена мука-укаса сделалась благородной, полной, несколько надменной матроной и только была бледна, недостаточно бывая на свежем воздухе. Многолетний уход за больным мужем согнал румянец с ее щек. Благородное происхождение и высокое положение в обществе со временем при-

дали ей известную самоуверенность и достоинство, но жена Георгия не умела располагать к себе людей. Она не понимала чужих страданий и радостей, хотя охотно жертвовала многим для своих близких. Нефорис была примерной женой, любящей матерью, однако ее доброта не распространялась дальше ограниченного круга семейных привязанностей. Оставив мужа, матрона постучала в комнату сына; юноша очень обрадовался неожиданному приходу матери. Она пришла переговорить с ним откровенно, не откладывая щекотливых объяснений. Ей было ясно, что между ее обожаемым сыном и ненавистной Паулой завязывается что-то серьезное, чему нужно немедленно положить предел.

По ее словам, она не могла заснуть: ей хотелось поскорее высказать Ориону свое заветное желание, разделяемое также и его отцом.

– Ты, конечно, понял, о чем идет речь, – продолжала Нефорис, – потому что я говорила об этом еще вчера. Отец встретил тебя как нельзя более ласково и заплатил твои долги, не сказав ни слова порицания. Теперь тебе пора положить конец прежней рассеянной, беззаботной жизни и обзавестись семьей. Ты знаешь, что мы подыскивали для тебя невесту. Давеча к нам приходила Сусанна и сказала, что сегодня утром ты окончательно вскружил голову Катерине.

– К сожалению, – прервал с досадой Орион, – ухаживание за женщинами обратилось у меня в привычку, но с этих пор я буду держать себя совершенно иначе, такие глупости недостойны порядочного человека. Кроме того, я чувствую...

– Что теперь надо серьезно подумать о будущем, – подсказала Нефорис. – Я именно об этом и хотела потолковать с тобой. Не знаю, почему ты избегаешь женитьбы; было бы гораздо лучше, если бы я завтра переговорила с Сусанной. Ведь ты, конечно, заметил расположение ее дочери. Чего же лучше? Катерина – самая богатая наследница в нашем околотке, хорошо воспитана, и, повторяю еще раз, ты похитил ее сердечко.

– Я охотно возвращу его обратно, – со смехом отвечал Орион.

– Оставь неуместные шутки! – вскричала рассерженная мать. – Я говорю с тобой совершенно серьезно. Катерина отличная девушка и будет, бог даст, хорошей женой... Но, пожалуй, ты полюбил какую-нибудь женщину в Константинополе? Может быть, прекрасную родственницу сенатора Юстина?... Но нет, это пустяки; ты не мог предположить, что мы отнесемся благосклонно к ветреной гречанке!

Орион обнял мать и произнес с глубокой нежностью:

– Нет, матушка, в Константинополе я не оставил ничего дорогого моему сердцу, зато здесь, в родительском доме, нашел несравненную жемчужину, которая лучше всего виденного мной на Босфоре. Крошка Катерина не подходит к нашей богатырской семье; наши потомки во всех отношениях должны превосходить простой народ, и я хочу взять в жены не игрушку, а настоящую женщину, высокую, красивую, с благородной осанкой, какой ты была сама в молодые годы. Мое сердце влечет к себе не девочка, а царственная красавица, вполне достойная нашего рода. Я буду вполне откровенен: мой выбор остановился на Пауле, дочери благородного Фомы. Сегодня меня как будто осенило откровение свыше, и теперь я прошу моих родителей благословить наш союз.

Нефорис дала сыну высказаться, сохраняя редкое самообладание, потому что каждое слово было для нее жестокой пыткой.

– Замолчи, прошу тебя! – воскликнула наконец матрона, когда у нее не стало терпения сдерживать свой гнев. – Сохрани тебя бог серьезно думать о таком безумном браке! Разве ты забыл наше высокое звание, ужасную смерть твоих братьев и страдания соотечественников под греческим игом? Что мы значим для греков? А между своими единоверцами мы занимаем первенствующее место и сохраним его, отвратив свои сердца от языческих вероучений. Внук Менаса, брат двух мучеников за наше высокое вероисповедание, хочет жениться на мелхитке! Такая мысль равносильна кощунству, богохульству; я не могу выразиться иначе. Лучше мы останемся без внуков, чем дадим согласие на такой брак. Ради изгнанницы, у которой нет

ничего, кроме гордости и жалких крох прежнего богатства, которая никогда не была нам равней, ради этой неблагодарной, бедные родители должны лишиться сына, единственного утешения на старости лет, оставленного им Провидением! Поверишь ли ты, что заносчивая гречанка не хочет никогда пожелать мне доброго утра, между тем как я сама имею привычку здороваться со своими невольниками? Знай, что ни я, ни отец никогда не согласимся благословить твой выбор. Орион, любимое дитя мое, ты всегда отличался своеволием, однако я не допускаю мысли, чтобы ты решился оскорбить нас ради этой бездушной красавицы, едва знакомой тебе! Если ты поступишь таким образом, я умру с горя, и последние дни твоего отца будут отравлены твоей неблагодарностью. Но нет, ты не решишься сделаться палачом своих родителей... Однако, если... если в несчастную минуту ты посягнешь на наши родительские права, то, клянусь Богом, я вырву материнскую любовь из своего сердца, как вредную ядовитую траву, хотя бы это стоило мне жизни!

Нефорис давно освободилась из объятий сына, но Орион снова порывисто привлек ее к себе, шаловливо зажимая ей рот; потом он прошептал ей с нежным поцелуем:

– Конечно, у твоего сына не хватит мужества поступить таким образом. – Он взял обе ее руки, посмотрел ей в лицо открытым взглядом и воскликнул: – Брр!.. Никогда мне не было так страшно, как при твоих угрозах! И зачем было только говорить такие гадкие слова! Мало того: другие, еще худшие, были готовы сорваться с твоего языка. Однако ты грозная! Твое имя – Нефорис – означает «доброта», между тем ты, милая матушка, оказываешься порой невероятно сердитой!

Тут он крепче прежнего сжал ее в своих объятиях, в порыве юношеской пылкости осыпая поцелуями лицо, руки и волосы матроны. После того Орион уполномочил мать просить от его имени руки Катерины, но в свою очередь взял с нее слово отложить сватовство на два дня. Эта отсрочка была для него облегчением, но когда юноша остался один, горькая действительность представилась ему в самом безотрадном свете. К счастью, молодой человек еще не знал, как глубоко полюбил он Паулу, и радовался, что не успел связать себя с ней более тесными узами. Хотя его глаза красноречиво говорили ей о том, чем переполнено его сердце, но слово «люблю» не было произнесено между ними. Поцеловать руку красавицы родственницы вполне позволительно со стороны двоюродного брата. Орион восхищался Паулой; однако ради прелестной девушки, будь она даже самой Афродитой, нельзя ссориться с родителями. Так поступать могут лишь неблагодарные. Красивых женщин на свете много, а мать одна. Сыну Георгия не раз случалось увлекаться красавицами и так же скоро забывать их.

В настоящее время Орион действительно заинтересовался двоюродной сестрой больше, чем прежними объектами своей юношеской страсти. Даже прекрасная персидская рабыня, ради которой он наделал столько безумств, едва оставив школьную скамью, и сама прелестная Элиодора не нравились ему так сильно. Отказаться от Паулы было тяжело, но неизбежно. Завтра он должен постараться установить с ней братские, дружеские отношения. Эта девушка ни за что не согласится на незаконную связь, как кроткая Элиодора, которая тем не менее была равной ему по происхождению. Брак с Паулой был бы, конечно, ни с чем не сравнимым счастьем. Стоило им после свадьбы поехать вместе в Византию, чтобы сделаться там предметом всеобщей зависти.

Почему судьба поставила между ними неодолимую преграду? И как жаль, что Паула в продолжение двух лет не смогла приобрести расположения его матери, превосходной и любящей женщины! Конечно, ввиду всего этого им следовало лучше расстаться. Сын Георгия соглашался мало-помалу с доводами рассудка, но пленительный образ девушки неотступно стоял перед ним, и желание обладать ею не давало ему покоя.

Тем временем Нефорис пошла от сына не к мужу, а в комнату племянницы, спеша покончить щекотливое дело. Если бы ее победа над упрямством сына могла доставить больному безусловную радость, преданная женщина поспешила бы к нему с приятной вестью. Высшей

целью ее жизни было счастье близких. Между тем мукаукас был не совсем доволен выбором невесты для сына. Крошка Катерина с ее ребяческой наивностью казалась ему неподходящей женой для умного красавца Ориона. Из разговоров с юношей наместник убедился в широте его взглядов и зрелости ума. Дочь Сусанны действительно была прелестным «мотыльком», но Георгий не желал видеть ее своей невесткой. Брак сына с Паулой он находил гораздо более разумным и втайне лелеял мечту соединить молодых людей. Но, к несчастью, девушка была мелхиткой, а главное, не нравилась Нефорис. Мукаукас так любил свою жену, что ради ее спокойствия готов был пожертвовать всем.

Проницательная матрона отгадала его мысли и потому предвидела заранее, что новость о сватовстве Ориона не доставит Георгию особенного удовольствия. В отношении Паулы следовало поступить совершенно иначе. Чем раньше узнает она, что ей не следует рассчитывать на брак с Орионом, тем лучше. Сегодня поутру они поздоровались, как настоящие влюбленные, а вечером расстались, как жених и невеста. Нефорис спешила положить конец этой опасной близости, сообщив дамаскинке о предстоящей свадьбе сына с Катериной. Речь матроны дышала неподдельным восторгом; она прикинулась растроганной, обошлась с племянницей очень ласково и только просила ее сохранить в тайне радостное известие. При первом взгляде на сияющее лицо тетки Паула поняла, что та готовит ей какой-нибудь тяжелый удар, и собралась с силами твердо перенести его. Девушке удалось сохранить притворное равнодушие при откровенных излияниях Нефорис; она даже поздравила ее и пожелала счастья обрученным. Однако при этом по лицу Паулы скользнула усмешка, взбесившая жену наместника.

Она не была злой от природы, но при столкновениях с племянницей совершенно перерождалась, и теперь ей было приятно унизить гордую гречанку. Нефорис сознавала это, уходя из комнаты девушки, однако она раскаялась бы в своей жестокости, если бы могла заглянуть в душу беззащитной сироты, вверенной ее попечению.

После ухода тетки Паула расплакалась; потом, быстро опомнившись, с досадой вытерла слезы, мрачно потупилась и застыла в неподвижной позе, изредка покачивая прекрасной головкой, как будто с ней случилось нечто неслыханное. Наконец с тяжелым вздохом девушка упала на постель, напрасно стараясь молиться и успокоить свои мысли. Весь мир казался ей теперь бесконечной пустыней, где она обречена блуждать как отверженная.

IV

На другой день вечером Гашим отправился с небольшой частью своего каравана в дом наместника. Это здание скорее походило на жилище богатого помещика, чем на резиденцию высшего сановника. Когда чужестранцы подъехали к нему после заката солнца, в обширные внутренние дворы, обстроенные с трех сторон службами, загоняли многочисленные стада коров и овец, до полусотни породистых лошадей возвращались с купания, а на песчаной площадке, обнесенной плетнем, коричневые и черные невольники кормили большой табун верблюдов. Однако сам дом Георгия по величине и старинному великолепию напоминал собой дворец, достойный царского наместника, и действительно владелец его, мукаукас, долго занимал эту почетную должность. Она осталась за ним и после завоевания Египта, но теперь Георгий управлял соплеменниками уже не от имени константинопольского императора, а по назначению халифа Медины и его полководца Амру. Мусульманские завоеватели встретили в нем благонамеренного и умного посредника меж ними и народонаселением завоеванной страны, тогда как единоверцы и соотечественники повиновались ему как богатейшему человеку в стране и потомку знатного рода, предки которого пользовались большим влиянием еще при фараонах.

Только дом мукаукаса был построен по греческому, или скорее александрийскому, образцу; примыкавшие к нему дворы и пристройки напоминали собой жилище могущественного предводителя какого-нибудь многочисленного восточного племени, недаром предки мукаукаса во времена язычества назывались эрпагами, или правителями округа, пользуясь в этом звании почетом при дворе и в народе.

Проводник нисколько не погрешил против истины, рассказывая арабскому купцу о громадных поместьях Георгия. Он действительно владел обширными участками земли в Верхнем и Нижнем Египте, где под надзором управляющих работали несколько тысяч невольников. В Мемфисе находилось главное управление его частной собственностью, соединенное с канцеляриями для государственных дел. Хорошо сохранившиеся плотины и широкая, простирающаяся до гавани набережная отделяли обширные городские владения мукаукаса от реки, а вдоль стены, которой они были загорожены с севера, тянулась улица. На нее выходили большие ворота, постоянно открытые днем для прислуги наместника и для людей, являвшихся к нему по делам; главные ворота, украшенные мраморными коринфскими колоннами и выходившие на берег Нила, открывались только для членов семейства и знатных посетителей. У первого входа была выстроена караульня, где всегда дежурил небольшой отряд египетских воинов – почетная стража своего мукаукаса.

Боковые ворота с оставшимися на них украшениями из цветов и зелени в честь приезда Ориона были открыты настежь для прохода чиновников и писцов, а также городских жителей, охотно посещавших по вечерам своих знакомых в доме наместника. Здесь постоянно жили несколько чиновников, состоявших при мукаукасе, и многие мемфиты вели с ними дружбу, так как от них всегда можно было узнать интересные новости о государственных делах.

Под деревянным навесом дома, где помещался старший управляющий, вскоре собралось множество мужчин, и между ними тотчас завязалась жаркая беседа; она была для них занимательна даже и без пива, поданного хозяином, пожелавшим угостить посетителей по поводу возвращения своего господина; египтяне вообще сильно увлекались разговорами и диспутами, причем были не прочь поднять на смех городские власти, иноверцев или врагов своей родины. Сегодня, по-видимому, также дело не обошлось без метких острот и веселых шуток, потому что в толпе гостей главного управителя ежеминутно раздавался громкий хохот и крики одобрения. Начальник караула бросал завистливые взгляды на собравшуюся компанию, он охотно присоединился бы к ней, но не имел права оставить свой пост. У ворот стояли оседланные

лошади вестовых, дожидавшихся ответа на привезенные ими письма; тут же толпились просители и торговцы, входившие и выходившие со двора. Обширная приемная во дворце наместника была еще переполнена народом, желавшим переговорить с мукаукасом. Во всем Мемфисе было известно, что больной Георгий в жаркое время года охотнее принимал посетителей по вечерам.

Арабские власти не доверяли египтянам, и потому о замещении мукаукаса не было и речи; трудно было найти человека, равного старику по уму и неподкупной честности. Следовало лишь удивляться, где он находил время и силы строго следить за своими подчиненными; наместник сам входил во все мелочи управления, и ни одно дело не решалось без его ведома.

Время аудиенции прошло, а между тем тревога, вызванная обмелением Нила и появлением кометы, привела сегодня в приемную мукаукаса еще большее число просителей, чем обыкновенно. Представители городов и деревенские старшины допускались группами, а челобитчики по собственным делам – в одиночку. Большинство из них возвращались от наместника с довольными лицами; если их дело и не решалось немедленно, то во всяком случае они получали от мукаукаса нужные указания. Только один крестьянин, давно искавший защиты от притеснения, опять не дождался очереди. Бедняк дал несколько драхм дежурному чиновнику, надеясь, что его допустят к Георгию, однако домоправитель, получивший от герменевта, своего двоюродного брата, несколько золотых, приказал крестьянину прийти завтра и почтительно отворил перед Гашимом дверь. Но араб, заметив жалкого просителя, настоял, чтобы того впустили первым. Через несколько минут крестьянин вышел, сияя от радости; он приблизился к Гашиму и с чувством поцеловал ему руку. После того старик со своими людьми, которые несли тяжелый тюк, были введены в роскошную прихожую, где купцу пришлось дожидаться очень долго, пока наместник не позвал его, чтобы взглянуть на привезенные товары.

Георгий сделал жест рукой, давая знать, что он хочет отложить на некоторое время разговор с Гашимом, после чего спокойно принялся за свою любимую игру в шашки. Больной лежал на диване, обитом гладкой шкурой львицы, его молодая партнерша сидела на низеньком стуле напротив. Дверь атриума¹⁰, где он обычно лежа принимал просителей, оставалась полуотворенной, чтобы в нее мог проникнуть несколько освеженный, но все-таки теплый вечерний воздух. Зеленый велариум¹¹ – парусиновый тент комплювия, защищающий от жгучих лучей солнца, сейчас был откинут, яркий месяц и звезды смотрели в комнату, которая была отлично приспособлена к тому, чтобы служить прохладным убежищем от нестерпимого африканского зноя. Ее стены были выложены гладкими пестрыми изразцами, пол украшала фигурная цветная мозаика на позолоченном фоне, посередине возвышался круглый бассейн в виде вазы из коричневого порфира с белыми крапинками: она имела не меньше двенадцати футов в диаметре, и из нее била вверх широкая струя фонтана, освежая воздух мельчайшими водяными брызгами. Несколько металлических кресел, стульев и столиков составляли все остальное убранство этого высокого покоя, освещенного яркими лампами. Легкий ветерок, проникая сквозь отверстие крыши и отворенные двери, выходившие на берег Нила, колебал пламя светильников, играя в то же время черными локонами Паулы.

Стоявший за ее стулом Орион напрасно старался привлечь внимание девушки. Наконец он услужливо предложил ей принести платок, так как воздух становился холоднее. Однако

¹⁰ *Атриум* (атрий) – центральное помещение в богатых греко-римских домах; квадратное или прямоугольное, оно было самым большим и самым высоким (в многоэтажных строениях простиралось на всю высоту здания). В кровле над атрием располагался прямоугольный проем (*компливий*), служивший для стока дождевой воды в находящийся непосредственно под ним бассейн (импливий), иногда оборудованный одним или несколькими фонтанами. По периметру атриума размещались жилые комнаты, а также триклиний (столовая), таблиний (деловой кабинет, зачастую заменявший гостиную) и кухня.

¹¹ Обычно *велариум* представлял собой деревянную раму, на которую натягивались одно или несколько (в зависимости от размера) полотнищ парусины впритык или с небольшой нахлесткой. Рама крепилась на петлях подобно откидывающейся на сторону двери или поворачивалась вокруг своей горизонтальной оси в пазах, расположенных по центральной линии комплювия, позволяя приоткрывать его проем на желаемую величину.

Паула решительно отклонила любезность двоюродного брата, хотя ее начинала пробирать легкая дрожь, и она не раз плотнее запахивала пеплос¹² на груди.

Орион крепко стиснул зубы, уязвленный ее равнодушием. Он не знал, что Нефорис сообщила племяннице новость о его предстоящей женитьбе, и перемена обращения девушки поражала его. Еще утром она обошлась с ним очень холодно, нехотя отвечая «да» и «нет» на все вопросы. Это невнимание было невыносимо Ориону, избалованному любовью женщин. Следовательно, мать судила о Пауле совершенно правильно! Красавица на самом деле оказалась довольно своенравной, иначе она не заставила бы его почувствовать таким оскорбительным образом свое высокомерие. Но Орион дал себе слово переломить упорство девушки. Сильно раздосадованный, он следил за каждым движением ее руки и стройного стана, за игрой ее подвижного лица, и чем больше юноша вглядывался в прелестный образ, тем прекраснее, тем совершеннее находил он наружность Паулы, тем сильнее возрастало в нем желание, чтобы она опять приветливо улыбнулась ему, как вчера, с женственной мягкостью и добротой. Теперь девушка походила на великолепное мраморное изваяние, но Орион знал, что у прекрасной статуи бьется человеческое сердце. И ему захотелось избавить Паулу от ее ребяческих капризов, показав ей, как следует держать себя женщине, а в особенности молодой девушке.

Углубившись в свои мысли, он все пристальнее наблюдал за двоюродной сестрой. Его мать, сидевшая поодаль, рядом с почтенной Сусанной, замечала это с возрастающим неудовольствием и старалась отвлечь Ориона от Паулы, обращаясь к нему с вопросами и маленькими поручениями.

Кто мог предвидеть, что ее любимец причинит ей с первых же дней столько досады и беспокойства!

Он вернулся домой опытным человеком, видевшим свет, как того и желали его родители. Хотя юноша наслаждался в столице всем, что привлекает к себе богатую молодежь, тем не менее, к великой радости отца, он не утратил живой восприимчивости. В облике юноши не замечалось и следов пресыщения, которым отличались в Константинополе многие из его сверстников знатного рода. Орион мог по-прежнему играть с маленькой Марией, восхищаться редким цветком или новой красивой лошадью так же искренне, как и до своего отъезда, что не мешало ему, однако, серьезно интересоваться политикой, придворной жизнью, государственным управлением и церковными делами. Мукаукас с удовольствием слушал его интересные рассказы и потом сообщил жене, что ему пришлось узнать от юноши много нового. По его словам, Орион обещал сделаться отличным государственным человеком и мог бы с успехом заменить отца.

Когда Нефорис сообщила мужу о крупной сумме долгов, сделанных сыном в Константинополе, старик не без гордости обещал немедленно их уплатить. Ему было приятно, что его единственный наследник не стесняется пользоваться своим громадным состоянием, как поступал он и сам в молодые годы, и умеет окружать себя блеском, достойным своего славного имени. «Орион не бросает денег на ветер, – прибавил больной. – Его лошади стоят дорого, зато он получает призы на бегах; он тратит большие суммы на свою одежду и обстановку, зато повсюду встречается почет. Мальчик привез мне письмо от сенатора Юстина, этот достойный человек пишет, что наш сын играет большую роль в среде спесивой „золотой молодежи“ столицы. Подобные вещи даром не даются, и, в сущности, мне еще не особенно дорого обошлось представительство Ориона. Лишняя сотня талантов для нас не значит ничего, и я рад, что юноша не скупился на расходы».

Так говорил старик, разбитый болезнью; он был счастлив, что его сын наслаждается жизненными благами, которых уже давно лишился его одряхлевший отец.

¹² *Пеплос* – женская одежда без рукавов; носилась поверх туники с поясом или без пояса, на плечах закалывалась пряжками (фибулами).

Мукаукас не без опасений послал в Константинополь пылкого даровитого юношу, едва вышедшего из отроческих лет; однако Орион, по-видимому, не злоупотреблял своей свободой и вел гораздо более скромную жизнь, чем от него можно было ожидать; за это ручался румянец на его слегка загоревших щеках. Искусно завитые волосы по моде того времени спускались у него подстриженной бахромкой на высокий лоб, что придавало сыну Георгия некоторое сходство с портретами Антиноя, красивейшего юноши времен императора Адриана.

Нефорис также находила, что Орион так и пышет здоровьем. По ее мнению, ни у одного царского родственника не было более роскошного и изысканного гардероба, как у ее любимца. Но и в простом одеянии он выглядел красивым, великолепным юношей, которым могла смело гордиться каждая мать.

Уезжая из Египта, он отчасти напоминал провинциала, но теперь приобрел внешний лоск и непринужденность обращения, что позволяло ему везде чувствовать себя совершенно свободно, даже в придворной сфере, где он не оставался незамеченным между высшими вельможами.

И как много пришлось пережить молодому человеку в столице! За два с половиной года его пребывания в Константинополе там произошло столько важных событий, что их хватило бы на столетний исторический период. «Чем больше волнения, тем сильнее удовольствие» – таков был девиз того времени; и хотя сын Георгия наслаждался жизнью на берегах Босфора наравне с другими, но роскошные пиры, любовь и бега на собственных лошадях, в чем у юноши не было недостатка, казались детской забавой в сравнении с тем нервным возбуждением, которое он испытывал из-за грозных политических переворотов, происходивших в стране. Какими жалкими представлялись ему теперь состязания на колесницах в Александрии! Стоило ли тут волноваться, размышляя, кто победит: Тимон, Птолемей или его собственные кони возьмут приз? В византийском цирке также было лестно получить венок, но там Орион испытывал другие, более потрясающие впечатления. Здесь ставились на карту царские короны, и роковая игра могла стоить крови и жизни тысячам людей. В церквах Нильской долины происходило только мирное богослужение, тогда как в Византии было не всегда безопасно переступить порог Софийского собора¹³, потому что он нередко становился ареной кровавых схваток, кончавшихся убийством.

Одним словом, жители Константинополя пребывали в постоянном страхе, и любители сильных ощущений находили здесь обильную пищу. Сверх того греческая столица льстила естественному тщеславию Ориона. Его приняли там с исключительным почетом. Обычно контингент египтян, живших в Византии, составляли полуобразованные философы, называвшие себя мудрецами; они держались с напыщенной торжественностью и выражались высокопарным слогом. Это были астрологи, риторы, далеко не остроумные, но ядовитые насмешники; врачи, хваставшиеся наукой своих предков; фанатичные теологи, всегда готовые при ожесточенных религиозных спорах прибегать к привычным догматам и канонам; убогие отшельники и монахи; торговцы зерновым хлебом и ростовщики, с которыми было опасно входить в сделки без свидетелей.

Орион не имел ничего общего с этим народом. В Константинополе ему оказали прием, достойный сына благородного мукаукаса. На знатного мемфита смотрели здесь почти как на посланника, и он мог пользоваться всем, что позволяла себе «золотая молодежь» в имперском городе. Его кошелек был так же туго набит, как и у других константинопольских юношей, а что касается здоровья и физической силы, то они далеко уступали ему в этом, и его кони, которыми правил он сам, не доверяя наемным возницам, три раза брали первый приз на публичных состязаниях. Ни одно торжество, ни один праздник не обходились без участия «богача-египтянина», «нового Антиноя», «красавца Ориона», как его называли жители столицы. Самые знат-

¹³ Храм Святой Софии построен в 532–537 гг.

ные семейства в городе водили с ним знакомство, а во дворце и на загородной вилле сенатора Юстина, старого друга его отца, он был принят как родной. Жена этого сановника, Мартина, искренне полюбила юношу, и у них в доме он познакомился с красавицей Элиодорой, вдовой племянника сенатора. Весь город толковал о близости Ориона с прелестной молодой женщиной. До того времени Элиодора так же славилась своей строгой добродетелью, как и замечательными белокурыми волосами и крупными драгоценными камнями, которыми она любила украшать свои простые, но дорогостоящие платья. Немало красивых византиек добивались расположения юного чужестранца, пока родственница Юстина не оттеснила всех на задний план. Но ей не удалось прочно привязать к себе Ориона. Вчера вечером, уверяя мать, что его сердце не принадлежит Элиодоре, он говорил совершенную правду.

Поведение юноши в столице, конечно, нельзя было назвать примерным, однако сын Георгия ничем не уронил себя, пользуясь уважением не только в кругу веселых кутил, но также и в обществе достойных людей, с которыми встречался в доме Юстина. Ум и любознательность мемфита изумляли всех. Прилежный в детстве, Орион и теперь пользовался всяким удобным случаем, чтобы научиться чему-нибудь новому. Живя в Византии, он, между прочим, старательно продолжал свои занятия музыкой и достиг редкого искусства в игре на лютне и в пении.

Молодой человек охотно пожил бы в столице еще, но обстоятельства заставили его вернуться домой. После того как Египет был отнят у греков и перешел в руки арабов, греческий патриарх Кир, вскоре умерший, принужден был покинуть Александрию. Он лично явился в Константинополь, где в высших сферах тотчас распространилось убеждение, что мукаукас Георгий явно содействовал завоеванию страны арабами. Ориону грозила тюрьма, но, к счастью, сенатор Юстин и другие друзья предупредили юношу, и он успел скрыться.

Несмотря на опасность, которой подвергнулся юноша, он не мог не одобрить поведения отца. Находясь долгое время в Византии, сын Георгия убедился в глубоком презрении греков к египтянам, в ненависти православных к монофизитскому вероисповеданию своего народа.

Ориону было трудно сдерживать негодование, слыша насмешки и издевательства над его отечеством и единоплеменниками; это был обыкновенный предмет разговора у знатных господ и мелких людей, у светских и духовных. Они даже не стеснялись присутствия Ориона, вероятно считая его одним из своих, греком по убеждениям, которому все «варварское» должно казаться противным и достойным презрения, как им самим.

Однако в жилах «нового Антиноя», безусловно исполнявшего греческие песни, текла кровь его народа, и каждое унижительное слово, направленное против египтян, глубоко западало ему в сердце, каждое поругание его веры напоминало смерть обоих братьев, погибших от рук мелхитов.

Эти кровавые дела и бесчисленные насилия греков над египтянами были теперь достойно отомщены мукаукасом Георгием. Образ действий отца искренне обрадовал юношу, который тотчас поспешил домой. Такое сочувствие со стороны сына осчастливило и вместе с тем удивило старика. Он опасался, что Орион, оставаясь долгое время в Константинополе, незаметно усвоит себе многие воззрения греков и, пожалуй, даже осудит политику отца, который без особенного сопротивления уступил вверенную ему провинцию завоевателям и заключил с ними мирный договор.

В настоящую минуту мукаукас был совершенно спокоен, зная, что сын вполне разделяет его мнения. Уверенный в этом, он по временам бросал сочувственные взгляды, поднимая глаза от шашечной доски.

Нефорис между тем старалась занимать будущую тещу своего сына, отвлекая внимание Сусанны от его странных поступков. Гостя, по-видимому, интересовалась беседой с хозяйкой; однако сосредоточенный вид молодой дамаскинки не ускользнул от ее внимательного взора, и она неожиданно спросила:

– Неужели благородная племянница твоего супруга не удостоит нас сегодня ни единым словом?

– Конечно, нет, – с горечью отвечала жена Георгия. – Но я надеюсь, что она скоро найдет других людей, более достойных своего внимания. Будь уверена, что я не буду удерживать ее у себя.

После того Нефорис заговорила о Катерине, и Сусанна сообщила ей, что ее зять Кризипп приехал в Мемфис со своими маленькими дочерьми. Завтра они уезжают обратно, и потому Катерина осталась дома с девочками, хотя ей вовсе не весело забавлять их, тем более что она собиралась с матерью в гости.

Услышав это, Орион осведомился о здоровье молодой девушки и весело сказал:

– Вчера утром она обещала вышить ошейник для моей беленькой собачки, подаренной мне на память в Константинополе... Перестань, Мария, не мучай бедное животное! – прибавил он, обращаясь к маленькой племяннице.

– Да отпусти ее, бедняжку, – заметила Сусанна, видя, что внучка мукаукаса насильно принуждает собаку целовать свою куклу. – Но знаешь, Орион, – продолжала она, – такой миниатюрный образчик собачьей породы совсем не подходит тебе. Ты сделаешь гораздо лучше, если подаришь эту константинопольскую редкость какому-нибудь прелестному существу женского пола. Тогда собачка окажется на своем месте. Впрочем, сообщу тебе по секрету, что моя дочь принялась уже вышивать ошейник золотыми звездами по голубому полю.

– Так как Орион – звезда, – воскликнула маленькая Мария, – то Катерина и выбрала такой подходящий узор.

– К счастью, только одна звезда называется моим именем, – заметил юноша. – Пожалуй-ста, напомни об этом твоей дочери, почтенная Суза.

Девочка захлопала в ладоши, восклицая со смехом:

– Значит, он не желает иметь около себя другую звезду!

– Ах ты, гордец! – перебила Сусанна. – Действительно, есть люди, которые не могут допустить, чтобы в них находили сходство с другими. Но тебе следует примириться с этим, Орион: ты поразительно похож на своего отца. Нефорис безусловно права: лоб и линии рта у вас одинаковы.

Замечание гостыи было справедливо, но тем не менее цветущий здоровьем юноша и разбитый параличом старик представляли собой разительный контраст. Лежа на диване, мукаукас с трудом мог владеть своими членами, и даже игра в шашки стоила ему немалых усилий. Если он имел сходство с сыном, то давно утратил его. Жидкие поседевшие волосы наполовину прикрывали его голый череп, а глаза, которые блестели, как у Ориона, лет тридцать тому назад, теперь были едва видны, потому что отяжелевшие веки постоянно опускались на них, придавая красивому мертвенно-бледному лицу больного довольно странный вид. Однако в чертах Георгия не было ничего неприятного, напротив, к страдальческому и печальному выражению примешивалась в них ласковая благосклонность. Губы и обрякшие щеки были неподвижны и как будто омертвели. Георгий казался смертельно измученным человеком; он, по-видимому, жил только потому, что был забыт смертью. Окружающие иногда принимали его за труп после того, как паралитик слишком часто прибегал к белым пилюлям с примесью опиума, которые постоянно находились при нем в коробочке из красной яшмы. В тот вечер за игрой в шашки Георгий время от времени подносил успокоительное лекарство к своим бесцветным губам.

Медленно и точно в дремоте подвигал он шашку за шашкой; однако Пауле не удалось ни разу обыграть своего противника, хотя сама она, по словам мукаукаса, была очень искусна в этой игре. По ее высокому, открытому лбу и выразительным синим глазам можно было судить о проницательности и душевной искренности девушки. Но в то же время, по крайней мере сегодня, в ней замечалось упрямство и склонность к противоречию. Когда Орион указывал ей тот или иной ход, она редко принимала его совет и, крепко стиснув губы, подвигала шашку

по своим, не всегда более дальновидным соображениям. Было очевидно, что Паула не хотела иметь руководителей, в особенности когда за эту роль брался ее двоюродный брат.

Все присутствующие заметили неприязненное отношение молодой гречанки к Ориону и его старания угодить ей. Это сильно раздражало Нефорис, так что она очень обрадовалась, когда дежурный докладчик напомнил своему господину о купце, который терпеливо дожидался, пока его позовут к наместнику. Выиграв третью партию, больной перемешал оставшиеся шашки, запахнул плотнее свой хитон из мягкой шерстяной материи и показал рукой на двери и отверстие крыши. Его близким давно было неприятно оставаться на сквозняке, но, зная, что больной не выносит жары, они терпеливо переносили, в угоду ему, ночную сырость, поднимавшуюся с реки. Для Георгия ничего не было тягостнее летнего зноя. Теперь по знаку отца Орион позвал невольников, и, прежде чем арабы вошли в комнату, наружные двери были заперты, а отверстие на потолке затянуто парусиной. Паула встала с места; Георгий по-прежнему лежал на диване, закрыв глаза. Однако он, вероятно, из-под ресниц внимательно осматривался вокруг, потому что обернулся сначала к племяннице, потом к прочим женщинам и сказал:

– Не странно ли это: старики и дети обыкновенно любят солнечное тепло; первые охотно спят, вторые играют на солнышке. Но я... Несколько лет тому назад со мной случилось что-то необыкновенное, вы знаете... и тогда у меня застыла кровь. Теперь она не хочет больше согреться; переход от холода в комнате к душливому зною на дворе отражается на мне чрезвычайно сильно, почти болезненно. Чем старше становишься, тем охотнее предоставляешь молодежи то, что было когда-то приятно самому; единственное, от чего нам, пожилым людям, трудно отказаться, это ощущение телесного довольства; благодарю вас, что вы терпеливо переносите ради меня холод, так как мне он необходим. Какое у нас стоит невыносимо жаркое лето! Ты, Паула, родившаяся в Ливанских горах, имеешь понятие о зиме. Иногда мне хотелось бы лежать на слое снега! Холод приносит такое отрадное ощущение, так оживляет силы! Между тем вы избегаете того, что мне приятно. Юношеский пыл несовместим ни с чем охлаждающим.

Мукаукас разговорился, тогда как во время игры в шашки он ограничивался только отдельными словами. Орион почтительно выслушал его, но потом возразил, улыбаясь:

– Однако есть и молодые люди, которые любят выказывать ледяную холодность, Бог весть из-за каких причин!

При этом он взглянул на Паулу. Девушка гордо отвернулась от него, не говоря ни слова, и по ее прекрасному лицу скользнула тень досады.

V

Когда арабский купец был допущен к наместнику, его слуги внесли и разостлали перед Георгием кусок ковра. Великанмасдакит хлопотал при этом больше всех. Однако вид рослого перса с курчавыми волосами подобными львиной гриве, с блестящими кинжалами и боевым топором за поясом до того напугал больного старика, что тот, не помня себя от страха, закричал:

– Вон!.. Вон его, вон! Зачем здесь этот вооруженный человек?.. Я не хочу смотреть ковер, пока он не уйдет из комнаты!

Руки мукаукаса дрожали, лицо помертвело, и купцу поневоле пришлось удалить верного Рустема, самого безобидного из людей. Тогда наместник мало-помалу пришел в себя. Несколько лет назад один высланный из Египта грек покушался на его жизнь, и с тех пор разбитый параличом Георгий был подвержен припадкам беспричинного страха. Оправившись от первого потрясения, он стал с восторгом рассматривать ковер, вокруг которого столпилась вся семья. Каждый говорил, что ему не случалось видеть ничего подобного, и бойкая Сусанна вздумала послать за дочерью и бывшими у нее гостями, чтобы они смогли полюбоваться драгоценной тканью. Однако было уже довольно поздно, а ее дом находился далеко от дворца мукаукаса, так что ей пришлось отказаться от своего намерения.

Георгий и Орион слышали раньше об этом дивном художественном произведении; оно было добыто победоносным арабским войском при завоевании персидского государства в Белом замке, или царском дворце в столице Сасанидов¹⁴ Медине. Первоначально замечательный ковер имел триста локтей¹⁵ в длину и шестьдесят в ширину, но халиф Омар, сохранивший привычки проводника караванов в отношении жилища, одежды и пищи, не пожалел уникальную художественную работу и велел разрезать ковер на куски, чтобы наградить ими приближенных пророка. Сам халиф пренебрегал всякой роскошью.

По словам купца, привезенная им часть ковра досталась Али¹⁶, зятю пророка. Гашим видел это дивное произведение искусства в целости в Мекке, где ковер висел на стене великолепной тронной залы, а позднее – в Медине, перед тем как его разрезали.

Присутствовавшие убедительно просили араба описать, каков был вид недостающей части ковра; между тем почтительный хозяин каравана стал проявлять беспокойство, так как стоял босыми ногами на сыром мозаичном полу вблизи фонтана. Обувь, по обычаю мусульман, была оставлена им в прихожей. Наместник заметил это и, подозвав невольника, шепнул ему несколько слов, пока Нефорис, Орион и Сусанна наперебой осаждали Гашима вопросами. Возвратившийся слуга по знаку своего господина разостлал перед арабом ковравую дорожку. Старик поспешил встать на нее своими загорелыми ногами. При этом в его обращении произошла неожиданная перемена. Он выпрямился с достоинством, которое удивило Георгия и его семью в заезжем купце, смиренно переступившем порог комнаты, многословно расхваливая свой товар. На его лице с печатью кроткого спокойствия в чертах выразилось удовольствие, а добрые глаза сверкнули влажным блеском, как у обрадованного ребенка. Гашим посмотрел на мукаукаса благодарным взглядом и почтительно склонился перед ним, прикладывая концы пальцев ко лбу, к губам и груди, что означало: «все мои думы, слова и чувства посвящены тебе». При этом купец сказал:

¹⁴ *Сасаниды* – иранская династия, правившая Новоперсидским царством с 227 г. до вторжения в страну арабов в 636–642 гг.

¹⁵ *Локоть* – древняя мера длины, равная длине локтевой кости человека (от 38 до 46 см). Греко-римский локоть равнялся 44,4 см.

¹⁶ *Али* (Алий;?—661) – четвертый халиф (с 656 г.) Арабского халифата. Двоюродный брат и приемный сын Мухаммеда, женатый на его дочери Фатиме.

- Благодарю тебя, сын Менаса, твой великодушный поступок достоин мусульманина!
- Скажи лучше – христианина! – с жаром воскликнул Орион.

Однако его отец медленно покачал головой и с ударением произнес:

- Нет, только человека!

– Только человека, – повторил купец и потом задумчиво продолжал: – Действительно, пока мы живем на земле, нам следует поступать по-человечески, так как люди созданы по образцу единого Бога. Кто может сравниться с Ним в милосердии? Но каждый смертный, проявляя милосердие, подражает Господу.

– Опять-таки ты приводишь христианское правило, странный мусульманин! – прервал его Георгий.

– А между тем, – возразил, сохраняя спокойное достоинство, Гашим, – это изречение слово в слово соответствует заповеди лучшего из людей – нашего пророка. Я принадлежу к числу тех, кто знал его при жизни. Малейшее горе ближнего наполняло его мягкое сердце нежным состраданием. Он велел сажать всякое дерево при дороге, называя смертным грехом причиненный ему вред; каждый мусульманин обязательно старается выполнить этот завет. Кто оказывает милосердие, написано в книге пророка, тот...

Но купец не успел закончить фразу.

Паула, молча стоявшая до тех пор у колонны, сделала два неторопливых шага вперед и остановила араба повелительным жестом руки. Ее лицо пылало, глаза сверкали гневом. Одни из присутствующих смотрели на девушку с недоумением, другие – с досадой; собачка Ориона с неистовым лаем кинулась на Гашима. Не обращая ни на кого внимания, гречанка воскликнула взволнованным голосом:

– Как вы, почитатели лжепророка, единомышленники кровожадного халифа, смеете еще толковать о милосердии! Мне известно, что вы творили в Сирии! Я видела своими глазами вас и ваших остервеневших женщин, которые неистовствовали с пеной у рта. В моем лице ты встретил обличительницу мусульманских злодеяний: в Дамаске вы нарушили договоры, и жертвы вашего обмана – наряду с мужчинами беззащитные женщины и дети – были изрублены или растерзаны вами в куски. Разве ты, апостол милосердия, ничего не слышал о том, что происходило в Авиле? Друг Магомета, твоим соплеменникам заповедано сажать придорожное дерево, а между тем как поступили вы с невинными жителями Авилы? Вы свирепствовали там, как волки в овчарне. Смешно после этого толковать о милосердии!

И пылкая девушка разразилась громким смехом, махая в воздухе высоко поднятой рукой, как будто ей хотелось отогнать от себя тучу назойливых оводов. Она со вчерашнего вечера сдерживалась, терзаясь нанесенной ей обидой. Дав волю накипевшему гневу, Паула почувствовала облегчение.

Присутствующие расступились перед ней, и она остановилась посреди комнаты, дрожа с головы до ног и кидая кругом угрожающие взгляды. Орион смотрел на нее со страхом и восхищением. Да, его мать была права. Кроткая молодая девушка не могла смеяться таким горьким смехом, но даже в своем ожесточении Паула была великолепна, как богиня мести, изваянная рукою Апеллеса, виденная им в Константинополе. Нефорис переглядывалась с Сусанной, неодобрительно пожимая плечами, и даже сам Георгий был озадачен поступком племянницы. Он знал причину этой неожиданной вспышки, но чувствовал, что ему необходимо сдержать отчаянный порыв молодой девушки и заставить Паулу опомниться. Больной назвал ее по имени, сначала тихо, потом громче и более строгим тоном. Его голос звучал упреком и сожалением.

Девушка вздрогнула, точно внезапно пробужденный лунатик, провела рукой по глазам и сказала, почтительно склоняясь перед наместником:

– Прости меня, дядя! Я забылась в твоём присутствии, потому что трудно превозмочь себя. Ты знаешь мое прошлое. Когда мне напоминают о нём, когда я слышу слова, похвалы злодеям, которые лишили меня отца и брата...

Громкие рыдания прервали её речь, и маленькая Мария со слезами бросилась на шею плачущей Паулы. Орион был готов сделать то же самое: ему так хотелось прижать несчастную к своей взволнованной груди. Женская слабость придавала neodолимое очарование этой женщине с великой душой и ещё сильнее влекла к ней Ориона.

Но Паула скоро оправилась. Ласковые увещания дяди придали ей силы сдержать свой порыв.

– Пожалуйста, позвольте мне уйти в свою комнату, – сказала она, наконец, тихим голосом.

Девушка перестала рыдать, хотя слезы по-прежнему текли по её лицу.

– В таком случае спокойной ночи, дитя, – отвечал мукаукас задушевым тоном.

Гречанка молча поклонилась остальным и пошла к двери, но мусульманин удержал её, говоря:

– Я знаю, кто ты, благородная дочь Фомы; мне передавали, что твой брат был женихом и приехал в Авилу праздновать свою свадьбу с дочерью префекта Триполиса. Тогда я прибыл по торговым делам на ярмарку и, к несчастью, стал свидетелем того, как необузданная шайка моих единоверцев напала на мирный город. Бедное дитя! Твой отец был самым знаменитым и храбрым нашим противником! Где бы он ни был, на земле или на том свете, он, наверное, уважает наше оружие так же, как и мы его. Но твой брат, предательски убитый перед самой свадьбой, проклял нас, умирая, и завещал тебе свою ненависть. Поэтому, если ты обрушиваешься на меня, как на одного из мусульман, свой справедливый гнев, я могу только склониться перед тобой с покаянием за вину своих единокровных. Я ничем не могу оправдать, решительно ничем, благородная девушка, гнусных злодейств, совершенных в Авиле, но, поверь, что только там мне в первый раз пришлось на старости лет краснеть за своих единоплеменников. Война, воспоминание о ком-нибудь близком, убитом врагами, или о разграбленном богатстве разнуздали народные страсти, а там, где это случится, и в мирное, и в военное время бывает одно и то же со дней Каина и Авеля.

Паула, неподвижно стоявшая до этой минуты против старика, покачала головой и сухо произнесла:

– Все это не возвратит мне отца и брата. Сам ты кажешься человеком кротким, но, если твоя справедливость равняется твоей доброте, то на будущее время узнай сначала, с кем ты говоришь, прежде чем превозносить милосердие последователей пророка.

Паула ещё раз поклонилась присутствующим и вышла из комнаты. Орион пошел за ней следом, решив во что бы то ни стало объясниться с девушкой. Однако он вернулся несколько минут спустя, тяжело дыша и стиснув зубы. Молодой человек, догнав Паулу, взял её за руку, желая высказать все, что накопилось у него на сердце, но она оттолкнула его с ледяной холодностью и презрительно повернулась к нему спиной. Он почти не слышал, как отец выражал Гашиму сожаление, что с ним обошлись так резко в его доме. Приезжий купец заметил на это, что он вполне понимает ожесточение осиротевшей девушки, так как в Авиле совершались действительно возмутительные дела.

– Но в какой войне, – продолжал старик, – не случается этого? Даже христианин не всегда может обуздать себя; мне говорили, что и ты лишился двоих цветущих сыновей, а между тем, кто убил их? Христиане, твои собственные единоверцы...

– Нет, не единоверцы, а заклятые враги моей веры, – медленно произнес старик с ударением на каждом слове. Его речь звучала холодным высокомерием, он широко раскрыл глаза, напоминавшие те твердые камни мутного блеска, которые вставлялись его предками в голову статуй. Потом веки больного опять опустились, и он продолжал равнодушным тоном: – Однако

сколько же ты хочешь за свой ковер? Я желаю купить его. Назови окончательную цену, чтобы не торговаться попусту.

– Я был намерен просить пятьсот тысяч драхм¹⁷, – отвечал купец, – но могу уступить за четыреста тысяч.

Нефорис всплеснула руками и знаками предостерегала мужа, чтобы он не верил купцу. Она также неодобрительно покачала головой, когда Орион заметил:

– Триста тысяч вполне можно дать за эту вещь.

Молодой человек старался овладеть собой, притворно интересуясь торгами, где дело шло о таких громадных суммах.

– Нет, меньше четырехсот тысяч я взять не могу, – спокойно возразил араб. – Твой отец хотел знать крайнюю цену, и я не запрашиваю лишнего. Рубины и гранаты, которыми унизана в этом месте кисть винограда, жемчужины посреди мирт, бирюза в незабудках, бриллианты поверху в виде капель росы на былинках травы, смарагды, придающие такой блеск зеленым листьям, а в особенности этот громадный камень стоят сами по себе гораздо дороже.

– Но в таком случае почему же ты не вырезал их из ткани? – спросила Нефорис.

– Потому что не хотел портить великолепную вещь. Я продам ковер так, как он есть, или вовсе не продам.

При этих словах наместник кивнул сыну, не обращая внимания на неудовольствие жены. Ему придвинули дощечку, лежавшую возле шашечницы. Георгий написал на ней несколько слов и подал ее купцу, говоря:

– Я согласен. Завтра утром мой управитель выдаст тебе деньги по этой записке.

Орион не выдержал.

– Великолепно, превосходно! – воскликнул он вне себя от восторга, порывисто кидаясь целовать руки отца. Потом юноша обратился к матери, у которой глаза наполнились слезами досады, поднял ей подбородок, поцеловал в лоб и с гордостью сказал: – Так торгуемся только мы да император.

Затем он подошел к мусульманину, говоря:

– Когда отец является самым великодушным из людей, то сын поневоле будет казаться в сравнении с ним самым ничтожным. Однако все к лучшему, почтенный господин. Что касается твоего ковра, то он может стоять дороже всех сокровищ Креза, но я потребую от тебя кое-что в придачу. Прежде чем ты навьючишь своих верблюдов нашим золотом, расскажи нам, какой вид имело это художественное произведение, прежде чем его разрезали.

Мусульманин, спокойно засунув драгоценную дощечку себе за пояс, немедленно исполнил требование Ориона.

– Вам известно, что первоначально этот ковер был необыкновенной длины и ширины, – начал купец. – Зала, где он украшал собой одну из стен, вмещала несколько тысяч гостей и, кроме того, по обе стороны трона могли стать несколько сотен телохранителей. Говорят, будто бы этой работой занимались более пятидесяти лет столько ткачей, вышивальщиков и ювелиров, сколько дней в году. Вытканная картина изображает рай, где, по персидским понятиям, должно быть множество зеленеющих деревьев, одетых пышным цветом и усыпанных плодами. Здесь вы можете еще различить часть каскада, который издали казался совершенно натуральным, так как алмазы, сапфиры и смарагды, украшавшие его, отливали на солнце, как настоящая вода. Вот эти жемчужины представляют пену волны. Разрезанные листья возле него принадлежат розовому кусту, выросшему у райского источника раньше, чем первый дождь оросил

¹⁷ *Драхма* (греч. drachme – схваченное рукой) – весовая и денежная единица, чеканившаяся с VI в. до н. э. В разное время имела различное достоинство, так афинская драхма содержала 4,36 г серебра и равнялась 6 оболам. *Обол* (греч. obolos – копей, вертел, поскольку в древности в качестве денег использовали железные прутья) – самая мелкая серебряная (позже – бронзовая либо медная) монета Древней Греции, Византии, а также Франции, Италии, Испании, Португалии, Голландии в эпоху феодализма.

землю. Первоначально на кусте росли только белые розы, но когда члены первозданных женщин засияли более яркой белизной, белые цветы покраснели от стыда, и с тех пор появились пурпурные розы. Так по крайней мере гласят персидские предания.

– А кому принадлежала купленная нами часть ковра? – спросил Орион.

– Она вырезана из самой середины, – отвечал купец, ласково поглядывая на юношу. – На левой стороне был изображен суд у моста Чинват¹⁸. Осужденных грешников не было видно, а были изображены одни фравашы¹⁹, то есть гении, которые, по понятиям персов, служат ангелами-хранителями каждого смертного в течение всей его жизни и живут в тесной оболочке человека, соединяясь с ним или отделяясь от него по своему желанию. Крылатый сонм фравашей как будто налетел грозой на осужденных грешников, слуг мрачного Ангро-Майнью²⁰. Между тем блаженные, непорочные, нелицемерные последователи светлого божества Ахурамазды²¹ с гимнами входили в цветущий Эдем. Несколько ниже были видны люди, которые не подвергались осуждению, но также не заслужили и полного блаженства; эти, понутив головы, смиренно и молча удалялись в темную рощу. А праведники в блаженном спокойствии наслаждались дарами Эдема. Здесь вы видите исполинскую кисть винограда, его хочет сорвать один из жителей рая; его рука уцелела, но фигура отрезана. От орнамента из цветов и фруктов, обрамлявшего всю картину, остался вот тут наверху великолепный кусок. Как вы находите смарагд, изображающий цветочную почку? Во сколько вы его оцените?

– Превосходный камень! – воскликнул Орион. – Даже у Элиодоры нет ничего подобного. Как ты думаешь, отец, сколько он стоит?

– Много, очень много, – отвечал тот, – но и весь замечательный ковер в своей целостности был бы слишком ничтожным даром для того, кому я предназначил дивный смарагд.

– Полководцу Амру? – спросил Орион.

– Нет, дитя, – решительно отвечал наместник, – он будет пожертвован мной Господу нашему Иисусу Христу и Его святой церкви.

Орион опустил глаза. Ему была неприятна мысль, что великолепный камень вделают в крышку какого-нибудь ковчежца и он навсегда скроется с глаз людей в темном шкафу церковной ризницы. Юноше хотелось бы дать ему иное назначение.

Однако ни отец, ни мать не заметили его неудовольствия. Нефорис бросилась к мужу, стала на колени перед его ложем и, покрывая поцелуями холодную исхудавшую руку страдальца, радостно шептала, словно тяжелое бремя скатилось у нее с души:

– Твой поступок спасет наши души, Георгий! За такой дар, увидишь, тебе простится все, и ты найдешь утраченный душевный мир.

Наместник молча пожал плечами и приказал свернуть ковер, после чего Орион собственноручно запер его в табличной. Потом мукаукас велел дежурному докладчику устроить на ночлег араба с его людьми.

¹⁸ *Чинват* – в иранской мифологии мост через водную преграду, разделяющую царства мертвых и живых. В более поздней традиции это «мост судебного разбора», вершимого богами над душами умерших. Под стопой грешника Чинват становится узким, «как лезвие бритвы», праведнику же он кажется шириной «в 9 длин копий или в 27 длин стрел».

¹⁹ *Фравашы* – в иранской мифологии и эпосе олицетворение души. Вначале фравашы были связаны с представлениями об умерших предках, продолжающих загробное существование.

²⁰ *Ангро-Майнью* (Анхра-Манью) – в иранской мифологии глава сил зла, тьмы и смерти, символ отрицательных побуждений человеческой психики, извечный противник Ахурамазды.

²¹ *Ахурамазда* – верховное божество зороастризма, иранской религии, основанной легендарным пророком Заратуштрой в X–VI вв. до н. э. Буквальное значение имени Ахурамазда «Господь мудрый».

VI

Душевные страдания и упреки совести с некоторых пор не давали покоя больному Георгию. Бедный старик действительно надеялся умиловить Провидение богатым вкладом в церковь. Для этой цели он не пожалел четырехсот тысяч драхм и, пожалуй, с удовольствием заплатил бы за чудный ковер еще дороже. Чем богаче дар, тем больше надежды на милость Того, Кому он предназначается.

У мукаукаса была серьезная причина сомневаться в справедливости своих поступков. Христианская религия запрещает мстить врагам, но Георгий не мог не наказать злодеев, когда представился к тому удобный случай. И какой отец поступил бы иначе с людьми, лишившими его двоих цветущих сыновей? Этот страшный удар подточил весь организм несчастного. Он чувствовал, как с тех пор медленно чахло его тело. Крайнее изнеможение, припадки малодушного страха, дурноты и боли как естественные последствия паралича отравляли ему каждую минуту. Угасающая жизнь поддерживалась в нем только прежней физической мощью и жгучей жаждой мщения. И судьба доставила ему случай жестоко отомстить за гибель сыновей. Между тем Георгий по природе был слишком незлобивый человек; насладившись местью, он начал испытывать упреки совести.

Хотя и не по его вине, но при его содействии Византийская империя лишилась богатой провинции, которая была вверена императором попечению мукаукаса; греки и все, кто носил имя мелхита, были с позором изгнаны из Египта; но хуже всего то, что возмущенный народ, с восторгом приветствуя мусульман, во многих местах избивал своих притеснителей, как бешеных собак. Георгий желал бы помешать этой кровавой расправе соотечественников с ненавистными греками, но не смог ничего сделать.

Таким образом, все бедствия, какие он призывал на убийц своих детей, на палачей своего народа, действительно обрушились на них, и за невинную кровь было отомщено сторицей. Но в то время когда несчастный отец торжествовал победу над врагами, в нем мало-помалу просыпалась совесть. Ее сначала робкий голос становился все грознее, неумолимо обличая Георгия в жестокости. Он начал тосковать, терзаться беспричинным страхом; ему не доставало душевной твердости для роли героя и реформатора. При его деятельном участии совершились слишком крупные исторические события, разыгралось слишком много кровавых драм, отразившихся на тысячах человеческих жизней; наконец, он подверг опасности самую веру Христову, уступив свое отечество мусульманам. Мукаукасу было страшно подумать, что он сознательно допустил такие перевороты; тяжелая ответственность за все случившееся невыносимо удручала его. Напрасно Георгий повторял, что он не призывал арабов в Египет и не мог отразить их нападение по недостатку военных сил; тем не менее на него указывали со всех сторон как на сообщника завоевателей; наместник стал опасаться за свою жизнь и верил тем, кто говорил ему о наемных убийцах, подосланных византийцами. Но еще сильнее был его страх перед гневом Божиим за то, что он отдал христианскую страну в руки неверных. Даже воспоминание о своем незапятнанном и безупречном прошлом не могло поддержать Георгия; против душевных пыток у него оставалось единственное средство – белые пилюли, которые уже давно стали ему необходимы, как воздух и вода.

Добрый мемфисский епископ, старец Плотин, и его подчиненные вполне оправдывали мукаукаса, но патриарх Вениамин действовал совершенно иначе. Находясь в изгнании, он сам указывал на арабов как на избавителей от ига мелхитов; между тем когда Георгию удалось с большим трудом вернуть его из ссылки и водворить на прежнее место, то мукаукас неожиданно встретил в нем ожесточенного противника. Патриарх отнесся к нему как к отверженному, заслужившему вечное осуждение. Догадываясь о том, что глава египетской церкви руководствуется в данном случае не справедливостью, а иными, посторонними помыслами, Георгий

тем не менее был уверен, что Вениамин, по своему высокому пастырскому сану, может лишить его вечного блаженства.

Чем сильнее утверждалось могущество арабов в его отечестве, чем благоразумнее правили они страной, отвлекая многих египтян от христианства и привлекая к исламу, тем ужаснее казалась мукаукасу его вина. Мало того: когда он наконец завершил дело мщения, которое греки называли «двойным предательством», то вместо наказания от Бога за грехи на Георгия щедро посыпались земные блага. Это окончательно смутило набожного старика, ему показалось, что Сатана осыпает его дарами судьбы в награду за погибшие христианские души, которые отпали от святой церкви благодаря излишней благосклонности наместника к мусульманам.

В короткое время Георгий неожиданно получил два больших наследства, а его люди, раскапывая языческие склепы в городе мертвых, нашли больше золота, серебра и драгоценных камней, чем все прочие, вместе взятые. Мусульманский халиф и его наместник оставили мукаукаса в прежней должности, выказывая ему дружбу и почет; булевты, или советники города, вместе с городским населением торжественно провозгласили его «справедливым»; к тому же имени Георгия никогда еще не приносили таких крупных доходов. От вдовы своего убитого старшего сына он получал самые утешительные письма, где она с восторгом говорила о новой, высшей цели существования, найденной ею в монастыре; ее дочь, внучка старика, росла очаровательным, веселым ребенком, которым восхищались даже посторонние; наконец, из переписки с жившим в Константинополе Орионом он убеждался, что его сын оказывает успехи во всем, не забывая при этом своих родителей, которым юноша, по собственному побуждению, подробно сообщал о своих удовольствиях и занятиях в столице. Следовательно, и на далекой чужбине отец с матерью оставались для него по-прежнему дороже всех на свете.

Присутствие Паулы в их доме приносило Георгию также немало отрады; девушка доставляла ему удовольствие не за одной только шахматной доской, и он постоянно сожалел, что Нефорис не благоволит к одинокой сироте. Все эти блага, пожалуй, представляли собой дар Сатаны, однако благочестивый старик решился показать лукавому, что он предан не ему, а Спасителю мира, и надеется на благодать Провидения. Возвращение сына вполне созревшим человеком наполнило душу Георгия безграничной благодарностью. Это глубокое чувство вместе с мучительными сомнениями, осаждавшими мукаукаса, заставило его пожертвовать громадную сумму, представлявшую собой целое состояние, чтобы принести Христовой церкви дар, которому не было подобного. Подавая Гашиму подписанный им счет, Георгий чувствовал себя безгранично счастливым, как военнопленный, получивший с далекой родины деньги на выкуп из неволи. Когда больного уложили на ночь в постель и жена не переставала благодарить его за предпринятый им подвиг благочестия, у наместника вдруг стало легко и весело на душе, чего он не испытывал уже долгие годы.

Мукаукас обыкновенно слышал каждую ночь легкие шаги Паулы над своей головой, так как она помещалась во втором этаже, над его комнатой, и поздно ложилась спать, предаваясь в ночной тишине сладким и скорбным воспоминаниям прошлого. Суровая судьба похитила у нее так много: отца, брата, близких родственников и друзей; все они погибли одновременно от руки мусульман, которым Георгий уступил почти без сопротивления свое отечество.

– Сегодня не слышно Паулы, – заметил он, взглядывая вверх, как будто ему чего-то не доставало. – Бедняжка, вероятно, легла пораньше в постель, расстроившись встречей с арабским купцом.

– Стоит ли о ней говорить! – заметила Нефорис, с досадой пожимая плечами, недовольная тем, что муж прервал ее радостные излияния. – Эта девица окончательно выводит меня из терпения! Какую глупую выходку позволила она себе опять при посторонних! И к чему она с такой насмешкой говорила о милосердии? Я не хочу хвалиться своими добродетелями, но могу сказать, что никому не отказываю в сострадании и для нее делаю все, к чему обязывает меня долг христианки и родственницы, но, видит бог, как мне тяжело! Невыносимое высокомерие

Паулы отталкивает от нее каждого. Когда она входит в комнату, один вид мелхитки отравляет мне всякое удовольствие, так и кажется, что вместе с ней через порог переступило само несчастье. Кроме того, Орион чересчур заглядывается на эту девушку. Ты, конечно, ничего не замечаешь, но от меня не укроется никакая мелочь. Как бы я желала поскорее избавиться от такой обузы.

– Нефорис! – прервал ее муж тоном легкого упрека. Георгий хотел бы сделать жене более резкое замечание, но, пристрастившись к опиуму, он мало-помалу утратил твердость воли и малодушно подчинялся во всем властолюбивой матроне.

Вскоре мукаукас впал в тревожную дремоту, хотя при этом чаще обыкновенного открывал глаза. Ему не доставало легких шагов племянницы, к которым он привык прислушиваться по ночам в продолжение двух последних лет.

Однако старик ошибался, предполагая, что девушка поспешила лечь в постель. После сцены с Гашимом она действительно ушла, но не могла долго находиться в комнате. В этот день служанки не исполнили приказа Паулы отворить окна сразу после заката солнца, чтобы прохладный воздух ночи освежил ее спальню. Прислуга в доме дяди, замечая неприязнь хозяйки к одинокой родственнице, не выказывала Пауле особенной предупредительности. Атмосфера в комнате была невыносима: деревянные ставни нагрелись, каждый предмет был горяч на ощупь, а приготовленная в кувшине вода оказалась непригодной для питья. Египтянка, привыкшая к африканскому климату, не нашла бы в этом ничего особенно неприятного, но дамаскинка, которая проводила каждое лето в красивом загородном доме отца в Ливанских горах, не могла выносить подавляющего зноя.

Недолго думая, Паула отодвинула ставни, а сама закуталась в большой теплый платок и, осторожно спустившись с крутой лестницы, пробралась через знакомую калитку во двор. Здесь она вздохнула свободно и в порыве тоски протянула руки, как будто ей хотелось улечься на крыльях из ненавистного дома; однако через минуту девушка опомнилась и пугливо осмотрелась вокруг. Паула вышла из комнаты не для того только, чтобы освежиться, ей, кроме того, хотелось высказать свое горе близкому человеку; среди многочисленного штата прислуги наместника были два существа, которыми дорожила одинокая девушка, – одно из них понимало и сознательно любило ее, другое питало к ней беззаветную преданность и было всегда готово исполнить тайные поручения молодой госпожи.

Первая из них была кормилица Паулы, приехавшая с ней в Египет, другой – вольноотпущенник, конюший ее отца, который сопровождал обеих из Сирии вместе с мальчиком-сыном. Во время резни в Авиле дочь Фомы скрывалась от злодеев в недоступном убежище; потом жила в одной из долин Ливана, пока не решилась наконец бежать оттуда в Мемфис под защиту могущественного мукаукаса Георгия. Отец Паулы был женат в первый раз на родной сестре наместника, но девушка родилась от его второго брака: ее мать, сирийка, приходилась родственницей императору Ираклию²² и умерла в молодых годах, вскоре после рождения ребенка.

Верным слугам не позволили оставаться при своей госпоже. Нефорис открыла в Перпетуе, кормилице Паулы, необыкновенную способность к ткацким работам и назначила ее надзирательницей за рабами, занимавшимися у нее этим ремеслом. Старуха взялась за предложенную должность, хотя была свободной от рождения: она соглашалась на все, только бы оставаться вблизи своей дорогой воспитанницы. Конюший Гирам с малолетним сыном также был принят на службу мукаукаса, во-первых, для того, чтобы смотреть за пятью прекрасными конями своего господина, на которых беглецы прибыли в Египет, а во-вторых, в качестве опытного ветеринара и знатока лошадей. Паула хотела переговорить с обоими слугами; она знала, где их найти, но не смела отправиться к ним прямо, во избежание неприятностей. Наемные

²² *Ираклий* (575–641) – византийский император с 610 г. В 627–628 гг. отвоевал захваченные персами на востоке империи земли, однако не смог отстоять их от захвата арабами в 630-х гг.

служащие мукаукаса пировали еще со своими гостями; когда же ворота заперли, караульные также присоединились к ним. Они весело разговаривали, разделившись на группы, и, по-видимому, не думали еще расходиться – несколько невольников только что принесли ужин солдатам.

По двору ежеминутно сновали люди, потому что каждый, кому было позволено, спешил насладиться ночной прохладой. Лишь рабов загоняли в их жилища немедленно после закрытия ворот, но из этих помещений также раздавались голоса. Паула всматривалась и вслушивалась во все, что было доступно ее острому зрению и чуткому уху. Сердце девушки било тревогу. Прибывающий месяц освещал половину двора, на другую падала тень от строений. В одном месте свободные слуги разложили огонь и уселись перед ним полукругом. Подвижное пламя костра бросало красноватый отблеск на их смуглые лица, а когда в него кидали свежие шишки пиний, оно вспыхивало ярче прежнего, поднимаясь кверху и освещая даже темную часть двора. Это очень беспокоило Паулу, которой хотелось пройти через двор незамеченной. Хотя в ее действиях не было ничего нескромного и предосудительного, однако девушка знала, что Нефорис готова перетолковать их в дурную сторону.

Сначала жена Георгия настаивала на том, чтобы помогать Пауле в ее поисках пропавшего без вести отца, но мукаукас и без совета жены целый год повсеместно наводил самые тщательные справки о своем зяте, пытаясь по крайней мере узнать, жив он или умер. Однако все попытки разыскать его оставались до сих пор безуспешными. Затем Нефорис стала относиться к этим стараниям все более и более неблагоприятно и наконец убедила своего слабохарактерного мужа предоставить храброго защитника Дамаска его судьбе. Таким образом, несколько месяцев назад у несчастной Паулы была отнята последняя надежда отыскать отца. Наместнику удалось, не без жертв со своей стороны, спасти для нее кое-что из имущества родителей. Он выгодно продал и недвижимую собственность, собрал, по возможности, оставшиеся доходы и хотел было вручить все деньги молодой девушке. Но та просила его хранить их у себя, обрадованная тем, что у нее есть верное обеспечение, хотя в доме египетского крeza бедная изгнанница считалась почти нищей. Не желая оставлять своих поисков, Паула просила мукаукаса выдать часть принадлежавших ей денег. Он два раза исполнил ее просьбу, но на третий раз отказал, чтобы не дать ей разориться. Георгий называл себя кириосом²³ и фактическим опекуном племянницы, говоря, что он не может позволить ей истратить свое маленькое состояние на безумные затеи, которые не приведут ни к чему, тогда как деньги могут со временем оказаться весьма кстати. Все расходы, сделанные до этих пор, были пополнены из собственного кошелька наместника.

Паула оценила великодушные дяди, но по-прежнему не отставала от него, умоляя исполнить ее просьбу. Однако старик неколебимо стоял на своем; он берег имущество сироты и не соглашался выдать ни одного солида²⁴ на осуществление лелеянных ею надежд. Она покори-лась для виду, хотя была твердо намерена сделать все возможное, чтобы найти следы пропавшего без вести героя. У нее сохранилось дорогое жемчужное ожерелье. Паула продала его, и на эти деньги верный Гирам предпринял далекое путешествие, разослав сверх того несколько гонцов по разным странам.

Теперь кто-нибудь из них, наверное, успел возвратиться с новыми известиями, и Пауле хотелось расспросить об этом вольноотпущенника. Но как пробраться к нему незамеченной? Она долго выжидала удобного момента перебежать через двор. Костер снова вспыхнул и осветил знакомое лицо. Это был Гирам. Среди людей, сидевших у огня, раздавался взрыв дружного хохота. Воспользовавшись минутой общего оживления, девушка плотнее закуталась в платок,

²³ *Кириос* – доверенный советник женщины, который служил также ее покровителем в суде. Под эгидой кириоса, по египетскому обычаю того времени, женщина перед законом имела равные права с мужчиной.

²⁴ *Соллид* (лат. *solidus* – самородный) – римская золотая монета весом 4,55 г, чеканилась с 309 г. вместо золотого денария; позже солид – золотая монета Византии вплоть до гибели Византийской империи в 1453 г.

быстро пересекла темную часть двора, а потом, согнувшись, как старуха, прошла по освещенной площадке к домам невольников.

У входа туда девушка остановилась, едва переводя дух, – так сильно стучало у нее сердце. Заметили ее или нет?.. Конечно, все обошлось благополучно. Никто не окликнул Паулу; не слышно ничьих шагов; собаки хорошо знают ее и потому молчат; стража оставила свой пост и сидит у костра.

Продолговатое здание с левой стороны было ткацкой, где в верхнем этаже помещалась кормилица Паулы, Перпетуя.

Здесь также приходилось соблюдать осторожность, потому что хозяйка нередко заглядывала сюда по вечерам, задавая работницам уроки на следующий день и проверяя то, что ими сделано на сотне ткацких станков, безостановочно стучавших с утра до ночи. Если бы невольницы заметили девушку, то могли бы рассказать своей госпоже о ее ночных странствиях. Они еще не спали, потому что из больших сараев или навесов на столбах до Паулы опять донесся громкий хохот. Рабыни при ткацкой также наслаждались ночной прохладой и зажгли костер. Пауле приходилось пройти мимо них по освещенному луной пространству. Выжидая удобного момента, она прижалась к соломенному шалашику, где стояли глиняные сосуды с водой для питья. Шалашик отбрасывал от себя темную треугольную тень на пыльную землю, ярко освещенную месяцем. Девушка спряталась в этом укромном местечке, откуда ей было видно и слышно все, происходившее в сарае.

Паула пережила тяжелый, мучительный день, который закончился неприятной сценой; вчера ей выпало на долю несколько блаженных часов, суливших неведомое счастье, а им предшествовало долгое время унижений, наступившее вслед за ужасной катастрофой.

Как весело и ясно было ее детство, как хороша ранняя молодость! В продолжение многих лет она каждое утро просыпалась для новой радости и каждый вечер ложилась в постель с благодарственными молитвами, они изливались из ее души так же свободно и естественно, как благоухание из венчика розы. В те дни Паула недоверчиво покачивала красивой головой, когда земной мир называли в ее присутствии юдолью плача, а человеческий род – несчастным и жалким. Теперь она убедилась в справедливости этих слов. В часы одиночества, в бессонные ночи ей нередко приходилось спрашивать себя, для чего милосердный Бог создал ее, дал ей вырасти, окружил ее бесчисленными благами и потом отнял все дорогое и желанное, даже надежду?

Однако, несмотря на свои сомнения, молодая девушка, воспитанная в правилах религии, не переставала молиться и веровать. Недавно ей показалось, что Провидение готово послать ей высшее благо: любовь достойного человека. Она сама полюбила его, пылкое молодое сердце так жаждало ответа... Но чем же это закончилось!..

Теперь девушка стояла в своей засаде с безотрадным сознанием сердечной пустоты; если она была несчастна до приезда Ориона, то в настоящую минуту еще сильнее чувствовала суровость судьбы; прежде Паула была только одинока, а теперь она обманута и осмеяна. Дочь благородного Фомы, родственница и гостя самого богатого и влиятельного человека в стране, молча глотала слезы, между тем как в нескольких шагах от нее беззаботно веселились жалкие рабыни. Девушки при ткацкой работали в неволе с утра до ночи, получая удары бича за малейшую оплошность, однако это не мешало им сейчас заливаться задорным смехом от избытка молодых сил.

Под покрытым пальмовыми ветками широким навесом красильни собралось множество невольниц, красивых и безобразных, смуглых и белых, различных по росту и фигуре. Одни из них были высоки и стройны, другие – с искривленной от работы за ткацким станком с детских лет спиной. Все они были молоды, между ними не было ни одной старше восемнадцати лет. Невольники представляют собой капитал: проценты с него – их труд и дети. Поэтому каждую рабыню выдавали замуж в молодые годы также за невольника. В ткацкой работали и девушки,

и замужние женщины, но замужние имели особые помещения, каждая жила со своей семьей, а девушки ночевали в общих спальнях, рядом с мастерскими. Сегодня их освободили раньше, и потому они веселились по-своему, разделившись на две группы. Одна толпа окружила египтянку, чертившую что-то на дощечке; другая занималась невинной игрой, которая состояла в том, что каждая из играющих бросала через голову свою обувь. Если сандалия попадала за черту, проведенную на полу мелом, это было хорошим предзнаменованием: девушке предстояло выйти за любимого человека. Если же обувь падала ближе, это был знак, что свадьбу отложат или выдадут за немилого.

Работница, забавлявшая подруг черчением фигур, занималась при ткацкой рисованием узоров и обладала способностью, свойственной еще языческим предкам египтян: она умела изобразить несколькими штрихами профиль каждого лица так верно, что рисунок, несмотря на карикатурность, поражал своим сходством. Шалуныя проделывала этот фокус с помощью восковой дощечки и медного карандаша; остальные девушки должны были отгадывать, чей портрет выходил из-под ее рук. Только одна невольница одиноко сидела у дальнего столба сарая, опустив голову и не говоря ни слова.

Не замеченная никем Паула видела и понимала все происходившее, хотя молодые невольницы обменивались только отрывочными словами, перебивали одна другую, и меж ними раздавался несмолкаемый веселый хохот. Если одна из них бросала сандалию дальше условной черты, юная компания хохотала во все горло, и каждая из рабынь выкрикивала имя жениха, которого они прочили своей подруге; в противном случае веселье было еще шумнее, и тогда девушками упоминались самые старые и некрасивые рабы. Одной смуглой сириянке не удалось ее гаданье, но она бойко вскочила с места, схватила мел и провела другую черту впереди упавшей сандали; тут всеобщая веселость достигла крайнего предела; многие девушки бросились стирать неправильно начертанную линию; резвая нубиянка с курчавой головой подхватила сандалию, подбросила ее в воздух и ловко поймала; другая, захлебываясь смехом, громко повторяла имя счастливец, ради которого находчивая сириянка старалась перехитрить судьбу.

Можно было подумать, что под навесом красильни поселился дух веселых проказ, потому что и другая группа вокруг рисовальщицы проявляла не меньше оживления. Когда нарисованное лицо узнавали, поднимался хохот; если нет, подруги наперебой выкрикивали то одно, то другое имя. Удачная карикатура на самого строгого из надзирателей вызвала особенно шумные взрывы веселья. Взглянув на неоконченный портрет, каждая из девушек покатывалась со смеху, но когда одна из них вырвала дощечку из рук рисовальщицы, а другие напали на нее и затеяли возню, веселый гам и хохот, поднятый ими, не знал пределов.

Паула сначала смотрела на работниц, с недоумением покачивая головой. Ей было странно, что они могли так забавляться пустяками. Правда, когда она была ребенком, то иногда смеялась без причины, а эти взрослые девушки по своему невежеству и ограниченности были, пожалуй, не умнее детей. Их мир заключался в стенах хозяйского дома, они жили исключительно настоящей минутой, совершенно как пятилетние девочки, так что им было вполне естественно проявлять ребяческую наивность.

«Бедняжки привыкли к своей неволе и к тяжелому труду, – подумала Паула, – вот почему они так беззаботны к концу своего трудового дня. Мне, право, можно позавидовать несчастным рабыням! Будь это позволительно, я вмешалась бы в их толпу, чтобы повеселиться, как дитя».

Наконец карикатура надзирателя была готова, и тут одна толстая девушка маленького роста залилась таким хохотом, что Паула, несмотря на свое горе, не могла удержаться от смеха – до того заразительно было общее веселье. Печаль и унижения были забыты. Несколько минут она не помнила ничего, не переставая смеяться от всей души, как свойственно всякому молодому и здоровому человеку. Ах как было отрадно забыться таким образом хоть раз в жизни! Бедная сирота сознавала это и все еще смеялась, как вдруг к толпе работниц подошла рабыня,

сидевшая до тех пор в сторонке. Она крикнула что-то непонятное для Паулы, причем остальные расхохотались еще громче.

Стройная фигура молчаливой девушки освещалась теперь пламенем костра. Паула никогда раньше не видела ее, а между тем эта невольница была несравненно красивее других; но она показалась Пауле очень грустной. Племянница мукаукаса подумала, что у нее болят зубы, потому что голова ее была повязана платком, концы которого сходились на темени. Густые белокурые волосы невольницы падали на плечи. При взгляде на нее Паула опомнилась и перестала смеяться; но прочие девушки по-прежнему предавались веселости, хотя их смех звучал теперь не так беззаботно и задумчиво, как вначале. Хорошенькая рабыня с подвязанной головой принадлежала также к числу работниц при ткацкой, но поступила сюда недавно; прежде она долгое время занималась рукоделием под надзором двух пожилых вдов. Один из военных отрядов императора Ираклия после победы над Хосровом II²⁵ взял в плен ее мать. Девушка была в то время грудным ребенком, и обеих пленниц привезли из Персии в Александрию, где они были куплены управителем мукаукаса Георгия.

Персиянка зачахла в неволе и умерла, оставив сиротой тринадцатилетнюю дочь. Молоденькая девушка пышно расцвела в шестнадцать лет, отличаясь ослепительной белизной кожи и золотистыми кудрями, которые даже в настоящую минуту удивительно блестели при свете костра. Орион влюбился в нее и вздумал овладеть ею. Бесчестные люди из числа рабов и чиновников его отца поспешили выслужиться перед молодым человеком. Невольницу перевезли на дачу мукаукаса по ту сторону Нила, где Орион мог свободно навещать ее. Неопытная, беззащитная девушка не могла устоять против соблазна. Вскоре она, конечно, наскучила Ориону, он покинул ее и отправился в Константинополь, не заботясь о дальнейшей участи бедной рабыни.

После отъезда сына Нефорис узнала о случившемся и приказала старшему надзирателю за невольниками примерно наказать несчастную, чтобы она не могла больше «губить мужчин своей красотой»; жестокий надсмотрщик буквально исполнил волю госпожи, распорядившись, по старинному обычаю, обрезать девушке оба уха. После такой бесчеловечной расправы на нее нашло тихое помешательство. Напрасно церковные экзорцисты²⁶ и другие заклинатели духов старались изгнать из больной демонов безумия; она осталась такой, как прежде: добрым, ласковым существом, была тиха и прилежна в работе как под надзором двух старых рабынь, так и в общих мастерских. Ее помешательство обнаруживалось только в часы досуга, и тогда другие работницы любили потешаться над полоумной.

Теперь они притащили Мандану к огню, после чего с притворным почтением стали просить ее сесть на пустую бочку из-под краски, которую называли троном, так как безумная постоянно вообразала себя супругой мукаукаса Георгия.

Каждая из девушек подходила к ней, с почтением прося о какой-нибудь милости или осведомляясь о здоровье ее мужа и о положении дел в имениях. До сих пор молодые невольницы при всей своей невежественности щадили больную изуродованную подругу, никогда не произнося в ее присутствии имени Ориона. Но сегодня одна негритянка, отличавшаяся бессердечием, сухая и некрасивая, подошла к Мандане и спросила с отвратительной гримасой:

— А как поживает твой сыночек Орион, скажи нам, повелительница?

Безумная несколько не изменилась в лице при этом вопросе и совершенно серьезно отвечала:

— Я женила его на дочери константинопольского императора.

— Вот как! — воскликнула черная невольница. — Какая прекрасная партия! Но знаешь ли ты, что молодой господин вернулся сюда? Он, вероятно, привез с собой царевну, так что нам предстоит увидеть коронованных особ в пурпурных мантиях!

²⁵ *Хосров II Парвиз* (?—628) — царь Ирана с 591 г.; присоединил к Ирану восточные и южные провинции Византии.

²⁶ *Экзорцист* — церковная должность в католичестве, служитель, изгонявший злых духов и нечистую силу.

Больная вспыхнула, хватаясь в испуге за платок, которым были повязаны ее изуродованные уши, и спросила:

– Неужели это правда? Неужели он вернулся?

– Вернулся, но совсем недавно, – утешала Мандану другая добродушная невольница.

– Не верь ей! – перебила негритянка. – Вчера вечером, если хочешь знать, он катался по Нилу с высокой дамаскиной. Мой брат, лодочник, был одним из гребцов и говорил, что молодой господин не отходил от своей двоюродной сестры и они оба...

– Ты говоришь о моем супруге, великом мукаукесе? – спросила Мандана, стремясь собраться с мыслями.

– Нет, о твоём сыне Орионе, женатом на дочери императора, – со смехом отвечала безжалостная девушка.

Безумная поднялась с места, обводя всех блуждающим взглядом, и повторила в смущении, как будто не вполне понимая смысл сказанных слов:

– Орион? Красавец Орион?

– Ну да, твой любимый сынок! – крикнула мучительница так резко, как будто говорила с глухой.

Тут с безобидной девушкой произошла резкая перемена. Одной рукой она схватила за свое ухо, а другой звонко ударила негритянку по толстым губам, вскрикнув при этом пронзительным голосом:

– Ты говоришь: мой сын, мой сын Орион? Как будто вы не знаете!.. Ведь он был моим возлюбленным, и за это меня схватили, связали, изуродовали... Однако я его не люблю, и если бы могла... мне хотелось бы...

Она сжала кулаки, закричала белыми зубами и продолжала хриплым голосом:

– Где он? Почему вы не хотите сказать мне?.. Но погодите! Ведь я умна и сумею сама найти его! Он у вас спрятан здесь... Где же именно? Орион, Орион, где ты?

Мандана вскочила с места и принялась метаться по сараю, сдвигая крышки с бочек, наполненных краской, и при общем хохоте заглядывая в каждую из них, как будто в надежде найти там молодого человека. Большинство девушек смеялись, но другим стало совестно издеваться над несчастной, ее болезненный вопль задел их за живое, они поспешили отойти в сторону и опять разделились на группы, готовясь начать новую игру, как вдруг между ними показалась невысокая женщина, опрятно одетая и с добродушным лицом.

– Будет вам хохотать! – воскликнула она, хлопая в ладоши. – Пора спать, мои пчелки! Не успеете оглянуться, как наступит утро, и придет время приниматься за работу. Ну, что разбежались в разные стороны? Скоро ли вы соберетесь на покой, ночные птицы? Помните, едва взойдет солнышко, как мы застучим ткацкими станками. Ну, готовы ли вы?

Девушки отличались послушанием; а пока они проходили мимо своей надзирательницы в общие спальни, Перпетуя насторожила уши: от шалаша с водоносами до нее долетел своеобразный продолжительный, но не особенно громкий оклик: «опойо!» Кормилица хорошо помнила этот условный сигнал. Префект Фома имел привычку созывать таким образом своих домашних, рассеянных по саду его великолепной виллы в Ливанских горах. В настоящее время точно так же окликала свою кормилицу Паула, когда не хотела быть замеченной посторонними.

Перпетуя озабоченно покачала головой. Какая причина заставила ее милое дитя явиться к ней так поздно? Вероятно, случилось что-нибудь особенное. И находчивая кормилица воскликнула:

– Торопитесь, девушки!.. Пора спать! Опойо! Не толкайтесь! Все ли в сборе, опойо! – Паула поняла в свою очередь, что ее услышали.

Кормилица прошла за рабынями в ткацкую и, убедившись, что они все налицо, кроме больной Манданы, осведомилась о ней. Все отвечали, что сию минуту видели ее в сарае. Тогда

надзирательница пожелала девушкам спокойной ночи и удалилась как будто на поиски перси-янки.

VII

Паула вошла в комнату кормилицы, которая также вернулась домой, поискав безумную Мандану и не без некоторого колебания оставив ее на произвол судьбы.

Комната Перпетуи освещалась ярко вычищенной медной лампой; здесь все было уютно и блестело чистотой, так как хозяйка любила строгий порядок и аккуратность в своих занятиях, в одежде и обстановке. Постель кормилицы была завешана белой кисеей от комаров. Над изголовьем кровати висело распятие, стулья были обтянуты хорошей материей различных цветов из остатков домашнего тканья; красиво сплетенные соломенные циновки устилали пол; на подоконниках и в переднем углу, где над аналоем возвышалась глиняная фигура Спасителя, стояли комнатные растения, наполнявшие мирный уголок нежным ароматом.

– Ты страшно напугала меня, дитя мое, – заметила Перпетуя, заботливо запирая за собой дверь. – Как можно приходить так поздно!

– Мне было невыносимо оставаться одной! – оправдывалась девушка.

– Ты, кажется, плачешь? – спросила со вздохом кормилица; ее умные глаза тоже наполнились слезами. – Что с тобой, моя бедняжка?

С этими словами она погладила девушку по голове; Паула бросилась к ней на грудь, обхватила руками шею преданной служанки и громко зарыдала. Маленькая матрона дала ей выплакаться, потом вытерла свои слезы и слезы девушки, упавшие на ее гладкие седеющие волосы. Затем она взяла Паулу за подбородок, повернула к себе ее лицо и заметила с твердостью:

– Теперь ты поплакала – и довольно; я не мешала бы тебе предаваться своему горю, потому что слезы облегчают человека, но у нас с тобой мало времени. Говори же мне откровенно, о чем ты горюешь? Верно, опять старая песня: тоска о прошлом, недовольство или что-нибудь новое?

– К несчастью, да, – отвечала девушка, нервно теребя свой платок. – Моему терпению пришел конец, – продолжала она с возрастающей горячностью, – и мне невозможно оставаться дольше в доме дяди... Ведь я не каменная! Когда вечером боишься приближения ночи, а поутру – наступающего дня, который принесет только одно горе...

– Тогда следует образумиться, душа моя, и сказать себе, что из двух зол благоразумнее всего выбрать меньшее. Повторяю тебе в сотый раз: если мы покинем здесь верное убежище и отправимся на чужбину, то едва ли встретим там что-нибудь лучшее.

– Для меня достаточно убогой хижины у источника под пальмами! Если ты будешь со мной и я избавлюсь наконец от невыносимых людей, то буду вполне довольна.

– Что это значит? – с тревогой прошептала кормилица, озабоченно качая головой. – Не дальше как третьего дня ты была совершенно спокойна, вероятно, с тех пор опять произошло...

– Ты отгадала, – прервала ее Паула вне себя от волнения. – Сын дяди... Ведь ты встретила его вместе с нами... Этот юноша... Мне показалось, что он вполне заслужил такую торжественную встречу, и я... Ах, Бетта, пожалей меня!.. Если бы ты знала, как умеет Орион покорять сердца людей... Ну, одним словом, я поверила его взглядам, его речам, его чарующему пению и наконец... ты должна узнать всю правду... его поцелую, когда он прижался горячими губами к моей руке! Однако ж все это оказалось обманом и ложью, лицемерием, недостойной шуткой над моим доверчивым сердцем, а пожалуй, чем-нибудь еще более возмутительным. Короче, пока Орион употреблял свое искусство, чтобы завлечь меня в сети – даже невольники в лодке заметили его ухаживание, – им было уже решено просить руки этой куклы Катерины, которую ты прекрасно знаешь. Такую интересную новость я узнала в тот же вечер от Нефорис, поторопившейся унижить меня под видом родственного расположения. И все-таки Орион осмеливается по-прежнему добиваться моей взаимности, он имеет дерзость...

Громкое рыдание снова прервало речь Паулы.

Встревоженная кормилица не унимала ее больше и только твердила про себя:

– Плохо, очень плохо! Еще этого недоставало, боже праведный!

Потом она овладела собой и предложила:

– Конечно, это новое, совершенно неожиданное несчастье, но мы, однако, мужественно перенесли с тобой гораздо худшее! Подними голову и вырви из сердца остатки пылкого чувства к бесчестному соблазнителю. Твоя гордость поддержит тебя в тяжелую минуту. Узнав обман Ориона, ты должна благодарить Господа, что отношения между вами не зашли слишком далеко.

Тут кормилица передала Пауле историю бедной Манданы. Девушка была глубоко возмущена таким коварством.

– Да, дитя мое, – прибавила Перпетуя, – сын Георгия бессовестно играет женщинами и не задумываясь разбивает чужое счастье. Мне, пожалуй, следовало предостеречь тебя, но я не хотела поселять в тебе предубеждения против него в надежде, что вы сделаетесь добрыми друзьями. В общем, Орион – человек недурной. Так, он с опасностью для собственной жизни вытащил из реки брата рисовальщицы Гефоры, которую ты хорошо знаешь. Мне казалось, что молодой человек при его доброте отнесется к тебе с участием и станет защитником бедной сироты. Кроме того, я рассчитывала на твою непреклонную гордость. Но и она не предохранила мое бедное дитя от малодушного увлечения! Я никак не думала, что у тебя такое же слабое, доверчивое сердечко, как у других, и что оно заговорит на двадцать первом году, в первый раз отвечая на любовь мужчины...

– Я не люблю больше обманщика, я ненавижу его, а также и остальную семью! – с жаром перебила Паула. – Все они мне противны!

– Очень жаль, – произнесла со вздохом кормилица, – но я часто спрашиваю себя: не могло ли быть иначе? Если бы ты не отталкивала от себя родных, они полюбили бы тебя; сначала эти люди оказывали тебе участие, однако ты сама сторонилась их, а теперь, когда между вами возникло отчуждение, ты жалуешься на судьбу. Не возражай мне, это совершенная правда! Будем беспристрастны: может ли человек внушить к себе привязанность, коли сам никого не любит и отворачивается от других? Хорошо было бы, если бы мы могли переделывать по своему желанию окружающих нас людей. К несчастью, выходит совсем наоборот, и житейская мудрость учит нас мириться с недостатками ближних. Жаль, что ты никогда не хотела усвоить этого благоразумного правила!

– Я не могу перемениться и всегда останусь такой, как теперь.

– Конечно. Надо отдать тебе справедливость: ты одарена редкими достоинствами, но кто догадывается о них в семье наместника? Каждый человек представляет собой что-нибудь, а ты?.. Нет ничего удивительного, если домашние видели в тебе только «несчастную», и ничего более. Ты действительно достойна сострадания, а между тем кому приятно постоянно видеть перед собой мрачное лицо?

– Я никогда не жаловалась этим людям на свою судьбу! – воскликнула Паула, гордо выпрямляясь.

– Вот это именно и худо. Родные приняли тебя в свой дом и думали, что имеют право разделить твою печаль. Они, пожалуй, чувствовали потребность утешить ближнего в горе, потому что, поверь мне, дитя, в этом заключается тайная отрада для утешителя. Оказывая сострадание другому, люди с удовольствием сознают, что они счастливее его. Я хорошо знаю свет! Неужели ты не видела, как твоя замкнутость оскорбляет родных? Они уважали в тебе твою горе, но ты показывала им его издали, тщательно скрывая свои сердечные раны. Каждому доброму человеку хочется помочь ближнему, ты же упорно сторонилась всякого утешения. Прежде ты ладила с дядей.

– Я его люблю до сих пор, и мне сто раз хотелось признаться ему во всем, однако...

– Ну, в чем же дело?

– Стоит взглянуть на него, Бетта, как он лежит холодный, неподвижный и полуживой, чтобы всякое откровенное признание застыло на губах.

– А теперь?

– Теперь слишком поздно; мне кажется, что я потеряла всякое право жаловаться ему на свое горе.

– Хм! – произнесла в раздумье Перпетуя, не зная, что ответить. – Во всяком случае, советую тебе успокоиться, – продолжала она после минутной паузы, – ты, вероятно, дала понять Ориону, что не позволишь шутить с собой. Тебе нечего стыдиться и приходить в отчаяние. Покорись неизбежному; если внутренний голос не обманывает меня, то скоро наши поиски...

– Я пришла к тебе также, чтобы спросить об этом. Не вернулся ли кто-нибудь из наших гонцов?

– Да, вернулся навуфеянин, – нерешительно ответила кормилица. – Но, ради бога, дитя мое, не увлекайся обманчивыми надеждами. Видишь ли, в чем суть: Гирам приходил ко мне сейчас после заката солнца.

– Бетта, – воскликнула девушка, хватая кормилицу за плечи, – скажи мне скорей, что он разузнал?

– Ничего верного! Не волнуйся так понапрасну. Кроме того, я еще не успела хорошенько потолковать с Гиравом. Завтра утром он обещал привести мне самого гонца. Единственное, что я узнала...

– Говори скорее, заклинаю тебя ранами Господа Иисуса!

– Гонец наш слышал об одном пустынноике, который некогда был знаменитым воином.

– Это отец, это отец! – воскликнула Паула вне себя от радости. – Гирав сидит на дворе у огня с другой прислугой. Сейчас приведи мне его, я приказываю тебе, Перпетуя, слышишь? Или лучше пойдем к нему вместе, дорогая, несравненная Бетта!

– Имей терпение, душа моя! – умоляла кормилица. – Тебе нельзя ничего сказать. Если мы и на этот раз напали на ложный след, ты опять станешь убиваться, бедняжка!

– Все равно, пойдем со мной!

– К прислуге у огня в такую пору? Опомнись, Паула! Впрочем... погоди... обожди меня здесь. Я сейчас разбужу Иосифа, сына Гирава; он спит при лошадях и может позвать своего отца. Что мне делать с твоим нетерпеливым, пылким сердечком! Если я не исполню твоего желания, ты не уснешь сегодня целую ночь, а завтра будешь бродить как потерянная... Успокойся же, видишь, я иду.

Кормилица вышла, а Паула бросилась перед распятием на колени и горячо молилась до ее возвращения.

Вскоре по лестнице раздались мужские шаги. Вошел Гирав.

Это был мужчина лет пятидесяти с добрыми голубыми глазами на грубом и самом обыкновенном лице. При взгляде на его широкую грудь можно было ожидать, что он заговорит густым басом, но Гирав заикался с детства и от постоянного ухода за лошадьми усвоил привычку произносить странные нечленораздельные звуки самым тонким голосом. Он говорил вообще неохотно.

Увидев дочь своего благодетеля и господина, преданный слуга опустился перед ней на колени, посмотрел на девушку с благоговейным почтением и поцеловал сначала край одежды Паулы, а потом руку, которой она хотела поднять его с земли.

Молодая госпожа ласково, но решительно прервала вольноотпущенника, когда он, заикаясь на каждом слове, стал выражать радость по поводу свидания с ней. Гирав приступил к делу, причем его медленная речь выводила из терпения пылкую девушку.

По его словам, навуфеянин, вернувшийся с важным известием, был не прочь продолжать поиски по найденному следу, но он мог ждать ответа только завтра до полудня и предъявил большие требования.

– Он получит от меня все, что желает! – с жаром отвечала Паула.

Но Гирам умолял ее больше взглядами и непонятными восклицаниями, чем словами, не особенно поддаваться сомнительной надежде на успех.

Навуфеянин Дузара, дополнил он рассказ кормилицы, узнал об одном отшельнике в Райфу, на Красном море. По слухам, этот подвижник был прежде знаменитым воином, родом грек, и находился уже два года в монастыре на святой горе Синай, где вел затворническую жизнь. О том, как звали его до поступления в скит, посланному не удалось расспросить, но между пустынноиками он слыл под именем Павла.

– Павла! – вскричала девушка с волнением. – Он выбрал это имя в память о моей покойной матери и о своей дочери. Отец, вероятно, считал меня погибшей, и это заставило его удалиться в монастырь. Его звали в миру Фомой, а теперь герой Дамаска принял то же имя, как и другой житель этого города, Савл, когда, сделавшись христианином и великим апостолом Христа, он назвался Павлом! О Бетта, о Гирам, вы увидите, что мы найдем отца! Неужели вы все еще сомневаетесь?

Сириец с сомнением покачал головой, издав протяжное: «гююйсть!» Перпетуя всплеснула руками и воскликнула:

– Я так и знала, что ты готова принять маленький огонек на поле, разведенный пастухами, за восходящее солнце, а стук колесниц по мостовой – за небесные громы! Сколько тысяч людей именуются Павлами! Ради всех святых, дитя, успокойся и не мечтай соткать себе нарядную одежду из румяного облачка и золотистого тумана! Нужно всегда рассчитывать на худшее, чтобы не ошибаться и не впадать потом в отчаяние. Впрочем, расскажи ей, Гирам, все, что передавал тебе посланный; в его словах пока еще нет ничего определенного.

Вольноотпущенник сообщил, что навуфеянин, наводивший справки, человек надежный и гораздо больше способен служить разведчиком, чем он сам, так как, кроме родного наречия, ему знакомы языки египетский, греческий и армянский; тем не менее и этому посланному не удалось расспросить подробнее об отшельнике Павле в Торе, где у монахов из Синайского монастыря устроено подворье. После, во времена переезда по морю в Кольцуи, он узнал от монахов, что существует еще другой Синай.

И Перпетуя продолжала рассказ, заметив, что несчастный заика обливается потом от непомерных усилий говорить толково и связно. Тамошний монастырь, в оазисе у подножия зубчатой, уходящей под облака горы, хотя и был упразднен по причине ереси монахов, но в ущельях громадной возвышенности все-таки осталось много отшельников в маленьком монастыре, в лаврах, а также в уединенных пещерах. Пустынник Павел вполне мог находиться в их числе. Этот след был довольно надежный, и кормилица с Гирамом решили без ведома Паулы продолжать по нему свои поиски; бывший воин мог оказаться чужим человеком, а им не хотелось вводить свою любимую госпожу в напрасное заблуждение.

Однако Паула прервала кормилицу радостным восклицанием:

– Но почему же вы думаете, что мне предстоят одни неудачи? Как у вас хватает мужества отнимать у меня надежду, которая поддерживает во мне бодрость духа? Я не хочу с ней расставаться. Павел на Синайской горе не кто иной, как пропавший без вести префект Фома, ваш господин и мой отец. Мое сердце говорит мне это. Если бы я не продала последних жемчужин из своего ожерелья, когда навуфеянин... Однако постойте... Скажи мне, когда ты можешь отправиться в дорогу, мой верный Гирам?

– Раньше двух недель ни в коем случае, – отвечал тот, заикаясь на каждом слове и неимоверно растягивая речь. – Я все-таки состою на службе у наместника, а послезавтра большая конская ярмарка. Молодой господин собирается купить новых кобылиц, а наши жеребята...

– Я завтра упрошу дядю освободить тебя! – воскликнула Паула. – Я брошусь перед ним на колени.

– Мукаукас не согласится, – прервала кормилица, – домоправитель Себек передал ему обо всем от моего имени еще до приема посетителей и просил отпустить Гирама.

– Что же ответили ему на это?

– Госпожа Нефорис назвала наше намерение новым заблуждением, и наместник согласился с ней. После того мукаукас запретил Себеку тревожить тебя сомнительными вестями, однако велел мне сказать, что по окончании ярмарки он, может быть, пошлет Гирама на Синай. Потерпи немного, душа моя! Ну что значат две или самое большее три недели? А потом...

– Но до тех пор я умру с тоски! – воскликнула Паула. – Навуфеянин, говоришь ты, здесь и готов отправиться в дорогу?

– Да, госпожа!

– Тогда мы найдем его, – решительно сказала девушка.

Однако кормилица, переговорившая обо всем заранее со своим земляком, грустно покачала головой и заметила:

– Он требует слишком большую плату.

Тут сирийка объяснила, что этого бывшего человека, говорящего на нескольких языках, приглашают провожать караван к пределам Ктезифона за такую плату, которая обеспечит юнцу годовое пропитание, но тем не менее навуфеянин согласен прервать переговоры с купцом Ганно и обойти для Паулы всю Аравию в пределах Петры, если дочь префекта согласится дать две тысячи драхм.

– Две тысячи драхм? – повторила девушка, в страхе и смущении опуская глаза. Но минуту спустя она опять подняла на своих преданных слуг самоуверенный взгляд и воскликнула негодующим тоном: – Как смеет мукаукас удерживать у себя мою собственность! Если дядя откажется еще раз выдать мне мои деньги, то я решусь на крайнюю меру и пожалуюсь на него в суд.

– В суд? – сказала с грустной улыбкой кормилица. – Для принесения жалобы тебе необходим кириос, а твоим кириосом является сам мукаукас Георгий. Кроме того, пока судьи решат дело, наш гонец успеет вернуться обратно из далекого Ктезифона.

И Перпетуя снова принялась упрашивать Паулу спокойно обождать до окончания конской ярмарки, но девушка стояла как убитая, печально понутив голову.

Вдруг кормилица вздрогнула, а Гирам отшатнулся, испугавшись громкого возгласа, который неожиданно вырвался у молодой девушки:

– Отец Небесный, но ведь у меня есть то, что нам необходимо!

– Что ты говоришь, дитя? – спросила сирийка, прижимая руки к сердцу, чтобы сдержать его биение.

Но Паула не отвечала ей, торопливо обратившись к вольноотпущеннику:

– Как ты думаешь, опустел ли теперь первый двор? Разошлись ли рабы и чиновники дяди?

Конюший отвечал утвердительно, так как свободные слуги разошлись по своим жилищам в одно время с ним.

– Господа, вероятно, еще долго будут сидеть на открытом воздухе, но мимо них нетрудно пройти незамеченным, – прибавил он.

– Хорошо, – сказала девушка. – Иди впереди меня, Гирам, и потом подожди у калитки. Я принесу тебе из своей комнаты одну вещь, за которую мы можем выручить в десять раз больше денег, чем требует гонец Дузара. Не смотри на меня с таким испугом, Бетта. Я дам ему крупный смарагд из ожерелья матери.

Кормилица всплеснула руками.

– Неразумное дитя, – воскликнула она тоном упрека, – ты хочешь продать наследственную драгоценность, принадлежавшую еще святому Феодосию!... И тебя принуждает к этому не крайняя необходимость, а упрямство и нетерпение.

– Ты слишком сурова и несправедлива ко мне, Бетта! – перебила ее девушка решительным тоном. – Тут идет дело об отсрочке на целый месяц, а нам всем понятно, как много зависит от самого гонца. Разве ты забыла, как Гирам одобрял находчивость именно этого человека? Мало того, неужели мне, твоей воспитаннице, приходится напоминать тебе о непрочности человеческого существования? Одна минута решает вопрос о жизни и смерти. Между тем отец мой стар и еще до страшной осады Дамаска был покрыт рубцами от ран. Если мы будем откладывать наши поиски и колебаться, то, пожалуй, не застанем его в живых.

– Да, да, – грустно прошептала старуха, – может быть, ты и права. Если я...

Но Паула закрыла ей рот поцелуем, после чего передала свои распоряжения сирийцу. Он должен был завтра утром продать смарагд еврею Гамалиилу, богатому и добросовестному купцу, не уступая, однако, драгоценного камня дешевле чем за двенадцать тысяч драхм. Если же ювелир не мог выдать всю сумму сразу, то Гираму было приказано взять у него только две тысячи драхм для гонца, отсрочив плату остальных денег до будущего времени. Сириец пошел вперед, и когда Паула после долгого прощания с кормилицей вышла во двор из веселенькой комнаты Перпетуи, верный Гирам по приказанию своей госпожи стоял уже у калитки, поджидая ее.

VIII

Гирам оказался прав: чиновники мукаукаса действительно не разошлись еще по домам и сидели со своими гостями во дворе; к ним присоединились египетский проводник и почетные спутники купца Гашима: масдакит Рустем и еще другой, служивший у него писцом и переводчиком. Кроме золотых дел мастера, еврея Гамалиила, и людей араба, все остальные были христианами; они неохотно приняли в свое общество мусульман, тогда как еврей, знакомый с ними много лет, пользовался расположением в доме наместника. Однако хозяин распорядился, чтобы приезжим иностранцам был оказан радушный прием, и, кроме того, мемфитам хотелось послушать рассказы бывалых путешественников. Но они ошиблись в расчете: переводчик оказался очень необщительным, а масдакит не знал ни слова по-египетски и очень плохо говорил по-гречески.

После нескольких бесполезных попыток завести беседу присутствующие отстали от спутников арабского купца и принялись слушать секретаря Ориона. Он еще вчера рассказывал им много интересного об императорском дворе, а сегодня начал подробно излагать события блестящей жизни своего молодого господина в Константинополе. Секретарь описал три победы, одержанные Орионом на конских бегах в византийском цирке, и особенно живо представил, как сын Георгия во время народного восстания во главе пяти юношей, своих друзей, проложил дорогу из дворца в Софийский собор сквозь разъяренные толпы мятежников в несколько сот человек. Наконец он перешел к успехам Ориона у столичных красавиц.

– Царицей меж них, – восхищенно продолжал секретарь, – была Элиодора, не какая-нибудь флейтистка или нечто в этом роде, а богатая, добродетельная патрицианка, вдова Флавиана, племянника сенатора Юстина, царского родственника. Все женихи в Константинополе добивались ее руки, даже великий Грациан, но их старания, конечно, оказывались безуспешными. Такого дворца, как у Элиодоры, нет во всем Египте, не исключая даже Александрии. Дом наместника хотя и больше, но в сравнении с ним выглядит убогой крестьянской лачугой. Я расскажу вам в другой раз подробнее об этом жилище, наполненном редкими драгоценностями. Довольно того, что у ворот вдовы день и ночь стоят рабы и вольноотпущенники, присланные к ней с цветами и фруктами, дорогими подарками и нежными стихами, написанными на душистой шелковой материи розового цвета; однако ни один из многочисленных обожателей не добился благосклонности Элиодоры, пока при ней был Орион. Поверите ли, она влюбилась в него с первой встречи на вилле Юстина и сделалась его собственностью, вот, например, как это кольцо – моя собственность.

Тщеславный египтянин показал слушателям золотой перстень с дорогим камнем, подарок щедрого молодого господина, и с жаром продолжал:

– С тех пор весь город заинтересовался отношениями Элиодоры и Ориона, и византийцы не раз приходили в неистовый восторг, любуясь красотой этой необыкновенной парочки. Их повсюду встречали вместе: в театре, в цирке, во время прогулок по Босфору; даже в страшное время, когда был низвергнут император, они наслаждались любовью, в стороне от кровавых картин междоусобия. Часто Орион приезжал за своей возлюбленной на собственных лошадях, или она провожала его в своем экипаже.

– Неужели такая женщина держит еще лошадей? – презрительно спросил главный шталмейстер.

– Такая женщина! – воскликнул секретарь. – Скажи лучше: знатная дама. Да, у нее есть крупные лошади из Армении блестящей караковой масти и крошечные лошадки с острова Сардиния, которые мчатся четверней, как лисицы во время травли. Кони Элиодоры всегда были в золоченой сбруе с цветами и развевающимися лентами, а возница отлично знал свое дело! Все были уверены, что наш господин женится на племяннице сенатора, но этого не слу-

чилось, и красавица была в страшном горе, когда им пришлось расстаться. Я сам видел, как она плакала. Мне стало жаль эту кроткую госпожу. Но все-таки Элиодора не сердилась на своего кумира и даже подарила ему на память при отъезде белую собачку, которую без памяти любила. Но и мой господин погоревал при разлуке, сильно погоревал; хотя мне, конечно, не следует болтать об этом, как его приближенному. Прощаясь с возлюбленной, Орион прижал собачку к груди и обещал Элиодоре прислать из Мемфиса такой подарок, который доказал бы ей, как дорого ценит он ее любовь. Всякий, кто знает моего господина, может сказать заранее, что сын мукаукаса не поскупится приобрести дорогую вещь для знатной дамы. Скажи-ка откровенно, Гамалиил, он успел побывать сегодня у тебя?

Ювелир-еврей был богатым александрийцем веселого нрава. Он переселился в Мемфис под защиту своего могущественного покровителя, наместника Георгия, когда в Александрии стало беспокойно после нападения сарацин. В то время многие из его единоверцев спешили покинуть приморский город, боясь за сохранность своего имущества. На вопрос секретаря Гамалиил отрицательно покачал седой курчавой головой, а потом, немного спустя, прошептал ему на ухо:

– У нас есть, что нужно Ориону! Если ты приведешь мне корову, то получишь теленка, да притом о двенадцати ногах. Доволен?

– Двенадцать процентов с прибыли? Отлично! – так же тихо отвечал секретарь, лукаво улыбаясь.

Их таинственные переговоры были прерваны вопросом бухгалтера, почему Орион не женился на любимой им женщине и не привез ее в качестве невестки в родительский дом.

– Оттого, что она гречанка и принадлежит, конечно, к мелхитскому вероисповеданию.

Такое объяснение присутствовавшие нашли совершенно основательным; но едва разговор коснулся веры, как между ними завязался спор о догматах, причем один из чиновников канцелярии позволил себе заметить, что если бы здесь дело шло не о сыне мукаукаса, человеке высокопоставленном, а о простом гражданине из якобитов, полюбившем гречанку, то брак между ними оказался бы возможным. Стоило только обоим решиться – хотя сам он не сделал бы ничего подобного – принять монотелейское учение, которое всемерно поддерживает императорский двор, а также и покойный патриарх Кир. Эта секта признает у Спасителя два естества, но управляемых единой волей; таким образом, монотелейцы, разделяя природу Христа, приписывают ей, однако, известное единство, тогда как это именно и подает повод к несогласию между египтянами и мелхитами.

Собравшиеся якобиты принялись горячо опровергать слова своего собеседника; мнения присутствующих резко разделились, и наконец из мирного обмена мыслей возник ожесточенный спор, который угрожал окончиться насилием.

Еще в начале этого разговора Пауле удалось незаметно пройти через двор. Она сделала Гираму знак следовать за ней.

Конюший осторожно снял башмаки, поставил их под лестницей для прислуги и несколько минут спустя был уже в комнате своей госпожи. Молодая девушка торопливо открыла свой сундук и достала оттуда драгоценное жемчужное ожерелье превосходной работы. Посередине его был подвешен на цепочке крупный смарагд, который Паула хотела вынуть из оправы. Сильные руки сирийца легко и скоро исполнили эту работу при помощи ножа. Камень был больше обыкновенного ореха и сверкал огнями, когда Гирам любовался им, взвешивая его на ладони. Паула еще раз повторила ему свои наставления относительно продажи. Проводив верного слугу, она принялась расплетать шелковые длинные косы, радостно улыбаясь при мысли об успехе предприятия, однако молодая девушка не успела еще раздеться, как раздался легкий стук в дверь ее комнаты. Она испуганно вздрогнула, подбежала к порогу, торопливо заложила задвижку и спросила со страхом: «Кто там?»

– Это я, – шепотом отвечал вольноотпущенник.

Паула отворила ему. Пока сириец находился у своей госпожи, калитку во дворе заперли, и он не сумел найти другого выхода из обширного дома, где бывал очень редко.

Что оставалось делать?

Гирам не мог дожидаться до утра, завтра ему необходимо исполнить поручение Паулы как можно раньше; если его задержать, то навуфеянин наймется к купцу провожать караван.

Дамаскинка быстро решилась на крайнее средство. Она свернула волосы, повязала голову платком и сказала:

– Пойдем вместе, луна еще светит, брать огонь опасно. Следуй за мной. Если кухня пуста, мы выйдем оттуда в виридариум. Если чиновники сидят по-прежнему на дворе, то большие ворота должны быть отворены, потому что многие из служащих живут в нашем доме. Тебе будет легко найти дорогу из виридариума на крыльцо. Но постой! Против таблички всегда лежит Беки, злая гермонтийская собака. Она тебя не знает, потому что никогда не отлучается из дома; но, к счастью, этот пес привязан ко мне. Поэтому помни: когда я подниму руку, ты останься немного позади; при хозяевах Беки свободно пропустит чужого. Разговаривать мы не будем, иначе все пропало. Если нас увидят, я скажу всю правду, а если тебя схватят без меня, то скажи... Ты можешь сказать, что поджидал Ориона, чтобы переговорить с ним как можно раньше о конской ярмарке в Нику.

– Мне еще в полдень предлагали купить жеребца... – начал, по обыкновению заикаясь и растягивая слова, Гирам.

– Вот и прекрасно; так и скажи, что ты дожидался на крыльце Ориона. Через несколько часов действительно наступит рассвет; идем же!

Паула быстро и легко спустилась с крутой лестницы; конюший взял оставленные здесь свои сандалии, но понес их в руках, чтобы не терять времени. Они молча подвигались вперед и когда наконец, среди непроницаемой темноты, добрались до кухни, девушка обернулась и шепнула слуге:

– Если я кого-нибудь встречу здесь, то скажу, будто бы пришла за водой, а если нет, то кашляну, и ты пойдешь за мной. Дверь останется отворенной: тебе будет все слышно. Если мне придется вернуться обратно, ступай поскорее назад по той дороге, по которой мы пришли. В таком случае я удалюсь в свою комнату; ты же дождись рассвета, когда калитку снова отворят. Если тебя найдут, то я объясню твое присутствие домашним. Теперь отойди подальше в темный угол.

Паула осторожно отворила дверь; кухня освещалась через отверстие крыши заходящей луной и звездами. Она оказалась совершенно пуста; на скамье у громадного очага дремала кошка, и несколько летучих мышей носились туда и сюда, бесшумно махая крыльями. Девушка подала условный знак; услышав позади себя шаги сирийца, она пошла вперед, изнемогая от волнения. Им приходилось подниматься на ступеньки, идти мрачными закоулками, где летучие мыши чуть не задевали их голов. Наконец, Гирам и Паула прошли через столовую в виридариум – квадратный дворик между двумя флигелями дворца мукаукаса.

Площадка виридариума была вымощена по бокам, а посередине находился цветник с фонтаном. Здесь царствовала глубокая тишина. На темно-синем своде неба сияли мириады звезд. Луна приближалась уже к верхнему краю карниза, который венчал крышу здания. Широколиственные растения отбрасывали причудливые тени на росистую лужайку; фонтан бил слышнее, чем днем, и нежил слух своим однообразным, изредка прерывающимся плеском. Белый мрамор колонн сиял, как чистый снег; легкая дымка тумана, поднимавшегося над влажной почвой, колебалась от ночного ветерка, принимая своеобразные очертания, которые напоминали живые человеческие фигуры в длинных прозрачных, будто сотканных из воздуха одеждах. Ночные бабочки кружились над группами растений; прохладный воздух в очаровательном уголке был напоен сладким ароматом лотоса, росшего в мраморных чашах фонтана, который

окружала сочная растительность юга – высокие, осыпанные роскошным цветом кустарники и шелковистая трава.

В другое время Паула поддалась бы тихому очарованию этой ночи, но теперь она не замечала окружающей красоты. Чуткая тишина в виридарии нарушалась отголосками яростного спора, доносившегося по временам со двора. Девушка недоверчиво осмотрелась вокруг, потому что многое в знакомой обстановке показалось ей подозрительным. Против табиния, где обыкновенно стоял сторож или находилась собака, не было теперь ни одного живого существа и даже... что бы это значило?... да, действительно так: окованная бронзой дверь полуотворена, лунный свет совершенно ясно отражается на блестящем металле одной из ее половинок.

Дамаскинка остановилась, Гирам сделал то же. Оба прислушивались с таким напряжением, что у них застучало в висках. Из табиния доносился неясный шум, но дикие крики во дворе заглушали его.

Прошло несколько томительных минут; неожиданно дверь отворилась, и оттуда вышел мужчина. Сердце Паулы замерло от страха, но острое зрение не изменило ей даже в эту минуту: в человеке, переступившем порог табиния, она немедленно узнала Ориона. Вслед за ним выскочил лохматый гермонтийский пес; животное начало обнюхивать воздух и наконец с яростным лаем бросилось на Гирама и молодую девушку, которые притаились шагах в тридцати от входа. Дамаскинка стиснула зубы, но не растерялась: подпустив к себе собаку, она ласково позвала ее по имени. Беки тотчас замолчал, а Паула принялась гладить его по голове.

Сириец и его госпожа стояли в тени за колонной. Орион не заметил их и не услышал, поскольку возглас Паулы, когда она окликнула Беки, был заглушен громким лаем пса. Верная собака опять вернулась к хозяину, на его призывный свист.

– Старый проказник, любишь гоняться за кошками, – сказал Орион, заставляя Беки прыгать через свою руку, привлекая его к себе и снова отталкивая, играя.

После того он запер дверь и вошел в комнаты, примыкавшие к двору.

– Ему нельзя вернуться к себе иным путем, – сказала дамаскинка своему спутнику, с трудом переводя дыхание. – Подождем его здесь. Но при этом не следует терять ни минуты. Нужно дойти до двери табиния. Теперь собака видела меня и не бросится на нас.

Дойдя быстрыми шагами до двери, которая находилась в углублении за колоннами, Паула спросила Гирама:

– Узнал ли ты вышедшего отсюда человека?

– Это был господин Орион, – отвечал сириец, – когда я ждал тебя у калитки, он только только возвращался домой из города.

– Вот как? – с притворным равнодушием заметила девушка.

Прижавшись к металлической обивке двери, она заглянула в сад и подумала, что теперь ей можно возвратиться в свою комнату. Но мысль о собаке остановила ее. Во всяком случае было необходимо объяснить Гираму, как найти ближайшую дорогу к выходу, однако Пауле не удалось этого сделать. В комнате, отделявшей виридарий от прихожей, раздался сначала громкий голос женщины, потом сдержанный говор мужчины, но одновременно с этим яростный собачий лай заглушил человеческие голоса. Кто-то пронзительно вскрикнул, послышалось тяжелое падение... Что же случилось?

Несомненно происходило нечто ужасное; минуту спустя Орион выбежал из дверей комнаты, откуда только что доносился шум борьбы. Лохматый Беки следовал за своим хозяином. Молодой человек бросился прямо через лужайку виридария, на которую обыкновенно никто не осмеливался ступить ногой, и скрылся во флигеле дворца, выходившем на набережную Нила. В этой части здания жило все семейство мукаукаса.

– Пора! – шепнула Паула и повела сирийца за собой.

Она перебежала, не переводя дыхания, через первую комнату, но не успела добежать до половины прихожей, как громко вскрикнула. Девушка наткнулась на неподвижное тело, распростертое на мраморном полу.

– Спасайся, Гирам, беги! – закричала она вольноотпущеннику. – Дверь не заперта, а только притворена; я вижу отсюда.

Паула опустилась на колени перед женщиной, не подававшей признаков жизни, приподняла ее голову и при свете луны увидела красивое лицо безумной персиянки. Теплая кровь, которой были пропитаны густые волосы невольницы, потекла по рукам дамаскинки, что заставило ее содрогнуться от ужаса. Но она подавила страх и отвращение. Заметив темные пятна на изодранной одежде девушки, Паула расстегнула ее пеплос и увидела на нежной груди зияющие раны от собачьих зубов.

Сердце одинокой сироты переполнилось жалостью при виде такого зрелища, и в то же время в ней закипел справедливый гнев. Человек, которого она не дальше как вчера считала идеалом мужчины, прекрасный Орион, кумир семьи и гордость мемфитов, мог дойти до такого злодейства! Ей так много рассказывали о его мужестве и отваге, а между тем он бежал, как низкий трус, оставив на произвол судьбы свою жертву. Но теперь было некогда сетовать, негодовать и спрашивать себя, каким образом возвышенные чувства могут уживаться в человеческой душе с такой низостью. Дело шло о спасении жизни несчастного существа. Высокая грудь Манданы еще дышала под дрожащей рукой Паулы. Между тем сострадательный Гирам не мог оставить обеих женщин в таком беспомощном положении и медлил уходить. Опомившись немного от волнения, он бросил на пол башмаки, бывшие у него в руках, приподнял бесчувственную девушку и прислонил ее спиной к одной из колонн, окружавших помещение. Пауле пришлось настаивать, чтобы он поторопился.

Когда вольноотпущенник уходил, она тревожно смотрела ему вслед; наконец тяжелая дверь атриума захлопнулась за Гирамом, и тогда дамаскинка, не заботясь о собственной безопасности, стала громко звать на помощь. Ее голос раздавался в ночной тишине по всему дому. Минуту спустя, со всех сторон послышались шаги: невольники и невольницы, чиновники и вольнонаемные слуги спешили на отчаянный зов девушки.

Одним из первых явился Орион; в легкой ночной одежде он выглядел так, как будто только что вскочил с постели. Паула заметила это и еще сильнее стала презирать его. И в самом деле в стоявшем перед ней человеке с багровым лицом, растрепанными волосами, хриплым голосом и недоумевающими глазами трудно было узнать образованного юношу, который так умел очаровывать всех своей учтивостью. Когда Орион приблизился к раненой, у него затряслись от волнения руки, и он нетвердым голосом спросил, что здесь случилось и каким образом его двоюродная сестра попала в такой поздний час в прихожую.

Паула ничего не сказала в ответ; Нефорис минутку спустя спросила ее о том же, подозрительно взглянув на племянницу.

– Мне не спалось, я сбежала вниз, услышав громкие крики и собачий лай, – торопливо и решительно отвечала девушка.

Первый раз в жизни она произнесла сознательную ложь.

– Какой у тебя необыкновенный слух! – едко заметила жена Георгия, недоверчиво пожимая плечами. – В следующий раз не выбегай из комнаты по ночам. Девушке неприлично и опасно кидаться туда, где происходят драки.

– Если бы ты еще взяла с собой оружие, воинственная красавица! – прибавил Орион.

Но презрительный взгляд Паулы тотчас заставил его раскаться в неосторожном слове. В первый раз он позволил себе заговорить с ней таким шутливым, даже насмешливым тоном.

– Я предоставляю носить оружие воинам и убийцам, – гордо ответила дамаскинка.

Орион сделал вид, будто не понял намека. На его лице появилась смущенная улыбка, но он догадался, что его подозревают, и с горечью продолжал:

– Как странно слышать такие речи от молодой и благовоспитанной девушки! Но, прошу тебя, подойди поближе и посмотри: эти раны мог нанести только четвероногий убийца своими зубами. Поверь, что я гораздо больше жалею бедняжку Мандану, чем ты сама. Однако здесь не может быть никакого сомнения. Верный Беки напал на нее, потому что он каждую ночь сторожит таблинний. Странно только одно, зачем пришла сюда несчастная персиянка?

– А это что? – прервала Нефорис, поднимая пару мужских сандалий, которые валялись на полу возле раненой.

Орион побледнел, как мертвец. Он взял находку из рук матери и охотно вышвырнул бы сандалии на улицу через открытый потолок. Как они попали сюда? Чья это обувь? Кто скрывался здесь сегодня ночью? Прежде чем войти в таблинний, юноша запер дверь прихожей и потом сам отворил ее для людей, вошедших в дом. Сумасшедшая бросилась на него после этого, она, вероятно, подстерегала свою жертву в атриуме, но не решилась загородить ему дорогу, когда он проходил там в первый раз. Когда персиянка напала на Ориона, собака сбила ее с ног, прежде чем он успел помешать этому. Молодой человек, наверное, защитил бы Мандану, если бы не боялся навлечь на себя подозрений. С его стороны было очень разумно убежать к себе в комнату, переодеться и тогда прийти на место происшествия. Когда Паула позвала на помощь, он уже спешил туда, потрясенный до глубины души всем случившимся.

В голове Ориона царил невообразимый хаос, в груди творился суший ад. Он никогда не испытывал ничего подобного, и необходимость притворяться перед людьми была особенно тяжела для него в присутствии надменной Паулы. А теперь еще эти сандалии! Их владелец, вероятно, провожал безумную. Если он видел Ориона в таблиннии и выдаст его позорную тайну, что тогда делать, как явиться на глаза родителям? Юношеские проказы неожиданно приняли трагический оборот. Но молодому человеку было необходимо во что бы то ни стало скрыть свои ночные похождения. Лучше решиться на новую несправедливость, даже самую ужасную, чем положить пятно на свою честь. Орион смело поднял сандалии над головой и громко крикнул:

– Эй, люди! Кому из вас принадлежит эта обувь? Не привратнику ли?

Все молчали; привратник ответил отрицательно. Молодой хозяин задумался, сдвинул брови и потом продолжал хриплым голосом:

– Значит, сюда приходил какой-то вор. На коже сандалий я вижу клеймо нашего дома, следовательно, обувь из наших мастерских; кроме того, она пахнет конюшной. Не правда ли, Себек? Возьми-ка башмаки с собой; завтра утром мы узнаем, кто подложил нам этот подозрительный подарок в прихожую. Ты пришла сюда первая, прекрасная Паула, не видела ли ты здесь какого-нибудь мужчину?

– Конечно, видела, – отвечала она с вызывающим, враждебным взглядом.

– Куда же он скрылся?

– Он, как трусливый зверь, пробежал по лужайке виридарiums, безжалостно измяв на ней траву, и бросился во флигель, где находятся жилые комнаты.

Орион стиснул зубы, и дикая ненависть против этой загадки в образе женщины вспыхнула в его сердце. Паула, по-видимому, хотела погубить его, по крайней мере он читал в ее глазах негодование и твердую решимость не уступать ему. Что она затевала? Как смел кто-нибудь смотреть на сына Георгия, всеобщего любимца, таким презрительным взглядом? Кто в целом мире имел право упрекнуть его в чем-нибудь, что оправдало бы подобное обращение? Никогда в жизни он не встречал такой неприязни, тем более от молодой девушки. Ориону захотелось уничтожить это высокомерное, бессердечное существо, подвергавшее его унижению после того, как он явил перед ней свои нежные чувства. Паула заставляла дрожать человека, сто раз доказавшего свою храбрость. Что это значило? Какой коварный демон играл здесь злые шутки? Орион сам не узнавал себя, иначе он не позволил бы обращаться с собой таким образом. Его мать тотчас заметила, как юноша побледнел, узнав, что неизвестный человек

бросился в жилые комнаты. Однако Нефорис по-своему объяснила этот испуг и воскликнула с тревогой:

– Злодей бросился туда, где находится спальня Георгия! Боже милосердный, неужели враги опять покушаются на его жизнь? Скорей, скорей, Себек, собери вооруженных людей и обыщите дворец сверху донизу! Может быть, вам удастся схватить преступника! Он затоптал траву на лужайке!... Вы должны... он не может от вас убежать!

Домоправитель бросился исполнять приказание госпожи. Паула снова оглянулась на Ориона и велела стоявшему возле нее садовнику сравнить следы ног, оставшиеся на росистой траве, с найденной сандалией.

Юноша вздрогнул и, направляясь в виридариум, сказал:

– Я беру это на себя.

Но тут ему стало стыдно, и он почувствовал, как нервные спазмы сжимают горло. Орион представил себе на месте пойманного вора, обманщика, жалкого негодяя; теперь он не то, чем был до роковой минуты, когда ему удалось проникнуть в таблиний.

Дамаскинка с волнением смотрела ему вслед. Неужели сын Георгия пал так низко, что не посовестится солгать и скажет при всех, будто бы широкая сандалия конюшего приходится как раз к отпечатку, оставленному на лужайке его собственной стройной маленькой ногой? Девушка ненавидела Ориона, но в то же время страстно желала, чтобы он не дошел до такой низости. Вскоре молодой человек вернулся в атриум и с очевидным смущением объявил, что он не совсем уверен в своих наблюдениях, обувь, по-видимому, не вполне подходит к оставленным следам. Дамаскинка вздохнула с облегчением и подошла к пострадавшей, которую теперь осматривал врач.

Прежде чем последовать за ней, Нефорис привлекла к себе сына, спрашивая, почему он так бледен и расстроен.

– Мне очень жаль несчастную Мандану, – запинаясь, отвечал он, указывая на раненую.

– Какое у тебя сострадательное сердце! Ты все такой же, каким был в детстве! – заметила мать.

Глаза Ориона действительно были влажны от слез, но юноша оплакивал не персиянку, а что-то бесконечно дорогое, чего он лишился в эту минуту.

Однако разговор между матерью и сыном был неожиданно прерван – за одним несчастьем этой ночи последовало другое. Проводник каравана, перс Рустем, был внесен без признаков жизни. Он позволил себе насмешливое замечание во время спора о религиозных вопросах, и один разъяренный якобит нанес ему глубокую, пожалуй, смертельную рану подвернувшимся под руку коленом.

Врач Филипп внимательно осмотрел Рустему. Вокруг них толпились слуги и чиновники мукаукаса, привлеченные сюда катастрофой. Они в ужасе перешептывались между собой, исполняя в то же время приказания доктора.

Осмотрев рану масдакита, тот воскликнул резким тоном:

– Вот это как раз по-египетски – ударить человека сзади! Ну что вы сбежались сюда, как на интересное зрелище? – прибавил врач, обращаясь к присутствующим. – Ступайте вон, кому здесь нечего делать! Прежде всего нам нужны носилки, а ты, госпожа Нефорис, укажи нам две комнаты: одну для бедняжки невольницы, а другую для этого великолепного юноши, который, кажется, недолго протянет, если не произойдет особенного чуда.

– На северной стороне виридариума, – отвечала хозяйка, – у нас есть свободное помещение.

– Ну нет! – воскликнул врач. – Мне нужны комнаты с хорошим, свежим воздухом, окнами на берег Нила.

– Там у нас обыкновенно помещаются гости, а теперь в одной из комнат живет племянница моего мужа. Туда мы действительно иногда приносили больных из своего семейства, но для таких простых людей... понимаешь?

– Нет, я глух к подобным речам, – возразил врач.

– Я знаю тебя, – заметила с улыбкой Нефорис, – но, право, те комнаты заново отделаны для важных гостей.

– Трудно найти более важных посетителей, чем эти двое умирающих, – перебил ее Филипп. – Помни, что они ближе тебя к Богу и вечной жизни! Эй, люди, несите больных в помещение для гостей!

IX

– Это невозможно, решительно невозможно! – воскликнул Орион, вскакивая от своего письменного стола.

События прошедшей ночи вспоминались ему теперь во всех подробностях, и он испытывал мучительное чувство раскаяния и стыда. Однако юноша спешил оправдать себя в случившемся, приписывая это несчастным обстоятельствам, а не своей вине. Да, верно, на свете существуют злые языки, коварные духи, которые толкнули его на безумное дело! Вчера вечером, после покупки ковра, Орион по просьбе матери отправился провожать домой вдову Сусанну. У нее в доме он встретил брата ее покойного мужа, богача Кризиппа из Александрии, весельчака и кутилу. Когда у них зашла речь о ковре и о намерении мукаукаса пожертвовать это художественное произведение вместе с драгоценными камнями в пользу церкви, старик всплеснул руками. Он вполне разделял досаду Ориона на такое распоряжение отца и воскликнул, смеясь:

– На твоём месте я воспользовался бы частью драгоценностей по праву наследника! Что скажешь на это, Катерина? Ведь недурно было бы присвоить себе какой-нибудь бриллиант или опал для земных целей, если почтенному Георгию вздумалось пожертвовать на церковь целый водопад дорогих камней для спасения своей души? Говорю тебе, Орион, не будь глупцом – церковная казна и без того богата; ты можешь с чистой совестью воспользоваться кое-чем из дорогой покупки!

Рассуждая таким образом, Кризипп подливал молодому гостю вина, поданного радушной хозяйкой, и наконец вздумал проводить Ориона домой, желая освежиться ночной прохладой. Деверь Сусанны всю дорогу советовал юноше уговорить отца, чтобы тот не отдавал весь ковер в пользу церкви, а вынул из него некоторые камни. Оживленная беседа сопровождалась веселыми шутками и смехом. Орион мысленно соглашался с Кризиппом и подумал об Элиодоре, которая была страстной любительницей драгоценных камней. Покидая Константинополь, он обещал прислать ей на память какую-нибудь вещицу. Большой смарагд, купленный вместе с ковром у араба, представлял собой самый подходящий подарок для богатой вдовы, но молодой человек знал, что родители не отдадут ему ничего из массы сокровищ, приобретенных ими сегодня и получивших иное назначение. Однако сын мукаукаса был слишком избалован жизнью, чтобы отказаться от своей прихоти. Соображая, как ему успешнее достичь желанной цели, юноша придумал даже стихи, которые должны были сопровождать посылку.

Ключ от табличия, где лежал ковер, был при нем. Вернувшись домой, он нашел своих служащих во дворе у костра. Отворяя дверь комнаты, Орион испытал неприятное ощущение, которое напомнило ему тот день, когда он в детстве пошел с братьями в сад украдкой обрывать плодовые деревья. Молодой человек был уже готов отказаться от своего намерения, но опять вспомнил старика Кризиппа, его советы и шутки. Отступить от задуманного плана значило проявить трусость. Элиодора должна непременно получить большой смарагд вместе со стихами; остальными же драгоценностями отец может распорядиться по своему желанию.

Вооружившись карманным ножиком, Орион стал на колени перед развернутым ковром и снова почувствовал мучительную тревогу. Если бы красивый камень не сразу попался ему под руку, он сложил бы ковер и снова запер табличий, но ему точно помогали злые демоны. Смарагд тотчас отыскался, и двух ударов ножика оказалось достаточно, чтобы вырезать его из ткани. Почувствовав драгоценность в своей руке, Орион обрадовался и с удовольствием подумал о том, как завтра утром расскажет веселому александрийцу свои ночные похождения, конечно, по секрету.

Теперь, в минуту трезвого раздумья, безумный поступок представился ему совершенно в ином свете. К каким последствиям может он привести? Ненависть Ориона к Пауле росла с каждой минутой. Девушка несомненно оказалась свидетельницей всего случившегося и готова

раскрыть его тайну. Она объявила двоюродному брату открытую войну, и он принял ее вызов. Но при этом юноша не мог не сознаться, что никогда еще не видел ее такой прекрасной, как в то роковое утро, когда разметавшиеся волосы окаймляли взволнованное лицо дамаскинки, падая прихотливой темной волной по ее плечам. «Между нами может существовать или непримиримая ненависть, или безграничная любовь: середины тут нет, – думал про себя Орион. – Паула выбрала первое – пусть будет так!»

До сих пор ему приходилось бороться только с мужчинами, но эта неприступная, высокомерная девушка с ее безумной отвагой являлась также достойным противником. Кроме того, здесь дело шло о самозащите.

«Если Паула доведет меня до крайности, я буду беспощаден, – продолжал размышлять Орион. – Однако кому принадлежали брошенные сандалии?.. Я употреблю все усилия, чтобы отыскать их владельца... Можно ли было ожидать такой позорной для меня развязки? Элиодора – чудное создание, ангел доброты, она искренне любила меня... но и ради нее не стоит жертвовать честью!»

Орион стиснул руками голову и бросился на диван. Он чувствовал себя измученным, потому что не спал вторые сутки и провел целое утро в хлопотах. Сегодня молодой человек приказал домоправителю Себеку и начальнику стражи при доме мукауска отыскать владельца сандалий с помощью собак-ищеек и подвергнуть его аресту. Потом Орион пошел повидаться с купцом Гашимом, чтобы выразить свое сожаление по поводу несчастья, которое постигло в их доме Рустема. Молодой человек поступил таким образом по собственному побуждению, потому что наместник еще спал. Однако юноше не удалось успокоить огорченного араба. Вернувшись к себе в комнату, он успел еще написать стихи для посылки в Константинополь с подарком прекрасной Элиодоре. Орион помнил основную мысль стихотворения, которая пришла ему в голову вечером. Он без труда изложил ее в следующей форме:

Мудрость народа гласит: человек себе ищет подобного.
Как, твоей нежной душе камень безжизненный мил?
Да, он прекрасен и чист, и бесценен, смарагд благородный,
С Элиодорою схож: он и пленяет тебя.
Так сохрани же смарагд мой и помни, что блеск его чудный
Пламенем ярким горит в преданном сердце моем.

Молодой человек быстро записал эти стихи, и тут ему вдруг представилось, что каждое слово, обращенное к прежней возлюбленной, было ударом кинжала, направленным против Паулы. Вчера сын Георгия намеревался отдать вставить смарагд в дорогую оправу, но теперь это оказывалось невозможным: он должен был поскорее отослать его по назначению. С этой мыслью юноша собственноручно уложил драгоценный камень вместе со стихами в ящичек, тщательно упаковал маленький сверток и передал слуге одного константинопольского торговца лошадьми; этот человек, родом хазар, прибыл в Мемфис с четверкой паннонских лошадей, купленных Орионом в Византии. Надежный гонец совсем не понимал египетского языка и с трудом изъяснялся по-гречески. Когда он помчался верхом на своем коне по дороге в Александрию и вскоре скрылся в облаке пыли, сын мукауска с облегчением вздохнул. Из приморского города часто отправлялись корабли в Константинополь; хазару было приказано отплыть на первом из них.

Несмотря на благополучное окончание дела, Орион охотно отдал бы год своей жизни, чтобы исправить случившееся. Он шептал проклятия, когда ему на память против воли приходили события прошедшей ночи и сегодняшнего утра. Молодой человек был принужден лукавить на каждом шагу, ежеминутно наблюдать за собой, чтобы не выдать своего беспокойства, ходить туда и сюда, несмотря на палящий зной, из боязни довериться кому бы то ни было.

Неужели так будет продолжаться всегда? Какая пытка, какое унижение! С самого детства он не знал страха ни перед кем, а теперь боялся каждого человека. Счастливая звезда, ясно и приветливо светившая ему в императорском городе, по-видимому, изменила своему любимцу на родине. По какой причине сумасшедшая персиянка, бывшая возлюбленная Ориона, вздумала напасть на него, как разъяренное животное? Из мести?... Конечно, он виноват перед ней, но богатые молодые люди обольщали молодых невольниц сплошь и рядом. Мандана была прелестным ребенком – как жаль, что ей пришлось слишком дорого поплатиться за свое увлечение! Орион искренне негодовал и огорчался, узнав о жестокой участи девушки, которую изувечили и довели до помешательства после его отъезда в Византию. Если она поправится, он, по возможности, вознаградит ее за прошлое. Говоря откровенно, несчастная имела причину ненавидеть своего обольстителя.

Однако что же все-таки произошло с гордой дамаскилкой? С ней Орион был всегда ласков, почему же она отнеслась к нему так враждебно? Он представил гордую Паулу в ту минуту, когда она произносила дрожащими губами слово «убийца». Это несправедливое оскорбление поразило его, как удар копья. Неужели он не отомстит ей? Была ли она так же чиста и безупречна, как высокомерна и холодна?... Что привело ее в виридарий в ночную пору? Паула, вероятно, находилась там в то время, как собака повалила Мандану на пол. Дамаскилка, очевидно, не могла прийти на нежное свидание с обладателем грубой обуви. Здесь, конечно, была замешана не любовь, а что-то совершенно иное. Возвращаясь домой, Орион заметил проходившего по двору человека, похожего на вольноотпущенника Гирама. По всей вероятности, Паула разговаривала с ним тайно от всех. Что они могли замышлять, кроме бегства из дома наместника? Но для чего ей понадобилась помощь преданного слуги, когда никто не удерживал ее здесь насильно?

Орион понимал, что жизнь бедной родственницы в доме у его родителей была не особенно приятна из-за натянутых отношений с Нефорис, но все-таки дамаскилка не терпела никаких притеснений. Отчего она относилась так недоверчиво ко всем, почему ненавидела и избегала самого Ориона? А между тем, когда они катались вместе на лодке, он был готов подумать, что она полюбила его.

Воспоминание об этих блаженных часах заставило юношу на минуту забыть свою ненависть к Пауле. Он вспомнил крошку Катерину, которую мать прочила ему в супруги. Перспектива жениться на этой девушке, напоминавшей ребенка, рассмешила его. Однажды в царском саду в Константинополе Орион увидел привозную индийскую птицу редкой красоты. У нее было крошечные тельце и головка, но при этом громадный серебристый хвост, как будто бы унизанный жемчугом. Такова и Катерина. Сама она не представляла собой ничего из ряда вон выходящего, но имела роскошный «хвост» в виде обширных поместий и несметных капиталов. Мать Ориона была ослеплена приданым будущей невестки, хотя семье мукаукаса, кажется, не стоило гнаться за деньгами. Ведь отец юноши и сам наверняка сказочный богач, если мог не задумавшись пожертвовать такую громадную сумму на церковь.

Катерина и Паула! Дочь Сусанны действительно веселое, миловидное создание, но дочь префекта Фомы... Какое могущество таится в ее глазах, сколько величия в походке!.. Что за голос!..

Веки Ориона начали смыкаться от усталости, он вскоре заснул, и ему приснилась Паула. Она лежала на ложе, усыпанном свежими розами, но это ложе оказалось голубой поверхностью тихо колеблющейся реки. Дивные звуки раздавались вокруг. Орион приблизился к девушке, но внезапно на них налетел черный орел. Птица ударила юношу по лицу, и, пока он протирал наполовину ослепленные глаза, она принялась клевать розы с ложа спящей Паулы, как курицы клюют ячмень и просо. Тут Орион пришел в ярость, бросился на орла и схватил птицу руками, между тем его ноги точно приросли к земле; чем больше он старался освободить их, тем тяжелее они становились. Холодный пот выступил у него на лбу, Орион застонал и проснулся.

Перед ним стояла мать, она положила руки на ноги сына, чтобы разбудить его. Нефорис казалась бледной и озабоченной. Она сообщила, что отец сильно тревожится и требует к себе молодого человека; после того матрона ушла. Причесывая наскоро волосы и обуваясь с помощью невольника, Орион сожалел, что не расспросил предварительно мать о том, что делается в доме. Нелепый сон взволновал его совершенно некстати. Что такое происходит с отцом? Если у него появились подозрения против сына, Нефорис предупредила бы любимца. Нет, здесь, вероятно, дело шло о другом. Красивый перс, проводник каравана, пожалуй, умер, и Георгий собирался послать Ориона к наместнику халифа просить его защиты, так как убийство мусульманина в доме мукаука могло повлечь за собой серьезные последствия.

Выйдя из спальни, молодой человек почувствовал, что ему трудно дышать. Во всех комнатах было необыкновенно душно. В виридарии Ориону вспомнилось, как он старался сгладить на лужайке следы своих ног, наведенный на эту мысль замечанием Паулы. Как все это низко и недостойно его! Увлечшись глупым тщеславием, он в одну минуту погубил свою честь, лишился самоуважения и душевного мира. Ему хотелось ударить себя по лицу и громко заплакать, как ребенок. Но самое искреннее раскаяние не привело бы ни к чему. Если сын мукаука, уважаемого в стране, уронил себя в собственных глазах, то ему следовало по крайней мере казаться прежним Орионом перед посторонними.

На площадке виридарии было пусто, весь дом казался вымершим. Пестрые шесты с флагами, шпалеры, выкрашенные свежей краской, колонны веранд, которые все еще были увешаны гирляндами и венками в честь приезда Ориона, распространяли неприятный запах лака, высыхающей олифы и поблекших цветов. Хотя не было ни малейшего ветерка, но воздух колебался как будто от палящих солнечных лучей, которые отражались от каждого предмета, точно острые стрелы. Бабочки и стрекозы, кружась над цветами, казалось, медленнее обычного махали крыльями; даже фонтан в центре виридарии журчал как-то лениво, и его струя не так высоко била кверху. Все вокруг было раскалено, каждое живое существо изнемогало от зноя, и любимый сын мукаука, гордость своих родителей, чувствовал себя глубоко несчастным. А ведь до сих пор все удавалось ему на жизненном пути, как будто его оберегали на каждом шагу добрые гении.

В прохладном помещении с фонтаном, где лежал Георгий, Орион вздохнул свободнее. Но вдруг его щеки побледнели, и он с трудом выговорил утреннее приветствие, здороваясь с отцом. Перед диваном наместника был разостлан персидский ковер, рядом стояли Нефорис и арабский купец. Домоправитель Себек ожидал приказа в глубине атриума, смиренно согнувшись, что было очень тяжело для его старой спины. В прежнее время хозяин никогда не оставлял его долго в этом положении. Заметив верного слугу, Орион сделал ему знак выпрямиться. Кроткое лицо Гашима было сегодня очень серьезно, а в его ласковых глазах выразилось глубокое горе. При появлении юноши, с которым они уже успели повидаться, араб несколько холодно кивнул ему.

Наместник лежал, откинувшись на подушки, с мертвенно-бледным лицом и бескровными губами. Услышав голос сына, он чуть-чуть приоткрыл глаза. Можно было подумать, что в соседней комнате стоит гроб, так печально смотрели присутствующие. Орион тотчас заметил на полуразвернутом ковре то место, где недоставало самого дорогого камня. Теперь превосходный смарагд находился по пути в Константинополь, но об этом никто не знал, кроме похитителя. Очевидно, пропажа была обнаружена. «Как скверно сложились обстоятельства! — сказал себе юноша. — Но мне необходимо собрать все свое мужество и не выдать себя. Я не хочу жить опозоренным. Будь осторожнее, Орион!»

Ему действительно удалось оправиться и произнести почти естественным тоном:

— Почему вы так расстроены? Конечно, это большое несчастье, что собака едва не загрызла до смерти бедную девушку, а наши люди позволили себе непростительное буйство. Но виновные взяты под стражу; отец, конечно, предоставит тебе, почтенный Гашим, возможность

наказать их по своему усмотрению. Кроме того, наш врач Филипп, несмотря на свою молодость, может называться вторым Гиппократом – и как раз поставить на ноги молодца Рустема, главу твоего каравана. Щедрость моего отца тебе известна: он не откажется вознаградить тебя за убытки, если...

– Прошу тебя не прибавлять незаслуженных оскорблений к той несправедливости, которой я подвергся в вашем доме! – прервал купец. – Вы не можете вознаградить меня никакими деньгами за пролитую кровь моего друга, потому что я не считаю Рустема слугой. Он человек свободный и достойный во всех отношениях. Конечно, я буду настаивать на том, чтобы злодеи были примерно наказаны. Пролитая кровь требует отмщения... Так сказано в нашем законе. Христианская религия велит прощать врагам, хотя на деле и вы поступаете не лучше мусульман. Я уверен в искусстве вашего врача, но меня возмущает насилие, совершенное без всякого повода в доме человека, которому халиф доверил судьбу египетских христиан. Здесь, очевидно, нет настоящего благоустройства, если человеческая жизнь ценится так дешево, да и честность...

– Кто смеет усомниться в ней? – с жаром вскричал Орион.

– Тот, кто видит, что купленный вчера товар необъяснимым образом лишился самого драгоценного украшения, – отвечал Гашим, сохраняя достоинство человека бывалого.

– Сегодня ночью кто-то вырезал большой смарагд из ковра, – пояснила Нефорис. – Ведь наши слуги при тебе вынесли покупку отсюда и на твоих глазах заперли ее в таблинй, не так ли?

– Но ковер был завернут в платок твоими собственными людьми! – воскликнул Орион, обращаясь к Гашиму. – Старый Себек был со мной, когда мы укладывали ковер. Кто развернул его сегодня и принес сюда?

– К нашему счастью, сама хозяйка, ваш домоправитель и, если не ошибаюсь, ваши собственные рабы, – отвечал купец.

– Зачем же его трогали с места? – спросил Орион в пылу понятной досады.

– Я сказал твоему отцу, что ковер гораздо красивее днем, чем при вечернем освещении, и посоветовал ему убедиться в этом своим глазами.

– Твой отец потребовал принести ему новую покупку, – перебила Нефорис. – Ему хотелось полюбоваться ею и спросить у продавца, как удобнее вырезать камни, не испортив ткани. Я отправилась с Себеком в таблинй.

– Но ведь ключ от него у меня! – воскликнул сын, засунув руку в складки своей одежды на груди.

– Мы забыли об этом, – продолжала хозяйка дома, – да и к тому же дело обошлось без ключа, потому что таблинй оказался отворен.

– Но ведь я сам запер его вчера! Ты был при этом, Себек?

– Я же говорил госпоже, – ответил домоправитель, – что хорошо помню, как вы защелкнули замок!

Орион пожал плечами, а Нефорис продолжала:

– Железную дверь отворили, очевидно, подобранным ключом или отмычкой, потому что ковер был завернут небрежно, а когда мы его развернули, оказалось, что в нем недостает крупного смарагда.

– Какая дерзкая кража! – в негодовании вскричал Орион.

– Это просто невероятно, – прибавил мукаукас, приподнимаясь на подушках.

С ним опять начинался нервный припадок. Он думал, что Господь отвергает его жертву или Сатана хочет помешать ему исполнить священный обет.

– Здесь, конечно, совершилось преступление, – продолжал взволнованный Георгий. – Гнусное дело будет расследовано, и – клянусь именем Христа, которому предназначался ковер, – я не успокоюсь до тех пор, пока не отыщу злодея!

– Во имя Аллаха и его пророка, – прибавил араб, – я обещаю помогать тебе, хотя бы мне пришлось обратиться за помощью к Амру – наместнику высокого халифа в этой стране. У вас в доме были произнесены слова, которых я не могу и не должен забыть, так же как и твой намек, молодой человек. Про меня сказали, что я пришел к ковру поддельный камень необыкновенной величины, а потом велел его украсть из опасения, что мой обман обнаружится, когда ювелир будет рассматривать драгоценности при дневном свете. Такой обиды нельзя простить. Я человек честный, почтенные господа, и скажу прямо – человек богатый. Мое имя никогда не было запятнано, и кто решится оклеветать меня в преклонные годы, тому я докажу, что старый Гашим имеет друзей более влиятельных, чем вы думаете!

Кроткие глаза араба наполнились слезами. Несправедливая обида глубоко уязвила его, но все-таки ему было тяжело объясняться так резко в присутствии больного мукаукаса, который внушал старику почтение и жалость. Однако, несмотря на природную мягкость, тон его речи доказывал, что он сумеет постоять за себя.

– Кто осмелился приписать тебе подобную низость? – с живостью воскликнул испуганный Орион.

– К сожалению, твоя родная мать, – отвечал мусульманин с грустью и досадой, поднимая плечи по привычке, свойственной народам Востока.

– Не сердись на нее, – сказал мукаукас. – Известно, что женщины обладают более сострадательным сердцем, чем мужчины, но это не мешает им, однако, необдуманно злословить и высказывать подозрительность, особенно к иноверцам. Зато женщины восприимчивее ко всему доброму. У них волос долог, да ум короток, гласит пословица.

– Мужчины всегда готовы осудить нас, – возразила Нефорис, – но я покорно снесу заслуженный упрек! – И она принялась заботливо поправлять подушки больного и дала ему лекарство. – Еще раз прошу у тебя прощения, почтенный Гашим, – продолжала матрона, – прости же меня вполне искренне, от всего сердца, потому что я сознаю свою вину!

Жена мукаукаса приблизилась к арабу и протянула ему руку, которую тот неохотно взял и тотчас выпустил из своей.

– Я не сержусь на тебя, – отвечал он, – но не могу допустить, чтобы на мое честное имя упала хотя бы малейшая тень. Загадочное дело будет расследовано по справедливости. А теперь позволь мне спросить: собака, сторожившая таблинний, чутка и кусает чужих людей?

– Ее бдительность известна всему дому, а что она способна кусаться, к несчастью, доказали раны на теле бедной персиянки, – отвечала Нефорис. – Прошу тебя, почтенный господин, от имени всех нас, – продолжала она, – помоги нам своей опытностью. Я сама... погодите, дайте мне сказать... Ведь женщины, несмотря на длинные волосы и короткий ум, бывают очень проникательны, пожалуй, я скорее всех найду следы преступника. Он должен принадлежать к нашим домашним, потому что собака не бросилась на него. Конечно, здесь нельзя подозревать племянницу моего мужа, которая с такой изумительной поспешностью явилась на помощь невольнице...

– Не смей задевать Паулу, жена! – с неудовольствием перебил Георгий.

– Неужели я выставляю ее воровкой? – обидчиво возразила Нефорис, пожимая плечами.

– Матушка!... – заметил в свою очередь Орион тоном легкого упрека.

– Ты говоришь о девушке, которая обошлась со мной вчера так сурово? – спросил Гашим. – Я готов поручиться всем моим состоянием, что она невиновна. Это прекрасное, пылкое существо не способно ни на какую низость!

– Пылкое?... – с улыбкой произнесла Нефорис. – Да ее сердце так же холодно и твердо, как пропавший смарагд. Мы успели убедиться в этом.

– Но во всяком случае, – возразил Орион, – Паула не сделает ничего дурного...

– Мужчины всегда готовы заступиться за женщину красивой наружности, – перебила мать, – но я во всяком случае не могу и не думаю подозревать ее. У меня совсем другое на уме.

Вчера возле пострадавшей нашли пару мужских сандалий. Себек, – прибавила она, обращаясь к домоправителю, – сделано ли с ними то, что приказал мой сын?

– Немедленно, госпожа, – отвечал тот. – Я давно поджидаю начальника стражи Псамметиха.

Тут разговор прервал приход этого воина, двадцать лет исполнявшего должность начальника караула при доме мукаукаса. На предложенные вопросы он отвечал так громко, что большой Георгий почувствовал себя дурно, и Нефорис попросила Псамметиха говорить потише. Он рассказал следующее: собакам-ищейкам сначала дали обнюхать сандалии, а потом выпустили их на волю. Две таксы тотчас нашли дорогу к калитке, где накануне Гирам поджидал Паулу. Потом животные постояли у лестницы, обнюхали первые ступени, но не побежали наверх.

– Странно, – сказала, пожимая плечами, Нефорис, – эта лестница ведет в комнату Паулы.

– Но ведь таксы, очевидно, напали на ложный след, – с жаром прервал ее офицер. – Если им всегда верить, то можно замешать в дело и невинных людей. Вскоре собаки бросились в конюшню и начали метаться здесь во все стороны, точно злые духи, которым хочется поймать душу грешника. Увидав мальчика, сына Гирана, прибывшего с дочерью великого Фомы из Дамаска, животные бросились на него и чуть не изорвали на нем в клочки всю одежду. Из конюшен они прибежали в квартиру сирийца. Боже мой, что тут происходило!.. Какой лай, завывание, визг! Собаки перерыли каждую старую тряпку, и тут мы поняли, кому принадлежала обувь. Мне очень жаль бедного конюшего: хотя он несносный заика, но ему надо отдать справедливость как отличному знатоку лошадей и наезднику. Найденные сандалии несомненно принадлежат Гирану, однако нам не удалось найти его. Он, очевидно, переправился через реку, потому что на берегу не доставало одной из наших лодок, и собаки бросились со двора к этому месту. Если арабы по ту сторону Нила не возьмут беглеца под свое покровительство, он вскоре окажется в наших руках.

Орион вздохнул с облегчением, как будто у него с души свалилась тяжесть.

– Если конюший не вернется домой до двух часов пополудни, – сказал юноша Псамметиху, – тогда отправляйся на поиски за ним со своими солдатами и арестуй его. Отец выдаст тебе свидетельство, по которому арабские власти обязаны оказывать вам содействие. Может быть, нам удастся поймать преступника еще раньше и отнять у него смарагд, если мошенник не успел продать его.

Эти слова сын мукаукаса произнес повелительным, гневным тоном. Щеки Ориона пылали до того ярко, что этот румянец нельзя было объяснить удовольствием при вести об удачных поисках.

Потом он заговорил тише и как будто с участием:

– Жаль беднягу Гирана! Он лучший знаток лошадей в нашем доме. Твои слова еще раз подтвердились на деле, матушка, – ты говорила: если хочешь иметь хорошую прислугу, приобретай рабов-мошенников.

– Но сириец, собственно, не принадлежит к числу наших невольников, – задумчиво сказала Нефорис. – Он вольноотпущенник префекта Фомы и прибыл сюда с его дочерью. Все хвалят его умение ухаживать за лошадьми. Если бы Гирам не совершил кражи, мы никогда не отпустили бы такого слугу; но если Пауле бы вздумалось оставить нас и взять его с собой, мы не имели бы права удержать свободного человека. Говорите, что хотите, браните и осуждайте меня – я не одарена тем, что вы называете воображением, все вещи представляются мне в настоящем виде, без прикрас: между Паулой и вором существует какое-то соглашение.

– Перестанешь ли ты говорить глупости! – снова прервал жену рассерженный мукаукас.

Он хотел продолжить, но в эту минуту докладчик объявил о приходе ювелира Гамалиила, который принес известие о пропавшем смарагде. Орион побледнел и отвернулся от купца.

В комнату вошел еврей, сидевший накануне у огня во дворе наместника вместе с его служащими. Он тотчас приступил к рассказу, приправляя его, по своей привычке, балагур-

ством. Золотых дел мастер был настолько богат, что предстоящий убыток не особенно огорчал его, и настолько честен, что ему было приятно возратить украденную драгоценность ее настоящему владельцу. По словам Гамалиила, рано утром в его дом пришел конюший Гирам, предлагая купить смарагд необыкновенной величины. Вольноотпущенник поклялся, что этот дорогой камень составляет часть имущества, оставшегося после префекта Фомы, его бывшего господина. Смарагд будто бы принадлежал к головному украшению коня, на котором герой Дамаска ездил в последний раз. Лошадь и сбруя достались в наследство Гираму.

– Я добросовестно оценил редкий камень, – продолжал ювелир, – и выдал сирийцу две тысячи драхм; остальные деньги он оставил у меня на хранение. Сначала я согласился на все, но после его ухода поступки конюшего показались мне подозрительными. А тут еще в город ворвалась стая ищеек. Господи помилуй, какой поднялся лай и тьяканье! Животные надсаживались, точно хотели разнести весь мой дом. Мне стало жутко и почудилось даже, что мое жилище вот-вот рухнет, как иерихонские стены при трубном звуке²⁷. «Что там такое?» – спросил я старшего псаря, и вдруг мое подозрение подтвердилось. Вот, господин наместник, купленный мной смарагд! Я не сомневаюсь, что ты возвратишь мне деньги, отданные мошеннику-заике, честность великого мукаукаса Георгия известна старому и малому во всем Мемфисе. Ведь ты все-таки не останешься внакладе, благородный господин, я не требую с тебя процентов или платы за хранение в эти два часа, пока драгоценность находилась у меня в руках, – прибавил старый балагур.

– Подай сюда камень, – перебил его араб, которому был неприятен шуточный тон Гамалиила.

Гашим вырвал у еврея смарагд, взвесил его в руке, подержал перед глазами, присмотрелся издали к блеску граней, постучал молоточком, вынутым из-за пазухи, приложил камень к тому месту ковра, откуда он был вырезан, и сначала остался доволен результатами осмотра.

Орион жадно следил за движениями араба, не изменяясь в лице. Крупный пот выступил у него на лбу.

Не случилось ли здесь какого-нибудь чуда? Каким образом драгоценность, посланная в Константинополь, могла попасть в руки ювелира? Неужели хазар решил вскрыть посылку и передал смарагд Гираму для продажи? Эти вопросы необходимо выяснить немедленно. Пока араб рассматривал камень, Орион подошел к ювелиру и спросил:

– Можешь ли ты наверное утверждать, что получил смарагд от сирийца, конюшего Гирана? Помни: от твоего ответа зависит свобода и жизнь человека. Я хочу сказать: достаточно ли ты знаешь вольноотпущенника из Дамаска, чтобы не спутать его с кем-нибудь другим?

– Боже сохрани! – воскликнул еврей, пятясь назад от Ориона, который наступал на него, сердито сверкая глазами. – Как можете вы, молодой господин, сомневаться во мне? Ваш почтенный батюшка знает меня тридцать лет, и вдруг я могу ошибиться насчет наружности вашего конюшего из Дамаска! Кто же другой в Мемфисе так потешно заикается, как он? Да ведь сириец едва не уморил половину моих детей из-за ваших бешеных жеребцов! Каждого из них, я полагаю, он пугал до полусмерти, объезжая коней. Ведь мы живем у вас под боком. Правда, ребятишек занимал осмотр лошадей, но здоровья им от того вовсе не прибавилось. Свежий воздух очень полезен детям, но из-за проклятых фокусов вашего берейтора моя Ревекка постоянно держала малюток в комнате, пока Гирам не уберется восвояси.

– Хорошо, хорошо, – перебил его Орион. – В котором часу продал он тебе смарагд? Говори в точности, вспомни хорошенько. Когда это было? Ты, вероятно, не успел забыть.

²⁷ Имеется в виду эпизод из Библии, повествующий о том, как стены осажденного израильтянами города Иерихона рухнули после того, как семь священников, обходящих город с ковчегом Завета и трубивших в трубы шесть дней при полном молчании народа, на седьмой день обошли город семь раз и при седьмом трубном гласе народ по воле Бога дружно закричал «громким голосом» (Книга Иисуса Навина, VI, 1—19).

– Адонаи²⁸, как можно все вспомнить! – всплеснул руками еврей. – Но позвольте, молодой господин, я постараюсь. В такую жаркую пору мы встаем до солнечного восхода: сначала молимся, потом едим утреннюю похлебку...

– Опusti никчемные подробности! – торопил Орион.

Но Гамалиил продолжал на прежний лад, не смущаясь словами юноши:

– После завтрака маленькая Руфь вскочила ко мне на колени и принялась выдергивать седые волосы, растущие у меня на носу. Я кричал: «Ай, больно!» – а солнце как раз дошло в эту минуту до глиняной скамьи, где мы сидели.

– Ну а когда же оно доходит до этой скамьи? – вскричал молодой человек.

– В летнее время как раз два часа спустя после солнечного восхода, – ответил Гамалиил. – Удостой меня завтра утром своим посещением и убедись в истине моих слов, – прибавил он, – по крайней мере я буду иметь случай показать тебе свой товар: у меня есть превосходные, роскошные вещи.

– Два часа спустя после солнечного восхода! – едва слышно прошептал Орион.

«Что бы это значило?» – со страхом думал он. Посылка, отправленная в Константинополь, была вручена хазару четырьмя часами позднее. Словам еврея можно было поверить вполне. Этот богатый, честный и вечно веселый человек отличался правдивостью; следовательно, драгоценный камень, проданный ему Гиравом, был не тот. Но как это все случилось? В такой путанице событий решительно можно сойти с ума. И почему Ориону нельзя высказаться откровенно в серьезном деле, где уже одно молчание было обманом, бессовестной ложью против отца и матери? Дай бог, чтобы злополучному заике удалось уйти от преследования! Если его поймут, что тогда будет, боже милосердный! Но нет, вероятно, сириец скроется... В крайнем случае, как это ни ужасно, Гирав должен поплатиться за мнимую кражу: честь Ориона стоит выше чести целой сотни конюхов. Он позаботится о том, чтобы избавить вольноотпущенника от смертной казни и возвратить ему свободу.

Между тем купец окончил осмотр, но, по-видимому, не вполне убедился в подлинности смарагда.

Ориону давно хотелось прервать его размышления и опыты над камнем. Если смарагд признают за тот, который украшал драгоценный ковер, молодой человек спасен.

Терпение юноши истощилось, он обернулся к Гашиму и сказал:

– Покажи мне, пожалуйста, смарагд – он представляет собой такую редкость, что найти другой, одинаковый с ним, решительно невозможно.

– Ну нет, было бы рискованно утверждать подобное, – серьезно возразил араб. – Этот камень похож как две капли воды на тот, который украшал собой ковер, но на нем есть маленькое возвышение, незамеченное мной на первом. Конечно, первый смарагд никогда не вынимали из оправы, и, может быть, эта маленькая неровность приходилась у него на стороне, прилегавшей к ткани, но все-таки... Скажи-ка, мастер, – прибавил купец, обращаясь к Гамалиилу, – камень был принесен тебе без всякой оправы?

Еврей отвечал утвердительно.

– Жаль, очень жаль! – воскликнул араб. – Мне кажется, между прочим, будто бы первый смарагд был немножко длиннее. Хотя и трудно сомневаться в его тождественности, но я почему-то не могу уверить себя, что это тот самый камень, который заткан в рисунке цветов и представлял бутон.

– Но скажи, ради бога, – воскликнул Орион, – неужели двойник такого редкого камня мог свалиться с неба в наш дом? Будем лучше радоваться тому, что украденная драгоценность

²⁸ *Адонаи, Адонай* (Господь мой) – одно из обозначений Бога в иудаизме, с эпохи эллинизма употреблялось также как заменяющее (при чтении вслух) «непроизносимое» имя Яхве.

отыскалась. Теперь я уберу ее в железную шкатулку, отец... Позови меня, Псамметих, когда вам удастся найти разбойника, слышишь?

С этими словами Орион почтительно кивнул родителям и пожал руку арабу с той любезностью, которая очаровывала всех и каждого в его обращении. Вслед за тем он вышел из комнаты. Старый Гашим почувствовал к юноше прежнюю благодарность. Теперь честное имя купца было спасено, однако добросовестный торговец все еще сомневался, и это сомнение не давало ему покоя. Он хотел проститься с мукаукасом, однако больной лежал совершенно неподвижно, откинувшись на подушки и плотно закрыв глаза. Было трудно сказать, спит он или нет. Гашим тихонько вышел, стараясь не потревожить страдальца.

X

Вернувшись в свою комнату после потрясающих событий прошлой ночи, Паула бросилась в постель, но не могла заснуть от волнения. Два часа спустя после восхода солнца она встала, чтобы запереть ставни. При этом девушка выглянула на улицу и видела, как сириец вскочил в одну из хозяйских лодок, спеша отчалить от берега. Молодая госпожа не смела ему крикнуть или подать какой-нибудь знак, боясь выдать свою тайну. Однако выехав на простор, Гирам осмотрелся, обратил лицо к ее окну, узнал фигуру Паулы в белой утренней одежде и радостно взмахнул веслом, поднятым над головой. Этот жест мог означать только одно: ему удалось благополучно кончить дело и продать драгоценный камень. Теперь слуга отправился на другой берег Нила уговариваться с навуфеянином.

Наконец Паула заперла ставни, в комнате стало совсем темно. Вскоре молодость взяла верх над ее волнением и горем: она крепко уснула. Когда дамаскинка проснулась, чувствуя крупные капли пота на своем лбу, солнце было еще недалеко от зенита, и до «аристона», греческого завтрака, оставался еще добрый час. В эту пору к столу собиралась вся семья; обед подавали гораздо позднее, уже к вечеру. Паула поспешила заняться своим туалетом, не желая опоздать; ее отсутствие в кругу родных могло быть истолковано сегодня в дурную сторону. Как во всех знатных египетских домах, так и у наместника Георгия уклад жизни более соответствовал греческим, чем местным обычаям. Все члены семьи мукаукаса, начиная с него самого и кончая маленькой Марией, говорили между собой по-гречески, объясняясь только с прислугой на коптском языке²⁹, издавна распространенном в Египте; в описываемое время в его состав проникло много эллинских и других иностранных слов.

Внучка Георгия, десятилетняя Мария, правильно и бегло говорила по-гречески и по-коптски, но до приезда Паулы в Мемфис не умела хорошенько писать на прекрасном языке эллинов. Осиротевшая дамаскинка любила детей и желала чем-нибудь заняться. Ей пришлось в голову обучать малышку искусству письма. Сначала родные с удовольствием приняли ее услугу, но потом Нефорис стала относиться враждебно к племяннице мужа и прекратила уроки под предлогом, что Паула диктовала ученице отрывки из своего молитвенника, составленного для греческого вероисповедания. Молодая девушка поступала так без всякого умысла, и выбранные ею места представляли собой изречения, поучительные для каждого христианина, к какому бы вероисповеданию они ни принадлежали.

Запрещение бабушки заниматься с Паулой сильно опечалило Марию. Она горько плакала, несмотря на то, что юная учительница требовала от нее серьезного отношения к делу. Внучка наместника привязалась к своей наставнице, которая отвечала ей тем же; ласковая, богато одаренная девочка была единственным лучом света в мрачной и холодной атмосфере, окружавшей Паулу в доме дяди. В жарком климате Египта женщины созревают рано, и десятилетняя Мария была уже не ребенком, а скорее подростком, отличаясь и всей восприимчивостью этого переходного возраста. Красота и умственное превосходство дамаскинки неотразимо влекли ее к себе. Пылкая привязанность маленькой сироты к дочери Фомы раздражала Нефорис, которая видела в этом что-то неестественное и даже опасное для религиозных убеждений девочки; ей казалось, что, привязавшись к Пауле, Мария охладела к ней, своей бабушке. Такое подозрение было небезосновательно; внучка отличалась необыкновенной правдивостью,

²⁹ *Копты* – исконное христианское (монофизиты) население древнего и современного Египта. Их язык принадлежит к семито-хамитской языковой семье и является результатом продолжения развития египетского языка; во II в. н. э. он обрел свой алфавит на основе греческого. В XI в. начал постепенно отмирать и к началу XIII в. был окончательно вытеснен из обиходной речи арабским. В настоящее время этот язык сохранился лишь как культовый, употребляющийся в церковных службах.

явная неприязнь матроны к приезжей родственнице нередко возмущала ребенка: Мария старалась загладить эту несправедливость удвоенной нежностью со своей стороны.

Однако Нефорис не желала поощрять подобных отношений. Между ней и дочерью ее покойного сына не должен был становиться ни один посторонний человек. Поэтому она запретила внучке ходить без надобности в комнату дамаскинки, а когда к Марии взяли гречанку-воспитательницу, последней было приказано по возможности удалять свою воспитанницу от Паулы. Но такие меры приводили к совершенно противоположному результату. Ласки бабушки не могли увеличить привязанности внучки, в чем действительно была невольно виновата Паула.

Жена мукаукаса явно и под разными предлогами давала понять племяннице мужа, что она поселяет отчуждение между нею и внучкой; таким образом, девушке оставалось только держаться в стороне от Марии, лишь украдкой выказывая ей всю силу своей любви. Наконец жизнь Паулы сделалась до того тяжела, что она почти утратила юношескую беззаботность и не могла по-прежнему резвиться с ребенком. Мария замечала печальную перемену, приписывая ее суровости бабушки.

Девочке чаще всего удавалось побеседовать с Паулой наедине перед завтраком и обедом, когда надзор воспитательницы ослабевал, тем более что старшие не запрещали ей звать дамаскинку к столу.

Посещение ее комнаты представляло для ребенка прелесть запретного удовольствия; кроме того, молодая девушка была у себя совершенно иной, чем при других. Здесь Мария могла общаться со своей подругой без помехи, целовать ее, уверять в своей любви. Она охотно рассказывала Пауле о своих занятиях и забавах, но не решалась, однако, посвящать ее в свои шалости. Резвая, подчас неукротимая, как мальчик, Мария избегала рискованных признаний перед той, которую ставила выше всех остальных людей по своим достоинствам.

Едва Паула успела причесать волосы, как девочка скромно постучала в дверь, хотя за минуту перед тем носилась ураганом по комнате бабушки. Она не бросилась своей приятельнице на шею, как делала с вдовой Сусанной и ее веселой дочкой Катериной, но крепко прижалась губами к белой руке девушки повыше локтя и вспыхнула от счастья, когда Паула наклонилась поцеловать свою любимицу в волосы и в лоб, отирая платком ее влажное пылающее личико. Потом она приподняла голову Марии обеими руками и вскричала:

– Однако на кого ты похожа, проказница!

Малышка была красна, как огонь, а ее глаза опухли от слез.

– Сегодня ужасно жарко! Евдоксия, моя учительница, говорит, что Египет летом – точно раскаленная печь, настоящий ад на земле. Она совсем больна от жары и лежит на своем диване, как рыба, вынутая из воды. Единственно, что есть в этом хорошего...

– То, что она освободила тебя от уроков?

Внучка Георгия отвечала легким наклоном головы. Но Паула не одобрила этого, и девочка отвернулась в сторону, украдкой посматривая на приятельницу лукавыми глазками.

– Однако ты плакала, и очень сильно! Как не стыдно капризничать в твои годы!

– Я, я плакала?

– Ну конечно! Ведь я вижу по глазам; лучше признайся! Что случилось?

– А ты не станешь бранить меня?

– Разумеется, нет!

– Ну, слушай! Сначала мне было ужасно весело, так весело, так весело, что ты не можешь себе представить: ведь я нисколько не боюсь жары; но когда собачья травля кончилась, я хотела идти к бабушке, однако меня туда не пустили. В комнате происходило что-то особенное. Когда все вышли оттуда, я пробралась за Орионом в таблиний; там множество интересных вещей, и, кроме того, мне хотелось испугать дядю: ведь он постоянно дурачился со мной прежде. Орион ничего не заметил, но когда он наклонился над ковром, из которого вырезали смарагд, – мне

показалось, что дядя пересчитывает драгоценные камни, – я вдруг вскочила ему на плечи. Как же он испугался, Паула, как испугался! А потом рассвирепел, точно боевой петух, да как ударит меня по щеке. Мое лицо до сих пор горит от его удара, а в ту минуту даже из глаз посыпались искры. Прежде Орион был так ласков со мной и с тобой также... и за это я его любила, но как он смел дать мне пощечину! Повар может наказывать оплеухой мальчишку при вертеле, а я уже взрослая для подобного обращения! С тех пор как мне минуло десять, все рабы и служащие в доме обязаны называть меня «госпожой» и кланяться, когда я прохожу мимо. Как тебе нравится эта дерзость Ориона?... Ударить меня прямо по щеке! Разве он имеет право, скажи!..

Девочка снова принялась плакать и продолжала, рыдая:

– Это еще не все: дядя запер меня в темный таблиний... а сам... ушел прочь!.. Я ужасно перепугалась и сидела бы там, пожалуй, до сих пор, но, к счастью, мне попала под руку золотая пластинка, я стала стучать ею по прадедушке Менасу, то есть по его серебряному изображению, и закричала: «Пожар, пожар!» Себек услышал и позвал Ориона, который меня тотчас выпустил и принялся целовать и уговаривать. Но что из того? Дедушка все равно будет очень недоволен: ведь я совсем расплющила нос его отца на тисненном портрете!

Паула слушала девочку то с серьезным видом, то улыбаясь; но когда Мария замолчала, она опять вытерла ей заплаканные глазки и сказала:

– Тебе не следует шутить с Орионом, как с товарищем твоих лет. Он уже не мальчик, а взрослый мужчина. Конечно, дядя проучил тебя довольно строго, но потом он все-таки постарался загладить свою вину. Однако что ты говорила о какой-то травле?

При этих словах глаза ребенка снова заблестели весельем. Все только что пережитые огорчения были моментально забыты, не исключая и расплющенного носа прадедушки. Мария залилась беззаботным смехом и воскликнула:

– Ах, если бы ты видела эту потеху, милая Паула! Солдаты хотели поймать мошенника, укравшего большой смарагд из ковра. Он потерял свои сандалии; собакам дали обнюхать эту обувь, а потом спустили их с привязи. Они бросились сначала к черной лестнице, а оттуда в конюшни и на квартиру одного из конюхов; я все бежала вслед за таксами и другими собаками. Наконец животные, точно по уговору, кинулись из ворот прямо в город. Мне не позволяется выходить одной со двора, но тут... не сердись на меня, пожалуйста... тут я не устояла, потому что это было превесело! Вся свора ринулась по улице Гапи, через площадь Паанх, в переулок ювелиров и наконец ворвалась в лавку еврея Гамалиила, знаешь, того забавного старика, который часто приходит к нам в дом? Пока он разговаривал с людьми, его жена угостила меня пирожком с абрикосовым вареньем; ах, у нас никто не умеет печь таких вкусных пирожков!

– Но удалось ли солдатам найти, кого они искали? – спросила Паула, которая ежеминутно менялась в лице при рассказе девочки.

– Не знаю, – отвечала Мария с недоумением. – Собаки не преследовали какого-либо человека; они просто бежали вперед, обнюхивая землю, а мы за ними.

– Однако их натравили на несчастного, виновность которого пока еще ничем не доказана. Разве это справедливо, сообрази хорошенько, Мария? Башмаки навели собак на след их владельца, между тем он, может быть, вовсе не причастен к похищению смарагда. Сандалии нашли в прихожей; пожалуй, конюх оставил здесь свою обувь случайно или она была принесена кем-нибудь. Поставь себя на место человека, совершенно невиновного, такого же христианина, как мы с тобой, на которого натравили свору собак. Разве это не ужасно? В подобных жестокостях нет ничего забавного!

Паула говорила так серьезно, с таким глубоким огорчением и беспокойством, что встревоженная девочка подбежала к ней со слезами на глазах и спрятала смущенное лицо в складках ее одежды.

– Я вовсе не догадывалась, что наша прислуга преследует бедного человека. Если бы я знала, как это огорчит тебя, Паула, то лучше не бегала бы за собаками! Но разве такая забава действительно безжалостна? Ты нередко бываешь грустна, когда все мы смеемся!

При этом внучка мукаукаса устремила на дамаскинку испытующий, тревожный взгляд. Девушка привлекла ее к себе, поцеловала и заметила грустным тоном:

– Мне самой хотелось бы иногда разделить твою беззаботную веселость, но я испытала слишком много горя. Смейся и веселись от всего сердца, в этом нет ничего дурного. Что же касается несчастного, которого искали с собаками, то я сильно опасаюсь, что это не кто иной, как вольноотпущенник моего отца, верный и преданный слуга нашего дома. Этот честный человек не способен ни на что дурное. Но в лавке Гамалиила не захватили никого?

Девочка отрицательно покачала головой.

– Так, значит, наши люди преследовали Гирама, конюшего, который с таким трудом выговаривает слова?

– Я боюсь, что так.

– Да, да, – подтвердила Мария. – Постой... ах, господи! Но ведь ты опять огорчишься сильнее прежнего, если я тебе скажу?.. Видишь ли, мне кажется, будто они действительно говорили, что сандалии... Я хорошенько не вслушивалась... что найденные сандалии... Они все толковали о каком-то конюхе, называя его вольноотпущенником и зайкой.

– В таком случае стража преследовала вполне невиновного человека! – воскликнула Паула с тяжелым вздохом, спеша окончить свое одевание.

Она задумалась, рассеянно застегивая платье и отвечая невпопад на вопросы Марии; девочка принялась рыться в открытой шкатулке, нашла в ней ожерелье, из которого был вынут смарагд, и надела его себе на шею.

Тут снова раздался легкий стук в дверь, и в комнату вошла Катерина, дочь вдовы Сусанны. Будущая невеста Ориона едва доставала головой до плеча Паулы, но была чрезвычайно миловидна, с округленными плечами и хорошенькими полными ручками. Она цвела здоровьем, напоминая собой беззаботного мотылька. Когда резвушка заливалась веселым смехом, ее мелкие, редкие зубки сверкали белизной, а блестящие глаза так радостно смотрели на мир, как будто Катерине не о чем думать, кроме удовольствий и веселых проказ. Она также добивалась расположения Паулы, но не питала к ней такого почтительного, неизменного обожания, как Мария. Иногда ей приходило в голову осыпать приятельницу бурными ласками, надоедавшими Пауле, но очень часто бывало, что она сердилась на дамаскинку, ревновала ее к внучке наместника и выказывала притворное равнодушие, что всегда выходило очень забавно. Хотя старшей подруге стоило произнести одно приветливое слово или поцеловать рассердившуюся шалунью, чтобы между ними снова водворилось согласие, однако избалованная Катерина почти никогда не делала первого шага к примирению. Сегодня она бросилась Пауле на шею. Та довольно холодно отстранила гостью, говоря, что спешит одеться. Катерина не обиделась и подошла к Марии, по-прежнему вертевшей в руках ожерелье. Гостья вздумала примерить его на себя. Это был великолепный убор превосходной работы, униженный жемчугом, и только пустая оправка, откуда Гирам вынул смарагд, портила дорогое украшение. Но и в таком виде оно было до того роскошно, что привело в восторг Катерину. Между тем резвая девочка вытащила из шкатулки еще страусовые перья. Молоденькая гостья тотчас прищиплила их к своим волосам и принялась с комической важностью представлять перед Марией, как императрица и цесаревны держат себя на парадных выходах при дворе и как они милостиво кивают своим подданным. Эта забава сопровождалась веселым смехом шалуний. Тем временем Паула окончательно оделась. Когда она снимала с шеи Катерины ожерелье, пустая оправка, изогнутая ножом Гирама, прицепилась к прозрачной кружевной ткани, из которой было сделано верхнее платье нарядной гостью. Мария поспешила отцепить ее, и дамаскинка бросила украшение в шкатулку. Запирая ее на замок, она спросила Катерину, не видела ли та Ориона.

– Ориона? – повторила дочь Сусанны таким тоном, как будто никто, кроме нее, не имел права о нем спрашивать. – Он проводил меня сюда, а сам отправился навестить раненых. Разве тебе нужно что-нибудь передать ему? – При этих словах она покраснела, недоверчиво взглянув на Паулу.

– Может быть, – сухо отвечала дамаскинка, вешая на шею шнурок с ключом от шка-тулки. – Ступайте, девушки, поскорее вниз, – прибавила она, – сейчас подадут завтрак; я не пойду сегодня к столу.

– Ах какая жалость! – сказала Мария разочарованно. – Дедушке сегодня очень плохо, бабушка не отходит от него; если и ты не сойдешь вниз, то мне придется завтракать вдвоем с Евдоксией; Катерину ожидает экипаж, и она должна спешить домой. Пойдем со мной, Паула, прошу тебя! Ты не знаешь, как бывает несносна Евдоксия в такие жаркие дни!

– Пойдем вместе! – просила в свою очередь молоденькая гостья. – Ну зачем тебе нужно оставаться наверху? Вечером я опять приду к вам с моей мамой.

– Хорошо, – отвечала Паула, – но прежде мне все-таки необходимо навестить больных.

– Можно и мне с тобой? – спросила заискивающим тоном «мотылек», глядя нежную руку дамаскинки.

Мария захлопала в ладоши, запрыгала и вскричала:

– Ей только хочется к Ориону! Катерина любит...

Гостья зажала девочке рот, между тем как Паула, стараясь скрыть свое волнение, заметила, что ей нужно переговорить с молодым человеком об очень серьезных вещах. Тогда хорошенькая дочь Сусанны резко повернулась и пошла из комнаты, надувшись на подругу. Резвая Мария сочла за лучшее скатиться вниз по гладким перилам; несколько дней назад Катерина сделала бы то же самое, но теперь ей минуло шестнадцать лет и приходилось оставить ребяческие проказы.

Между тем Паула постучала в комнату, где лежали больные. Сестра милосердия из монастыря Святой Екатерины тихо отворила ей дверь. Ориона здесь уже не было. В первой комнате лежал тяжело раненный проводник каравана; во второй – сумасшедшая персиянка. В зале, смежной с первой комнатой и убранной с княжеской пышностью, беседовали между собой Гашим и Филипп. Последний был высоким коренастым мужчиной лет тридцати, носившим опрятную одежду из довольно грубой ткани и без всяких украшений. Бледное лицо ученого с живыми глазами отличалось умным и проницательным выражением, хотя нижняя часть его была некрасива и несоразмерно мала, как будто сдавлена, а скулы чересчур выдавались, зато широкий лоб придавал его физиономии своеобразную прелесть, как прекрасный купол, венчающий заурядное, жалкое здание. Такого человека с характерной головой мыслителя нельзя было не заметить даже в избранном кругу.

За время двухдневного знакомства Филипп сблизился с Гашимом. В настоящую минуту они увлеченно рассуждали о чем-то, причем их разговор перешел на Ориона. Врач, как неутомимый труженик, не любивший праздных людей, предающихся одним удовольствиям, хотя и признавал в наследнике мукауска блестящие способности и хорошее образование, но судил его не в пример строже, чем снисходительный Гашим. Для Филиппа каждая человеческая жизнь была священна, и все, что угрожало телу или душе ближнего, казалось достойным уничтожения. Ему было известно, сколько несчастья навлек Орион на бедную Мандану, как легкомысленно шутил он чувствами других женщин; подобные поступки заставляли Филиппа смотреть на сына Георгия как на вредного члена общества. По мнению ученого, жизнь налагала на каждого человека серьезные обязательства, которые он мог исполнить с помощью честного труда, каков бы он ни был, но лишь бы приносил пользу человечеству. Между тем юноши вроде Ориона не только не признают за собой обязательства трудиться, но бесполезно тратят свою собственную жизнь и разбивают чужие судьбы ради низких, эгоистических целей.

Умудренный годами мусульманин смотрел на вещи иначе. С его точки зрения, жизнь была сном, и лучшей частью ее, молодостью, каждый смертный имел право наслаждаться вполне, заботясь только о том, чтобы при пробуждении, которое начинается со смертью, для него не закрылся вход в Эдем. Человек не в силах бороться с неумолимой судьбой, говорил он; даже самый прилежный труд не может отвлечь ее предопределения, и потому нам остается только с достоинством переносить неизбежные несчастья. Судьба не отяготила корабля Ориона излишним грузом; при хорошей погоде он несется легко по воле ветра. Юноша сам постарался надежно оснастить свое судно, и если когда-нибудь на него наложат тяжелый груз и толкнут на подводные камни, тогда обнаружатся истинные свойства Ориона. Гашим был уверен, что сын Георгия сумеет постоять за себя: ведь настоящие мореходы узнаются только в минуту смертельной опасности.

Тут Филипп перебил араба, желая доказать, что не судьба, признаваемая мусульманами, а личная воля человека руководит его кораблем; но их разговор был прерван приходом племянницы мукаукаса.

Купец почтительно поклонился ей, врач приветствовал девушку с уважением, но в то же время с робостью, непонятной в таком самостоятельном человеке. Он ежедневно посещал дом наместника в продолжение нескольких лет и почувствовал особенное расположение к Пауле, заметив неприязнь Нефорис к сироте. Беседы с ним давно заинтересовали ее, а со временем обратились в потребность, несмотря на сухой, резкий тон врача, сначала не нравившийся Пауле. Эти разговоры давали пищу ее уму, тогда как в среде людей, окружавших юную дамаскинку, все интересы вращались вокруг мелких событий в знатных семействах города или вокруг догматических споров о религии. Что касается самого мукаукаса, то он почти не принимал участия в женских беседах.

Филипп не говорил с Паулой о мелочах, но касался серьезных вопросов жизни или толковал о книгах, знакомых им обоим. Таким образом ему удалось вызвать молодую девушку на остроумные возражения. Мало-помалу она освоилась с его смелым образом мыслей и подчас беспощадно откровенным языком. Паула особенно стала уважать врача, убедившись в том, что этот ученый, обладавший многосторонними знаниями, отличался в то же время незлобивым сердцем, простотой и беспримерным самоотвержением. Жене мукаукаса не нравились почти все действия племянницы, между прочим, она не одобряла и ее дружбы с домашним врачом, наружность которого не могла вскружить голову молодой девушке. Нефорис не считала Филиппа равным себе и находила, что Пауле, при ее знатном происхождении, было неприлично вести с ним задушевные беседы. Порицая гордость дамаскинки, она упрекала ее за неуместное панибратство с человеком низкого звания; на самом же деле ей было досадно, что врач интересуется их бедной родственницей, она боялась, что это отвлечет его от болезни мукаукаса.

Увидев Паулу на пороге залы, Гашим узнал в ней свою вчерашнюю противницу. Между ними тотчас произошло примирение. Дочь Фомы созналась, что с ее стороны было крайне неразумно ставить в вину отдельному человеку, не делавшему никому зла, ошибки целой нации. Гашим отвечал ей, что люди справедливые всегда способны сознавать свои заблуждения. После того дамаскинка навела разговор на своего отца, и врач Филипп сообщил арабу, что она все еще не хочет отказаться от его поисков.

– Это единственная цель моей жизни! – воскликнула девушка.

– И я полагаю, что ты не права, – сказал врач.

Однако араб возразил, что есть вещи, с потерей которых слишком трудно примириться, и потому нам бывает дорога даже самая слабая надежда возвратить их.

– Я согласна с тобой! – продолжила Паула. – И как ты можешь противоречить мне, Филипп? Не от тебя ли я слышала, что ты не теряешь надежды на спасение больного? Вот и я

твёрдо надеюсь на свидание с отцом. Последняя сестерция из моего имущества пойдёт на его поиски, несмотря на запрещение дяди и противодействие его жены.

– Но молодая девушка не может обойтись в таком деле без поддержки мужчины, – возразил купец. – Я много путешествую, мне случается беседовать с людьми из далеких стран; если хочешь сделать мне честь, то выбери меня своим помощником и позволь способствовать твоим поискам!

– Благодарю, искренне благодарю тебя! – воскликнула Паула, с жаром пожимая руку мусульманина. – Помни о пропавшем без вести герое Дамаска, куда бы ты ни поехал. Я бедная, одинокая девушка, но если ты его найдешь...

– Тогда ты убедишься, что и между мусульманами есть люди...

– Способные на подвиги милосердия и готовые помочь беззащитным женщинам, – перебила его Паула.

– Если будет угодно Богу, наши соединенные усилия увенчаются успехом, – продолжал араб. – Как только я нападую на какой-нибудь след, то немедленно извещу тебя об этом. Теперь же мне нужно переправиться поскорее на ту сторону Нила к наместнику халифа Амру. Я вполне могу оставить моего бедного Рустема на попечение нашего друга Филиппа и сегодня же начну наводить справки о префекте Фоме в новом арабском поселении; можешь быть уверена в этом, дочь моя.

– Я не сомневаюсь в тебе, – отвечала Паула в радостном волнении. – Когда мы увидимся опять?

– Завтра, а самое позднее – послезавтра утром.

Тут молодая девушка приблизилась к Гашиму и прошептала:

– Мы недавно открыли новый след, господин; я наняла гонца, и, вероятно, он отправился уже в дорогу. Могу ли я переговорить с тобой откровенно?

– Мне необходимо спешить: отложим наш разговор до завтра; я надеюсь вернуться в скором времени.

Гашим подал руку Пауле, затем Филиппу, после чего торопливо ушел.

Дамаскинка погрузилась в раздумье; ей пришло в голову, что преследуемый Гирам находится по ту сторону Нила, где он в полной безопасности под покровительством арабских властей. Купец, пожалуй, мог за него заступиться, если бы она рассказала ему о случившемся. Доброта и участие Гашима внушали девушке невольное доверие. Она решила переговорить с ним и пошла к выходу, не обернувшись к Филиппу. Между тем монахиня, пользуясь минутой отдыха, стала на колени перед распятием как раз у дверей первой комнаты, где лежала Мандана. Сестра милосердия хотела помолиться о душе больной персиянки, прося доброго пастыря сжалиться над страдальцей.

Паула не смела прервать молитву набожной женщины, и так прошло несколько минут. Наконец врач Филипп заметил тревогу юной дамаскинки. Он вышел из залы, приблизился к монахине и, коснувшись ее плеча, ласково сказал:

– Посторонись немного, милая сестра! Твоя праведная молитва будет всегда услышана, а эта молодая девушка спешит уйти.

Монахиня тотчас поднялась с колен, отошла в сторону и с неудовольствием посмотрела вслед уходившей Пауле.

На дворе у ворот дамаскинка напрасно отыскивала глазами араба. Обратившись с вопросом к одному из невольников, она узнала, что лошадь купца давно ожидала его; он только что поскакал на ней из дома и, вероятно, доехал теперь уже до плавучего моста, соединявшего Мемфис с островом Рода, а последний – с фортом Вавилон и новым поселением арабов.

XI

Огорченная и недовольная собой, Паула снова поднялась наверх, спрашивая себя, неужели солнечный зной подействовал на нее так сильно, что лишил обычной находчивости и энергии? Теперь она сама не могла понять, почему не воспользовалась случаем и не попросила Гашима за своего верного слугу. Может быть, араб не отказался бы взять его под свое покровительство.

Невольник, стоявший у ворот, сказал ей, что сирийца еще не поймали. Значит, заступиться за него было пока несвоевременно, однако Паула намеревалась это сделать, соглашаясь подвергнуться гневу родных и, если нужно, рассказать откровенно все виденное ею в эту ночь. Она была обязана спасти преданного человека. Но прежде чем решиться на крайнее средство, прежде чем унижить Ориона, девушка хотела предостеречь его. Ей было слишком тяжело обвинить сына мукауска в бесчестном деле. Она ненавидела его, но скорее согласилась бы разбить прекраснейшее произведение искусства, чем заклеить позором юношу, который до сих пор не утратил в ее глазах прежнего обаяния.

Вместо того чтобы провести Марию, сидевшую за завтраком, или развлечь больного дядю любимой игрой в шашки, Паула снова пришла в комнату раненых. Встреча с Нефорис или Орионом была бы ей тягостна в эту минуту. Молодая девушка давно не чувствовала себя такой подавленной. Может быть, разговор с врачом Филиппом взбодрит ее немного. После всего пережитого в эти недолгие часы одинокой сироте захотелось остановиться на чем-нибудь отрадном.

В первой комнате монахиня сухо спросила, что ей надо и кто позволил ей вмешиваться в уход за пациентами. Филипп обернулся при этом вопросе и решительно объявил, что ему нужны услуги племянницы мукауска.

Окончив перевязывать масдакита, он вышел в залу и сказал Пауле, понизив голос:

– Теперь пока все в порядке. Посидим немного здесь и потолкуем между собой.

Девушка села на диван, а врач поместился на стуле против нее и спросил:

– Ты сейчас искала красавца Ориона. Теперь он едва ли...

– Что такое? – перебила она серьезным тоном. – Запомни раз и навсегда, что между мной и сыном моего дяди нет ничего общего; он так же далек мне, как и его мать. Назвав его в разговоре со мной «красавцем», ты, вероятно, подразумевал нечто такое, на что я не желаю больше слышать ни малейшего намека. Оставим Ориона, мне крайне важно переговорить с тобой об очень серьезных вещах.

– Чему я обязан удовольствию видеть тебя вторично здесь? Говоря откровенно, я не предполагал, что ты вернешься наверх.

– Почему же?

– Позволь мне оставить твой вопрос без ответа. Люди неохотно выслушивают неприятные им вещи. Если кто-нибудь назовет нас не вполне здоровыми...

– Ну, что касается меня, – прервала его девушка, – то единственно, что нравится еще мне в самой себе, это мое здоровье. Прошу тебя, однако, говори прямо. Говори обо мне хоть самое дурное; на меня напала такая апатия, что я рада стряхнуть ее, хотя бы для этого мне пришлось даже рассердиться.

– Ну хорошо... Однако я боюсь восстановить мою добрую приятельницу против себя... Итак, выслушай снисходительно твоего преданного друга. Относительно телесного здоровья тебе может позавидовать всякая рыба, но душевным задором ты едва ли можешь похвастать.

– Такое вступление не обещает ничего хорошего, – заметила Паула. – Из твоего упрека можно заключить, что я обидела тебя или кого-нибудь другого.

– Это бы еще куда ни шло! – воскликнул врач. – Беда именно в том, что мы не видим от тебя ни хорошего, ни дурного. Ты замкнулась в себе и ничего не хочешь знать о своих близких.

– А кого ты называешь моими близкими, позволь спросить?

– Всех, кто окружает тебя здесь в доме, в нашем городе и в целом мире. Ты так же мало замечаешь их, как неуловимый воздух, даже менее того: ведь воздух все-таки физическая субстанция, которая наполняет паруса, гонит корабли против течения, и притом его изменчивые свойства оказывают благотворное или вредное влияние на наш организм.

– Весь мой мир заключается вот тут! – отвечала Паула, приложив руку к сердцу.

– Совершенно верно, но всем живым существам найдется в нем место: то, что мы называем человеческим сердцем, может вместить в себя неизмеримо много. Чем больше мы захотим заключить в него, тем восприимчивее оно оказывается. Для человека опасно довести свой сердечный замок до ржавчины. Если наше сердце очерствеет, тут не помогут никакие усилия. Но я не хочу оскорблять тебя. Кроме того, ты привыкла постоянно смотреть назад.

– А разве я вижу что-нибудь радостное впереди? Твои порицания суровы и отчасти несправедливы. Однако почему тебе известно, куда именно я смотрю?

– Потому что я слежу за тобой глазами друга. В самом деле, Паула, ты разучилась смотреть вокруг себя и вперед. Твоя душа живет в прошлом. Тебе постоянно видится роскошный родительский дом, дорогие лица, окружавшие тебя во времена детства и в ранней юности. Помнишь, на одном помятом свитке из папируса, который достался мне от моего названного отца Горуса Аполлона, я показал тебе удивительный рисунок? Он изображал языческого демона, идущего вперед, тогда как его голова посажена на плечи лицом назад.

– Да, я помню эту картинку.

– Ну так ты похожа на этого духа. «Все течет», – утверждает Гераклит³⁰, и ты принуждена нестись с другими в общем потоке. Или употребим иную метафору: тебе необходимо подвигаться на жизненном пути вперед, к общей цели человечества. Но твои взгляды обращены назад, к прекрасным теням прошлого, к невозвратно утраченному счастью и родному очагу. Однако ты все-таки не в силах остановиться, а что из этого произойдет?

– Ты хочешь сказать, что я споткнусь и упаду?

Молодой врач как будто догадывался, что Паула только что сделала явно опрометчивый шаг, могущий привести ее к гибели. Она смутилась. Беседа с просвещенным другом вместо нравственного отдыха еще более расстроила ее. Как позволила она этому далеко еще не старому человеку взять на себя роль ее ментора? Филипп, пожалуй, станет читать ей формальные наставления!

– Ну нет, – отвечал между тем ученый, – я не допускаю, чтобы ты могла споткнуться. Для этого у тебя... слишком хорошо уравновешенная натура, да и, кроме того, ты ведешь себя, как подобает дочери дамаскского героя, девушке с возвышенным характером среди окружающих ее мелких и ничтожных людей.

– Но в таком случае почему мне опасно оглядываться назад, если это доставляет отраду? – с живостью перебила Паула с прояснившимся лицом.

– Потому что при этом тебе легко наступить кому-нибудь на ногу. Твое равнодушие и вооружает против тебя людей, озлобляет их, хотя на самом деле ты не заслуживаешь ничего, кроме любви.

– Ты несправедлив. За всю свою жизнь я никому сознательно не сделала зла.

³⁰ Гераклит (ок. 554–483 до н. э.) – замечательный греческий философ-диалектик. За глубину и загадочность мыслей, которые он зачастую выражал в сложных понятиях и образах, получил прозвище Темный. Первооснову мира Гераклит видел в постоянном движении, течении вещей, непрерывном изменении («все течет», «в одну реку нельзя войти дважды»). По Гераклиту, противоположности пребывают в вечной борьбе («раздор есть отец всего»); именно на столкновении противоположностей основано все происходящее. Гераклит выдвинул идею вечного мира, разрабатывал отдельные положения теории познания.

– Но согласишься, что это случалось тысячу раз без твоего ведома?

– Тогда мне лучше всего избегать людей.

– О нет, ни в коем случае. Кто отдаляется от близких своих и посвящает себя уединению, тот напрасно думает совершить великий подвиг и возвыситься над мелочами, которые внушают ему презрение. Вдумайся хорошенько в мои слова. Самолюбие и самомнение губят нас очень быстро. Грешно пренебрегать высшими обязанностями к человечеству или, скажем иначе, к обществу окружающих нас людей, хотя бы это делалось и с благородной целью. Человеческое общество представляет собой громадный организм; каждый отдельный человек должен считать себя одним из его членов, стараясь приносить пользу и жертвуя, смотря по надобности, личными интересами. Самая тяжелая жертва бывает легка, когда приносится для общего блага. Но кто захочет ограничиться самим собой... Прошу тебя, выслушай меня до конца! В другой раз у меня не хватит мужества говорить так откровенно из боязни навлечь на себя твой гнев!... Ты хочешь существовать для себя самой. Все пережитое тобой в детстве и юности хранится в сокровищнице твоих воспоминаний под замком и крепкими затворами. Паула хочет вечно остаться тем, что она теперь, но для кого?.. Для той же Паулы! Она перенесла большое горе и упивается им. Такая жизнь, поверь мне, нездорова, и ее действительно необходимо изменить!

Девушка хотела подняться, но Филипп не дал ей прервать себя и слегка дотронулся до ее руки, как будто желая удержать свою собеседницу на диване.

– Ты упиваешься, живешь своим старым горем, прекрасно! Я тысячу раз наблюдал, что страдание облагораживает человека, научает нас сочувствовать ближним, может внушить желание облегчить участь других страдальцев собственным самопожертвованием. Кто узнает душевное горе и недовольство, тот будет ценить земные блага, благодарить судьбу даже за самую ничтожную радость. Но что же делаешь ты? Я уже давно собирался с духом пожурить тебя хорошенько. Ты не обращаешь себе на пользу твою печаль, потому что таишь ее в себе, как драгоценное семя, положенное в серебряный ковчег, а его надо посадить в землю, чтобы оно пустило росток и принесло плоды. Я не порицаю твоих действий, но хочу дать тебе совет как самый верный, самый преданный друг. Научись видеть в себе только члена общего организма, потому что судьба уже распорядилась тобой раньше, без твоего ведома и согласия, и назначила тебе определенное место во вселенной. Подумай, что девушке твоих лет давно пора начать жить для других. Стоит проникнуться этой мыслью, чтобы найти для себя полезное дело. Вот когда посаженное в землю семя прорастет, расцветет пышным цветом и принесет обильные плоды, из которых можно сделать или хлеб для алчущих, или лекарство для себя и для других, тогда мы, по евангельскому слову, предоставим мертвым хоронить мертвецов, посвятив живым богатые дарования, унаследованные тобой от знаменитых родителей и от славных предков. Тебя ожидает на этом пути полное нравственное возрождение.

Паула неподвижно сидела перед Филиппом, опустив голову в глубоком раздумье.

– Знаешь ли, – продолжал он, – что ты уже сделала первый шаг к новой жизни? Сам Бог привел тебя сюда, к ложу страдальцев, жизнь которых ты можешь облегчить своими заботами! Ты молчишь? Я так и знал, что разгневаю тебя своей смелостью. Прекрасная заповедь: любить Платона, но больше Платона любить истину³¹; но кто намерен следовать ей, тот должен быть готов ко всему. Правда слишком часто удаляет друзей от бедного апостола истины!

Дамаскинка встала с места и протянула врачу правую руку. Он порывисто схватил ее и задержал на несколько мгновений, глядя на девушку влажными сияющими глазами.

– Я надеялся, что ты поймешь меня! Это истинно благородное движение сердца. О, если бы я смел назвать тебя своей сестрой, прелестная девушка! Пойдем же, я посвящу тебя в твои

³¹ Перефразировка известного латинского афоризма: «Платон – друг, но истина дороже».

новые обязанности. Если бедняжка персиянка сможет выздороветь, то лишь при твоём нежном уходе.

– Я иду, – с глубоким чувством отвечала Паула, бодро и весело направляясь в комнату больной, но вдруг её лицо снова омрачилось. – Если нам и удастся поставить бедняжку на ноги, – спросила она, – к чему это послужит несчастной невольнице?

– К тому, чтобы наслаждаться солнечным светом, чувствовать благодарность к тебе, трудиться по мере сил для общей пользы и, наконец, просто для того, чтобы жить, так как жизнь, во всяком случае, есть высочайшее благо.

Паула с удивлением взглянула на некрасивое лицо человека, говорившего с таким воодушевлением. Какая радость сейчас озаряла его черты! Наружность молодого ученого как будто преобразилась и стала необыкновенно привлекательной. Он верил в то, что говорил, хотя эта мысль противоречила мнению, которое Филипп разделял ещё вчера и нередко доказывал в своих спорах: именно, что человеческая жизнь не представляет никакой цены для тех, кто не может справиться с ней своими силами и не умеет приносить пользы. Но в эту минуту земное существование действительно представлялось ему высочайшим благом. Паула шла впереди врача, и он смотрел на неё, как пилигрим на святыню, которой он достиг, изранив себе ноги по каменистым горным тропинкам и переплыв бурные потоки.

Они вместе приблизились к постели больной. Монахиня отошла в сторону, перетолковывая по-своему радостную перемену в лице Филиппа и его необычное оживление. Он весело объяснял Пауле, в чём заключается опасность для раненой и какой составлен план для борьбы с болезнью. Девушка слушала его наставления по уходу за больной. Внимательный врач не пропустил ни одной мелочи и, главное, требовал, чтобы во время лихорадочного бреда Паула не противоречила больной, отвечая на её вопросы, как будто болезненная игра воображения пациентки была действительностью.

Наконец, ему пришлось перейти к другому больному. Дамаскинка осталась у изголовья рабыни, всматриваясь в её прекрасное личико. И это бедное создание едва успело расцвести, как было погублено Орионом! Вероятно, персиянка некогда чувствовала к обворожительному красавцу то же самое, что и Паула. А теперь? Перешла ли прежняя любовь в непримиримую ненависть или сердце девушки, как и её собственное, не могло стряхнуть с себя роковых чар? Но к чему поддаваться малодушным мыслям? Пауле следовало быть врагом Ориона! Она погрузилась в раздумье и трезво оглянулась на свою праздную, бессодержательную жизнь, которую вела последние годы. Речь Филиппа была справедлива, и он судил действия Паулы скорее снисходительно, чем строго. Убежденная его доводами, она решила обратить свои дела на пользу ближним, но как следовало приступить к такой задаче, где и среди каких людей? Каким воодушевлением был проникнут Филипп во время этого разговора, как красноречиво доказывал свои мнения и как просияли его черты, когда Паула в знак согласия протянула ему руку!

«Лицо называют зеркалом души, – думала девушка, – если бы это было верно, то Филиппу следовало иметь наружность Ориона, а тому – наружность Филиппа». Но неужели Орион совершенно безнравственный человек? Паула не могла поверить его окончательной испорченности. Она должна или ненавидеть его, или любить; здесь не могло быть середины, по крайней мере теперь, пока оба эти чувства боролись в её душе.

Молодой врач пожелал заменить ей брата. Дамаскинка улыбнулась при этой мысли. Ей, пожалуй, было возможно устроить себе спокойную жизнь вместе с ним, с кормилицей Беттой и с другом Филиппа, старым ученым, о котором он часто ей рассказывал. Паула могла заниматься вместе с ним наукой, помогать ему в работе и беседовать о многих поучительных вещах. Такая жизнь была, конечно, несравненно лучше настоящей, когда молодой девушке вечно приходилось чувствовать неприязнь Нефорис.

В лице Филиппа ей, бесспорно, удалось приобрести верного друга, а если она принимала чью-нибудь дружбу, следовательно, проницательный врач был прав, и ее сердце не успело еще окончательно зачерстветь.

Но отрадные размышления отступали на задний план, как только Паула вспоминала о Гираме. Судьба преданного слуги не на шутку тревожила ее. Кроме того, если между ней и Орионом дело дойдет до откровенной вражды, тогда молодой девушке непременно придется оставить дом наместника. Она часто мечтала избавиться от своего зависимого положения, но теперь ей стало страшно: разлука с дядей повлечет за собой разлуку с его сыном. Паула ненавидела вероломного юношу, однако перспектива потерять его из виду огорчала ее. Переселение в дом Филиппа на правах сестры казалось ей чем-то невозможным и неестественным.

Занятая своими мыслями, дамаскинка прислушивалась к дыханию больной и в то же время старательно исполняла то, что было предписано доктором. Паула ожидала его прихода; однако вместо врача к постели больной подошла монахиня, она приложила руку ко лбу пациентки, пощупала ее пульс и ласково прошептала, как будто не замечая Паулу:

– Ну вот и прекрасно, дитя! Старайся хорошенько заснуть. Здесь самое важное – спокойствие. Жар в голове уменьшился; лихорадка, очевидно, ослабла. Самая большая опасность прошла.

– О, как я рада! – вскричала добровольная сиделка Майданы.

В этом восклицании было столько искренности и чувства, что монахиня ласково кивнула головой и с той минуты охотно предоставила больную на попечение Паулы.

Молодая девушка давно не испытывала такого счастья. Ей начало казаться, будто бы ее присутствие благотельно отзывается на пациентке и что благодаря ее недолгому уходу бедняжка достигла преддверия новой жизни.

Еще недавно Паула считала себя существом, обиженным судьбой, но теперь она дышала свободнее при мысли о том, что и она может принести кому-нибудь пользу. Девушка с нежностью всматривалась в страдальческое лицо персиянки и поправила повязку, прикрывавшую изуродованные уши невольницы. Наконец, склонившись к ее изголовью, она прикоснулась губами к длинным шелковистым ресницам бедного создания.

Умная монахиня мало-помалу стала относиться к дамаскинке гораздо благосклоннее, и когда снова наступил час молитвы, она стала призывать милосердие Божие на Паулу, одинокую сироту в чужом доме, последовательницу истинной православной веры.

Наконец вернулся Филипп, ему было приятно увидеть молодую девушку повеселевшей, и он сказал, что больная благодаря ее уходу перенесла тяжелый кризис, после чего можно ожидать хотя медленного, но полного выздоровления.

Когда Паула меняла примочку, молодой врач внимательно следил за ней и весело сказал:

– Как ты скоро научилась своему делу! Однако теперь пациентка спокойно заснула, сестра дежурит возле нее, и Мандане пока ничего не нужно. О нас с тобой нельзя сказать того же. До обеда остается больше двух часов, а мой завтрак стоит нетронутым; ты тоже ничего не ела; позволь же угостить тебя. Мне всегда посылают такую большую порцию, что ею могут вполне насытиться шестеро дюжих гребцов.

Паула не отказалась от приглашения, потому что голод заявлял о себе. Монахине поручили принести еще несколько тарелок; в чашках для вина не было недостатка. Вскоре новые друзья сидели друг против друга за двумя маленькими столиками, подкрепляя себя пищей.

Филипп разрезал утку и жареных перепелов, прибавляя на тарелку Паулы свежего салата и горячих артишоков, присланных через сестру милосердия поваром, у которого искусный врач вылечил недавно единственного сынишку. Кроме того, Филипп угощал девушку пирожками, фруктами и печеньем, исполняя перед ней должность дворецкого. При этом между ними вскоре завязалась оживленная беседа.

Паула сегодня в первый раз осведомилась о молодых годах Филиппа, и он начал говорить о своей теперешней жизни в обществе замечательного ученого, служителя Исиды, по имени Горус Аполлон, который, несмотря на преклонный возраст, неутомимо работал днем, а ночью занимался научными трудами. Все это Филипп описывал с таким неподражаемым юмором, что его собеседница не раз принималась громко смеяться. Но потом на его лице появилось облачко грусти. Он сообщил Пауле о том, как рано лишился родителей, оставшись после них совершенно одиноким и перебиваясь на самые скудные средства. У него не было родных, потому что его отец приехал в Александрию из Афин, чтобы давать здесь уроки. Таким образом, бедному юноше пришлось самому пробивать себе дорогу. Филипп трудился не покладая рук; такому безобразному и чересчур правдивому Голиафу³², как он, было трудно, по его словам, снискать чье-нибудь покровительство. Проходя курс в высших учебных заведениях Александрии, Афин и Кесарии³³, молодой человек существовал уроками и продажей лекарств, которые изготовлял из собранных им растений. Пищей ему служили один хлеб и плоды вместо жареных перепелов и пирожков, которыми он лакомился в настоящую минуту; вместо вина приходилось довольствоваться водой, что не мешало, однако, молодому студенту находить себе добрых друзей; но найти подругу было трудно при некрасивой внешности юноши.

– Значит, до меня ты не был дружен ни с одной женщиной? – спросила Паула, чувствуя глубокое почтение к человеку, который успел достичь высокого положения благодаря своим собственным силам. Его имя было знаменито не только в Мемфисе, но и во всем Египте.

На вопрос девушки Филипп утвердительно кивнул с такой блаженной улыбкой, что у нее также сделалось светло на душе. Заметив это, врач поднял бокал, выпил за здоровье своей приятельницы и воскликнул с пылающим лицом:

– Что другим дается в молодые годы, то выпало на мою долю в зрелом возрасте, но зато моя подруга не имеет себе равных.

– Во всяком случае, она не так уж дурна, как ты описывал ее сегодня. Однако я опасаясь, что наш союз будет скоро нарушен.

– Ого! – воскликнул врач. – Каждую каплю крови в моих жилах...

– Ты готов пролить за меня, – перебила его Паула с патетическим жестом, который она подметила у первого трагика в театре Дамаска, – но будь спокоен: здесь дело не дойдет до кровопролития; в самом худшем случае меня выгонят отсюда вон и выселят из Мемфиса.

– Тебя? – спросил Филипп, вскакивая в испуге с места. – Но кто осмелится сделать это?

– Те люди, с которыми мне никак не удалось сблизиться. Ты видишь, мой дорогой недавний друг, что с нами может повториться история ученого Дионисия Киринейского.

– Киринейского?

– Да! Я слышала этот анекдот от моего отца. Когда Дионисий послал своего сына в одну из высших школ, то начал писать для него книгу обо всем, что должен делать студент университета и чего ему следует избегать. Отец горячо принялся за свою работу, наконец, она была готова четыре года спустя. Когда же автор написал на последнем листе своего свитка: «Таким образом, эта книга пришла к благополучному окончанию», его сын как раз вернулся в Киринею, окончив полный курс наук без помощи сочинения, которое предназначалось для его руководства.

– Так и мы заключили дружбу...

³² *Голиаф* – филистимлянин, при единоборстве убитый камнем, брошенным из пращи юношей-пастухом Давидом, будущим царем израильско-иудейского государства. Библейская традиция рисует Голиафа человеком огромной силы и поистине гигантского роста: шести локтей с пядью, т. е. не менее 2,85 м (при длине локтя 44,4 см), однако недалеким, несколько наивным и скорее тщеславным, нежели злым.

³³ *Кесария* – вероятно, Эберс имеет в виду Кесарию Палестинскую, которая со II в. являлась епископией; в этом портовом городе находилась школа ученых и обширная библиотека.

– И отлично все подготовили к будущему союзу, чтобы расстаться в самом непродолжительном времени.

Филипп громко стукнул по столу перед своим лицом.

– Но я сумею помешать этому! – воскликнул он. – Однако скажи мне, что произошло между тобой и семейством мукаукаса?

– Ты скоро узнаешь обо всем сам.

– Можешь быть уверена, что я не позволю притеснять тебя, – продолжал врач, гневно сверкая глазами. – У меня также есть право голоса здесь в доме. Ты действительно должна отсюда уйти, но по доброй воле и с высоко поднятой головой!

В эту минуту дверь первой комнаты быстро отворилась, и на пороге залы показался Орион. Филипп и Паула только что кончили завтракать. Юноша с недоумением посмотрел на обоих и заметил мрачным тоном:

– Я вижу, что помешал.

– Нисколько, – возразил врач.

Орион понял, как некстати была здесь вспышка ревности с его стороны.

– Жаль, что никто не присутствовал на вашем симпозиуме! – сказал он.

– Мы были довольны своей беседой и вдвоем, – возразил врач.

– Вполне уверен, – отвечал со смехом юноша. – Однако, господа, к вашему великому сожалению, я действительно вынужден помешать вам. Здесь идет дело об очень важных вещах, – прибавил молодой человек, оставив шутливый тон, который ему было трудно выдерживать. – Я говорю о твоём вольноотпущеннике, моя прелестная неприятельница.

– Разве Гирам вернулся? – спросила Паула, бледнея.

– Его арестовали и привели, – отвечал Орион. – Отец приказал созвать судей... Правосудие у нас совершается быстро. Мне очень жаль конюшего, но я не могу помешать здесь ничему. Прошу тебя не уклоняться от судейского допроса.

– Я расскажу всю правду, – решительно и строго отвечала Паула.

– Конечно, – отозвался Орион и затем прибавил, обращаясь к врачу: – Тебя, превосходный эскулап, я хочу просить, чтобы ты нас оставил на минуту вдвоем. Мне нужно дать моей родственнице один совет, который, надеюсь, послужит ей на пользу.

Филипп вопросительно взглянул на приятельницу, но она громко отвечала:

– У меня нет с тобой никакой общей тайны; ты можешь говорить и при третьем лице.

Орион пожал плечами и хотел уйти, но вернулся от порога.

– Если ты не хочешь выслушать меня ради собственной пользы, – воскликнул он с волнением и явной тревогой, – то сделай это ради других! Здесь идет дело о жизни одного и счастье и спокойствии другого человека. Не отказывай мне; я не настаиваю ни на чем предосудительном, Филипп. Исполни мою просьбу и оставь нас наедине.

Глаза врача снова обратились к молодой девушке с вопросительным выражением. Но этот раз она отвечала: «ступай», и ее друг немедленно вышел из залы. Тогда Орион затворил двери и воскликнул, задыхаясь от волнения:

– Что я сделал тебе, Паула, что со вчерашнего дня ты избегаешь меня как прокаженного и добиваешься моей гибели?

– Я намерена только защитить жизнь верного слуги, – небрежно отвечала она.

– С возможностью погубить меня? – возразил Орион тоном горького упрека.

– Конечно, если у тебя достанет бесстыдства переложить свою вину на честного человека.

– Ты следила за мной вчера ночью!

– Только случайно привелось мне видеть, как ты выходил из таблиния...

– А я между тем спрашиваю, что могло привести тебя в такое позднее время в вирида-риум? – прервал ее юноша. – Мне больно сомневаться в тебе, и я не хочу видеть в твоих действиях ничего предосудительного. Но как ты поступаешь по отношению ко мне? Я не чувство-

вал к тебе ничего, кроме дружбы, и – к чему скрывать? – ты хорошо видела, что я полюбил тебя...

– Полюбил? – прервала, возмущившись, Паула. – И ты смеешь говорить таким образом после того, как стал женихом другой девушки, после того...

– Кто тебе сказал об этом? – глухо спросил Орион.

– Твоя родная мать.

– Так вот что!.. – воскликнул юноша, судорожно сжимая руки. – Ну, теперь я понял... Но постой... Если моя помолвка довела тебя до ненависти ко мне и до мщения, то, значит, ты должна любить меня, ты любишь меня – любишь, прекрасное, несравненное, единственное создание!

Он протянул к ней руки, но Паула оттолкнула их и воскликнула дрожащим голосом:

– Не думай этого! Я не принадлежу к числу кротких овечек, которые так легко попадают в твои сети, когда ты стараешься обольстить их своими совершенствами. Я дочь Фомы, дамаскского героя, и если чужой жених незадолго до свадьбы осмеливается говорить мне о своей любви, завлекая меня в свои сети, то он узнает, на беду себе, что есть женщины, которые сумеют расстроить его бесчестные планы, избежать расставленной для них ловушки и жестоко отомстить за такое оскорбление. Ступай к своим судьям, ложный доносчик! Ты обвинишь моего Гирана, а я обвиню тебя, наследника мукаукаса, как презренного вора! Посмотрим, кому поверит суд!

– Мне! – заявил Орион, и его взгляд загорелся так же грозно, как и надменный взор дамаскинки. – Мне, сыну Георгия! О, если бы ты не была женщиной! Я заставил бы тебя упасть передо мной на колени и молить о пощаде. Как ты смеешь позорить человека, вся жизнь которого была до сих пор чиста, как твое белое платье? Ну да, я входил в таблинный, я вырезал смарагд из ковра, но это было сделано необдуманно, потому что я считал себя вправе распорядиться отцовским имуществом. Потом я отослал драгоценный камень далеко отсюда, ради исполнения пустой прихоти. Пусть будет проклят тот час, когда я решился на безумный поступок! Он может повлечь за собой ужасные последствия именно благодаря твоему озлоблению, которое вызвано в тебе не чем иным, как низкой, мелочной ревностью. И кто мог внушить тебе это чувство?

– Решительно никто, не исключая и твоей невесты Катерины, – возразила дамаскинка с притворным спокойствием. – Кто ты для меня, чтобы я решилась рисковать жизнью невинного человека в угоду тебе? Повторяю еще раз: судьи решат, кто прав, кто виноват.

– Этого не будет, – закричал Орион, – по крайней мере не будет по твоему желанию! Берегись доводить меня до крайности! До сих пор я вижу в тебе женщину, которую любил, и постараюсь устроить все к твоему благу...

– К моему благу? Значит, я также обречена нести ответственность за твою вину?

– Ты слышала во дворе собачий лай?

Паула утвердительно кивнула головой.

– Наши люди поймали Гирана. Ищейки напали на его след; потом их привели в дом, и животных нельзя было отогнать от двери таблинного. Потом люди нашли в этом месте, на белом мраморном пороге, покрытом пылью, отпечаток мужской ноги. Он имел странную форму: вместо пяти пальцев обозначилось только три. Твоего Гирана подвергли осмотру, и у него на одной ноге оказалось только три пальца. Он объяснил, что остальные были ампутированы хирургом после того, как жеребец твоего отца раздробил их копытом. Нам стоило большого труда выспросить эту подробность у заики. Кроме того, на другом конце порога был виден еще маленький след. Я его заметил, хотя собаки пробежали мимо. Ты не можешь теперь отрицать, что стояла там. Вольноотпущенник, не имевший права входить в дом по своей воле, пробрался ночью в наш таблинный, где хранятся драгоценности. Подумай, что скажут на это судьи? Как мало веры дадут они словам молодой девушки, которая находится в явной вражде с моей мате-

рю и, естественно, желает спасти своего слугу. Нет, ввиду таких веских улик твое заступничество не приведет ни к чему.

– Как это низко! – воскликнула Паула. – Но ведь Гирам не крал смарагд, и ты знаешь, кто его похитил. Проданный им камень принадлежал мне, и оба они до того похожи между собой, что даже купец Гашим...

– Да, да, он не мог найти различия между ними! Здесь несомненно вмешались злые, коварные демоны! Право, можно было бы сойти с ума от этой путаницы, если бы в жизни не встречалось на каждом шагу достаточно таинственных загадок. Разве сама ты не представляешь величайшей загадки? Зачем ты поручила сирийцу продать свой смарагд? Вы оба, вероятно, замыслили бегство из нашего дома? Молчишь? Следовательно, я угадал! Конечно, ты не дорожишь моим отцом, не любишь мою мать, а что касается их сына, то тебе доставляет удовольствие вредить ему. Паула, Паула, может быть, ты чудовищно несправедлива ко мне?!

– Я не желаю причинять горя ни тебе, ни кому другому, – возразила девушка, – и твое предположение ошибочно. Дядя отказывается предоставить средства на поиски моего отца...

– И тебе понадобились деньги на поиски давно умершего человека? Даже моя мать признает, что ты воплощенная правдивость; если это верно, и ты действительно не желаешь мне зла, то выслушай меня, прими мой совет, исполни то, о чем я прошу! Я прошу у тебя немногого.

– Говори.

– Знаешь ли ты, что значит честь мужчины? Нужно ли тебе объяснять, что я погибший человек, если судьи моего собственного дома признают меня виновным в краже? Отец может немедленно умереть, узнав о моем позоре, а я... Я не знаю, что со мной будет тогда!.. Боже милостивый, мой рассудок готов помутиться при этой ужасной мысли! Но нечего делать, придется испить чашу позора до дна... Время не терпит... Послушай, Паула! Пойми, что Гиразу в тысячу раз легче подвергнуться обвинению, чем мне. Он и теперь, по-видимому, готов взять вину на себя, потому что на все вопросы отвечает упорным молчанием. Последуй его примеру. Если же судьи укажут на то, что ты сама действовала заодно с сирийцем в эту ночь, – собаки отыскали его следы на твоей лестнице, – то скажи, будто бы преданный слуга решил овладеть смарагдом в угоду тебе, так как ты страстно желала продолжить поиски отца и не имела на это средств. Мне мучительно больно требовать от тебя столь тяжелую жертву, но если ты решишься принести мне ее, тогда клянусь всем, что мне свято – тобой самой и головой моего отца, – я спасу Гирана не только от смертной казни, но и от всякого телесного наказания, от малейшей пытки; три дня спустя он будет освобожден из тюрьмы. Я награжу его по-царски и сам буду способствовать его бегству. Тогда он может поселиться где угодно или продолжать поиски своего любимого господина. Если ты согласна, то тебе нужно только молчать и спокойно оставаться при судебском допросе на заднем плане. Я не требую ничего большего и свято сдержу слово, в чем ты, надеюсь, не сомневаешься.

Паула слушала Ориона, тяжело вздыхая. Он внушал глубокое сожаление. Его мольбы и душевные муки растрогали девушку. Перед ней стоял преступник, который, однако, не признавал за собой вины, полагаясь на доверие людей к его честности. Дамаскинка мысленно сравнила его с прекрасным, гордым деревом, разбитым молнией: оно еще держится, но готово упасть при следующей буре, если садовник не примет мер предосторожности. Пауле захотелось искренне протянуть ему руку и сказать слово утешения, забыв нанесенные обиды; но глубоко оскорбленная гордость не позволила ей пойти на такой шаг, и девушка сохранила до конца свою неприступную холодность в эту решительную минуту.

Она неохотно и сухо согласилась молчать до тех пор, пока Орион будет держать свое слово. Дамаскинка сказала, что становится сообщницей только ради спокойствия его отца; но после этого между ними все должно быть кончено, и она благословит тот час, когда навсегда оставит дом своих родственников.

Конец ее речи звучал особенно сурово. Паула нарочно говорила таким тоном, чтобы не обнаруживать своих настоящих чувств, потому что несчастье Ориона, его позор заставляли ее жестоко страдать. В нем пылкая дамаскинка утратила светлый идеал, так недавно согревавший ее собственное сердце. Между тем юноша не догадывался об этом. Ледяная холодность девушки глубоко возмущала его. Он с трудом сдерживал себя, чтобы опять не дойти до угроз и упреков. Орион почти сожалел, что доверил Пауле свою тайну, просил у нее милости, вместо того чтобы предоставить все дело на произвол судьбы и в случае крайности погубить ее вместе с собой. Лучше лишиться чести и душевного спокойствия, чем еще раз унижить свою гордость перед неумолимым, безжалостным врагом. В эту минуту молодой человек действительно ненавидел дамаскинку и желал получить реальную возможность померяться с ней силами, сломить ее гордость и заставить молить о помиловании. Лицо Ориона горело; и он произнес сдавленным голосом:

– Разлука с тобой будет лучшим исходом. Будь готова, тебя скоро позовут на судейский допрос.

– Хорошо, – последовал ответ. – Я буду молчать, а ты позаботься о спасении сирийца. Порукой мне служит твое слово.

– Я останусь верен своему обещанию, пока ты не нарушишь нашего уговора, иначе, – прибавил Орион дрожащими губами, – иначе борьба на жизнь и смерть!

– На жизнь и смерть! – повторила девушка, сверкая глазами. – Но я не сказала тебе еще одного: у меня есть очевидные доказательства того, что смарагд, проданный Гамалиилу, принадлежал мне; клянусь всеми святыми, что я могу немедленно доказать это!

– Тем лучше для тебя, – глухо отвечал юноша. – Горе нам обоим, если ты заставишь меня забыть, что я имею дело с женщиной.

С этими словами сын мукаукаса поспешил выйти.

XII

Орион спускался по лестнице, сжав кулаки и сверкая глазами. Его сердце, казалось, было готово разорваться. Что он наделал, до чего дошел! Женщина осмелилась говорить с ним так презрительно, женщина, которую он удостоил своей любви, самая прекрасная, самая благородная из всех, но в то же время самая высокомерная, мстительная, ненавистная! Орион однажды прочитал следующее изречение: «Если кто совершил низкий поступок, который известен еще только одному лицу, тот носит смертный приговор своему спокойствию в складках собственной одежды». И вот именно он оказался тем человеком, а другим человеком, владевшим его тайной, оказалась Паула, тогда как он менее всего хотел бы зависеть от нее. Еще вчера сын Георгия считал для себя величайшим блаженством заключить ее в объятия, назвать своей; теперь же испытывал одно неукротимое желание – унижить гордячку. Ну почему у него связаны руки, почему он, как осужденный, должен вымаливать у нее милости? Трудно поверить, что наследник самого богатого и знатного человека в стране попал в такое отчаянное положение. Но Паула должна узнать, что значит бороться с Орионом. До сих пор его имя не было ничем запятнано; он не виноват в том, что роковая ошибка, а вслед за тем непримиримая вражда дамаскинки довели его до крайности. Скоро она поймет, кто из них сильнее! Он накажет ее, хотя бы для этого пришлось решиться на преступление.

Орион не боялся, что Паула полюбит Филиппа; напротив, он был уверен, что, несмотря на вражду, ее сердце принадлежит ему всецело. «Монета любви, – говорил он себе, – имеет две стороны: нежное влечение и пылкую ненависть». Теперь непокорная девушка выказывает неприязнь, но как бы ни были различны изображения и надписи на монете, если мы заставим ее зазвенеть, она будет издавать все тот же звук. И этот звук Орион улавливал в самых оскорбительных словах дамаскинки. За обеденным столом юноша сказал, что Паула не может прийти, и сам едва притронулся к пище: судьи давно собрались в большой зале и ожидали его.

Предки мукаукаса, правители областей, пользовались «правом жизни и смерти» над жителями и применяли его в полной мере еще при потомках Псамметиха³⁴, господству которых положил трагический конец персидский царь Камбис³⁵. В гербе мукаукаса на его дверцах в Мемфисе и Ликополисе, в Верхнем Египте, до сих пор красовались урейские змеи³⁶, укус которых причиняет самую быструю смерть, а между ними был изображен святой Георгий Победоносец. После того как императоры Юстиниан³⁷, а незадолго до того – Ираклий вновь подтвердили старинную привилегию рода мукаукасов, глава семейства имел право подвергать смертной казни по решению домашнего суда как собственных домочадцев, так и жителей окружающих областей. Святой Георгий был помещен в гербе между змеями около двух столетий назад; прежде на его месте находилась фигура с птичьей головой, изображавшая бога Гора, сразившегося с богом Сетхом³⁸ в отмщение за своего отца. Но с тех пор как в Египте распространилось христианство, языческий символ заменили другим.

Завладев страной, арабы оставили в прежней силе старые уставы и права, между прочим, и привилегии мукаукаса.

³⁴ Псамметих I – египетский фараон в 663–610 гг. до н. э.

³⁵ Камбис II – персидский царь с 529 по 522 г. до н. э.

³⁶ Урейская змея – кобра. Изображение кобры как символа власти фараона неизменно помещалось на всех царских коронах и диадемах.

³⁷ Юстиниан I (482–565) – византийский император с 527 г.

³⁸ Имеется в виду эпизод из древнеегипетского мифа о борьбе бога добра Гора, сына Осириса и Исиды, с убийцей своего отца богом зла Сетхом.

Суд в доме Георгия составляли образованные люди, которые находились на частной службе наместника. Должность верховного судьи исполнял сам мукаукас, но, по причине его болезни, естественным представителем отца являлся Орион. В отсутствии юноши казначей Георгия, Нилус, природный египтянин, человек разумный и справедливый, нередко замещал своего больного господина, но теперь на суде был обязан председательствовать Орион.

Сын наместника отправился из столовой в спальню своего отца, чтобы взять у него перстень в знак переходившего к нему полномочия. Мукаукас тотчас снял его с руки, советуя в то же время юноше поступить с виновными по всей строгости закона. Добрый и снисходительный Георгий не мог пощадить вольноотпущенника. В его доме произвели дерзкую кражу, причем тень подозрения пала на Гашима. Арабского купца напрасно оклеветали, и ему следовало оказать правосудие. Между тем юноша просил о снисхождении сирийцу, так как в этом загадочном происшествии отчасти замешана Паула. Гнев мусульманина успел остыть, и он, вероятно, не будет требовать смертной казни преступнику, зная, что Гирам не принадлежал к числу невольников мукаукаса, а служил в семействе префекта Фомы.

Георгий одобрил разумную осмотрительность сына. Если бы его страдания не были сегодня так невыносимы, он велел бы перенести себя в залу заседания, чтобы увидеть, как Орион в первый раз исполнит ответственную и в то же время почетную обязанность верховного судьи. Молодой человек с жаром поцеловал руку отца. Каждое слово одобрения со стороны старика приносило ему глубокую отраду, но вместе с тем убивала мысль о своем вероломстве. При каких явно неблагоприятных обстоятельствах приходилось ему вступать в свои священные права! Он напряженно обдумывал все средства, которые могли спасти Гирама, не навлекая в то же время ни тени подозрения на Паулу. С этой мыслью Орион пришел в залу суда, но при входе увидел кормилицу Перпетую, громко рассуждавшую с казначеем Нилусом.

Старуха была вне себя. Занятая работой при ткацкой, она только сейчас узнала о несчастье с ее земляком и теперь горячо заступалась за него. Смарагд, проданный Гамалиилу, по словам сирийки, был собственностью ее госпожи, что благодаря богу очень легко доказать. Измятая оправа ожерелья не была снята с цепочки и по-прежнему хранилась в шкатулке Паулы. Перпетую особенно возмущало то, что дочь Фомы вызывают на суд как простую гражданку или какую-нибудь невольницу. Это – позор для ее славного имени!

Орион заставил замолчать смелую женщину и распорядился, чтобы ее немедленно заперли в кладовую возле таблиння, где складывали ткани, изготовленные в ткацкой для домашнего обихода. Сын Георгия отдавал приказания таким суровым тоном, что заставил замолчать не только бойкую Перпетую, но даже и казначея, которому юноша велел присоединиться к судьям. Смущенный Нилус сел на свое место. Еще никогда не случалось ему видеть Ориона в таком раздражении. Когда тот услышал слова кормилицы, в нем произошла резкая перемена: на гладком юношеском лбу выступили жилы, ноздри судорожно раздувались, мелодичный голос сделался резким, глаза метали искры.

Оставшись один, Орион скрипнул зубами. Дамаскинка выдала его, несмотря на данное обещание, и с этой целью прибегла к низкой хитрости! Она, конечно, будет молчать до конца заседания после того как ее наперсница Перпетуя передала обо всем казначею Нилусу, самому умному и проницательному человеку из всех домашних мукаукаса. Теперь он узнал все обстоятельства, которые обличали Ориона и оправдывали Гирама. Какое отвратительное лукавство со стороны Паулы! Но она пока еще не достигла цели, и ему было легко отбить направленный против него удар. Угрозы Перпетуи навели его на счастливую мысль, хотя совесть и врожденное благородство удерживали юношу от рискованного шага: долголетняя привычка мешала ему переступить положенные границы справедливости и приличия. Орион не выносил ничего пошлого, а между тем единственное средство защититься от обвинений Паулы заключалось для него в недобросовестном поступке. Но он был готов на все, только бы не уступить ненавистой женщине. Между тем время шло, ему было некогда обдумывать свое намерение; юноша

махнул рукой и решился: ведь в конце концов дело шло о чести его рода! Орион забыл обо всем; им овладело страстное желание выйти победителем из отчаянной борьбы, как в те минуты, когда он, участвуя в состязании в цирке, гнал впереди всех четверку ретивых коней.

Вперед, вперед! Хотя бы легкая колесница разлетелась вдребезги, лошади надорвались, и колеса переехали через товарища, упавшего на песок арены. Вперед, вперед, несмотря ни на что! Выйдя во двор, сын Георгия торопливо побежал в комнату привратника, доброго старика, исполнявшего сорок лет обязанность сторожа у них в доме. Прежде он был слесарем да и теперь иногда занимался мелкими починками. В детстве Орион был красивым, понятливым ребенком, любимцем всех домашних. Но привратник более других привязался к молодому господину, с радостью исполняя все его желания. Мальчик постоянно прибегал в его комнату, где приглядывался к слесарной работе. Имея тягу к ремеслу, любознательный Орион вскоре перенял у старика искусство и начал мастерить ящички и футляры для молитвенников, украшенные стальной резьбой. Эти вещицы он дарил своим родителям в дни рождения, которые праздновались в Египте с особой торжественностью, ознаменовываясь подарками с той и другой стороны. Таким образом молодой человек прекрасно научился владеть всеми слесарными инструментами. Теперь он наскоро выбрал некоторые из них. На окне стоял букет цветов, заказанный для Паулы, но позабытый в суете тревожного дня. С цветами в руках и с инструментами за пазухой юноша поднялся в комнаты верхнего этажа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.